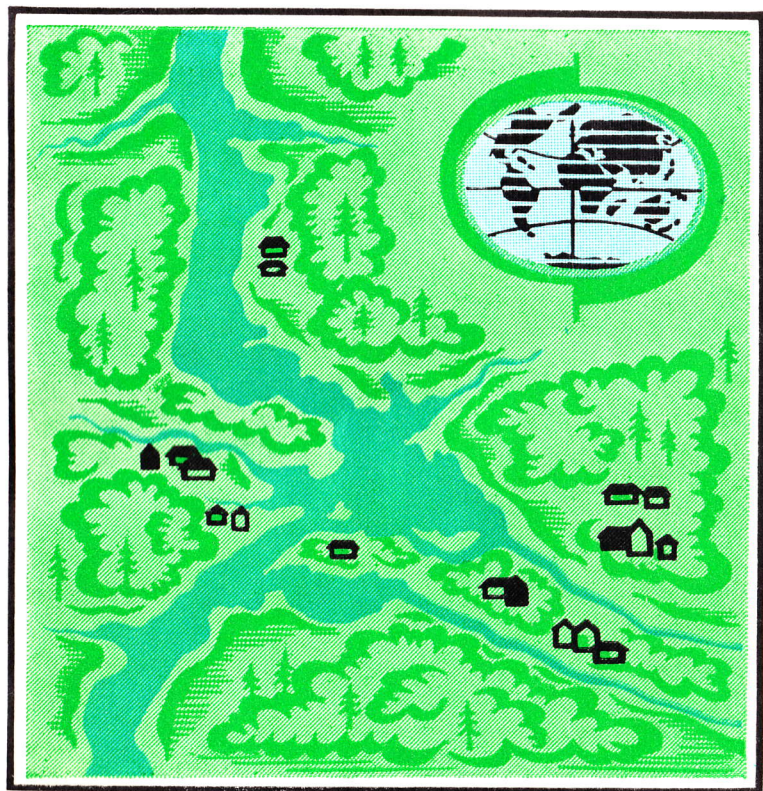

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

ЧТО ТАКОЕ ТОПОНИМИКА?

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Литературоведение и языкознание»

А. В. СУПЕРАНСКАЯ
ЧТО ТАКОЕ
ТОПОНИМИКА?

Ответственный редактор
академии
Г. В. СТЕПАНОВ

МОСКВА
«НАУКА»

1985

PRESSI (HERSON)

С89 Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984.— 182 с.

В книге всесторонне описываются географические названия как особые слова, нуждающиеся в специальном изучении, упорядочении и тщательной охране в связи с теми функциями, которые они выполняют в языке, и той ролью, которую они играют в обществе. Даются сведения из истории географических названий и излагаются требования, предъявляемые к вновь создаваемым названиям. Имеется словарь топонимических терминов.

46.2

Рецензенты

Э. М. МУРЗАЕВ, В. П. НЕРОЗНАК

Александра Васильевна Суперанская
ЧТО ТАКОЕ ТОПОНИМИКА?

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий
АН СССР

Редактор издательства Л. М. Гаврилова
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Э. Л. Кунина
Корректоры М. В. Борткова, Г. Н. Лап

ИБ № 29542

Сдано в набор 17.09.84. Подписано к печати 25.12.84. Формат 84×108^{1/2}/₃₂
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 10,4. Усл. кр. отт. 9,56. Тираж 62000 экз.
Тип. зак. 617. Цена 65 коп.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

С 4602000000-029 96-85 Науч.-поп.
042(02)-85

© «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь человека тесно связана с различными местами, которые обозначаются с помощью особых слов — географических названий, или топонимов (от греческого слова *topos* 'место' и *онома/опута* имя, название) ¹.

Изучением географических названий, выявлением их своеобразия, историей возникновения и анализом изначального значения слов, от которых они образованы, занимается топонимика — одна из отраслей языкознания, или лингвистики (науки о языке). Слово «топонимика» включено в последние издания энциклопедических и отраслевых словарей. Правда, там ему отводится маленькая колонка, в которой невозможно представить все то богатство, которое накоплено топонимистами за многие годы кропотливой работы.

Предлагаемая книга ставит своей задачей расширить рамки общеизвестного, подкрепить энциклопедические сведения живыми примерами из современной практики и из достижений прошлого, показать различные аспекты изучения географических названий, роль географических имен в жизни общества, а также пути и способы создания новых названий.

Совокупность географических названий обозначают словом *топонимия*, а человек, изучающий географические имена, зовется *топонимист*. Совокупность географических названий иногда называют и иначе: *географическая номенклатура*, ср. латинское слово *nomenclatura* 'ропись имен'. Такое обозначение вводит географические названия в один ряд с номенклатурами других отраслей знания, ср., например, химическую, биологическую, техническую номенклатуры. К характерным особенностям номенклатур относятся следующие: 1) неоднородность и одновременность происхождения отдельных элементов, их составляющих; 2) особое положение в языке; 3) тщательная оберегаемость номенклатурных единиц; 4) периодические пересмотры номенклатурных спис-

¹ В конце книги дается небольшой терминологический словарь.

ков. Все это в полной мере касается географических названий и будет показано на страницах книги.

Первое, основное и главное, значение и назначение географического названия — фиксация места на поверхности земли. Точные науки предлагают другой способ такой фиксации — с помощью системы координат. Но такой способ локализации объектов был создан относительно недавно. Он доступен лишь специалистам с серьезной и длительной подготовкой, да к тому же еще и с хорошей памятью на числа. В повседневной практике он неудобен. У людей всех стран с незапамятных времен выработался способ фиксации окружающих их объектов с помощью слов.

Обозначая географические названия словом топонимия, мы подчеркиваем их родство с другими собственными именами, такими, как антропонимия (различные именованья людей), зоонимия (клички животных) и т. д., и одновременно противопоставляем их именам нарицательным. И собственные, и нарицательные имена развиваются вместе с эволюцией языка, однако следуют при этом различным закономерностям, выявить которые можно лишь на основе тщательного анализа материала.

Особое положение имен собственных в языке можно сравнить с обособленным положением планет на своих орбитах. Если общую лексику сравнить с солнцем, вокруг которого вращаются планеты, то каждый тип специальной лексики (географические названия, имена людей, научные термины, различные номенклатуры) можно представить себе в виде своеобразных спутников, сопровождающих общий словарный состав. При этом каждый тип специальных слов находится на своей «орбите» и поэтому не сталкивается с другими.

Подобно другим собственным именам, географические названия относятся к тем особым словам, которые остаются непонятными до тех пор, пока не будет сделано уточнение, к какому объекту они относятся. Это касается любых географических названий, начиная от самых простых и близких нам: *Трёхгорка, Чернушка, Серебрянка, Лесная Поляна, Зайкин Лог, Тетёркин Ключ, Шапка, Краснобумажник* и кончая самыми экзотическими: *Килиманджаро, Кракатау, Альгамбра, Катарангра, Попокатепетль*, которые в своих странах могут, однако, оказаться достаточно заурядными словами соответствующих языков.

Географическое название делается понятным в речи лишь тогда, когда собеседники точно знают, к какому

объекту оно относится. Читатель без труда скажет, что *старая мельница* — это пришедшее в ветхость сооружение, на котором когда-то мололи муку. Но что «Старая мельница» — это ресторан в Сочи, а *Старая Мельница* — лесное урочище в Крымских горах, где во время войны собирались партизаны, знает далеко не всякий. Таким же образом черной речкой можно назвать любую темную текучую воду. Но *Черная Речка* в Ленинграде — район в северной части города, *Черная речка в Севастополе* — река, впадающая в Севастопольский залив, а *Черная речка* близ Алушты — это речка, и урочище, связанное с партизанскими боями, и часть заповедника. Названия *Чаны, Секты, Большедорожное, Кабинетное* относятся к остановочным пунктам Западно-Сибирской магистрали, названия *Гребешок* и *Щебавод* — к станциям Закавказской железной дороги, *Кислый Ключ, Пеньковое, Трудный, Глубокий, Бедовый, Горелый* — к станциям Забайкальской железной дороги. Без подобных объяснений все перечисленные слова непонятны.

В отличие от имен нарицательных, составляющих в каждом языке вполне обозримый фонд, которым владеет каждый образованный человек, имена собственные, в частности географические названия, насчитывают миллионы единиц. Даже самый скромный атлас для учителя средней школы содержит свыше 20 тыс. названий. Указатель к Большому советскому атласу мира включает более 100 тыс. единиц. Но это далеко не предел. В атласах не учитываются названия многочисленных мелких объектов (болот, прудов, ручьев, лесов, холмов, пашен и т. п.), обычно известные лишь небольшим группам местных жителей. По подсчетам американских специалистов, в одном только штате Калифорния зафиксировано 150 тыс. географических названий (без названий улиц)², в то время как английские словари общего типа обычно содержат около 60 тыс. слов, а один из наиболее полных словарей русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова) содержит лишь 85 289 слов³. В отличие от имен нарицательных, топонимы относятся к той категории слов, которые во всем своем объеме известны лишь всему человечеству в целом. Каждый отдельный человек знает небольшое количество названий окружающих его объектов, а также тех мест, где он когда-либо

² Gudde E. G. California place-names. A geographical dictionary. Los Angeles, 1949.

³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. Т. I—IV.

бывал. Кроме того, люди, учившие географию, читающие книги и газеты, помнят наиболее часто встречающиеся названия тех мест, где они никогда не бывали, причем для каждого человека этот набор различен.

Отдельные классы топонимов имеют свои обозначения. Так, названия населенных мест называются ойконимы, от греч. *oikos* 'жилище, обиталище', названия рек — гидронимы, из греч. *hydōr* 'вода', названия гор — оронимы, из греч. *oros* 'гора', названия внутригородских объектов — урбанонимы, из лат. *urbanus* 'городской', названия улиц — годонимы, из греч. *hodos* 'путь, дорога, улица, русло', названия площадей — агоронимы, из греч. *agora* 'площадь', названия путей сообщения — дромонимы из греч. *drōmos* 'бег, движение, путь' + уже известное нам *-оним*; названия небольших населенных объектов — микротопонимы, от греч. *mikros* 'малый' + *-топоним*.

В целях специального научного исследования можно изучать географические названия лишь одного из указанных типов. Это позволяет выявить ряд закономерностей их развития, обнаружить наиболее показательные названия для каждой категории объектов, проследить, как с течением времени менялись их формы, выявить новые тенденции в развитии отдельных, узких секторов топонимии, дать рекомендации относительно форм новых названий. Тем не менее, вычленив таким образом узкий топонимический сектор, мы всегда «режем по живому», поскольку топонимы разных типов очень тесно связаны друг с другом и с другими классами собственных имен.

Есть мнение, что топонимика — это синтез лингвистики, географии и истории. Однако с этим едва ли можно согласиться. Прежде всего представители исторических наук занимаются лишь некоторыми типами географических названий, интересующими их и не имеющими существенной ценности для географов. То же можно сказать о географах, которых интересуют не те топонимы, которыми занимаются историки. Только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются.

Только лингвистическими методами могут быть проверены гипотезы относительно происхождения ряда географических названий. Также только лингвисты дают ответ на многочисленные вопросы географов относительно напри-

сания географических названий на данном языке и передачи их средствами других языков, целесообразности выбора тех или иных новых названий и замены старых.

Представитель каждой науки смотрит на топонимы своими глазами, обращает внимание на различные их особенности и делает выводы совершенно разного характера, подтверждающие, например, концентрацию земель в руках небольшой группы земельных магнатов (историк, социолог), подтверждающие наличие полезных ископаемых (геолог, географ). И то и другое лишь косвенно интересует лингвиста, изучающего законы создания и изменения слов, закономерности накопления характеристик одного типа и убывания особенностей иного типа в разное время, в разных говорах данного языка, в разных местах страны.

Топонимика — это отрасль лингвистики, изучающая историю создания, преобразования и функционирования географических названий. Исторический компонент в топонимике обязателен. Но это не история государств и народов, а история языка. Ни одно историческое событие не отражается в языке непосредственно. Следы его могут быть лишь косвенно обнаружены в отдельных словах, поскольку язык представляет собой достаточно автономную систему, с трудом подвергающуюся внешним влияниям, но постоянно изменяющуюся по своим собственным законам. Не стоят в стороне от этих законов и топонимы, хотя их развитие может быть и достаточно автономным, не всегда согласующимся с общими тенденциями данного языка.

Географический компонент также не чужд топонимике. Но и это особая, лингвистическая география, занимающаяся изучением «расселения» по поверхности земли отдельных слов и даже отдельных оттенков значения некоторых из них, «путешествий» некоторых слов, «переселения» их на другие территории.

Следовательно, топонимисты продолжают традиционные лингвистические исследования с привлечением дополнительных объектов и материалов, подобно тому, как биохимики, оставаясь химиками, переносят свои наблюдения на химические процессы, происходящие внутри живых организмов, т. е. также распространяя их на иные объекты и привлекая дополнительные материалы исследования.

Однако сама специфика имен собственных (ведь имена это не весь язык) подразумевает ряд ограничений в применении методов общего языкознания и некоторое их видоизменение, продиктованное характером ономастических исследований.

В данной книге осуществляется исключительно лингвистическое исследование географических названий. Они рассматриваются как слова, независимо от того, приняты ли они теперь или подверглись изменению, поскольку они представляют интерес как определенные топонимические единицы, соотносящиеся с известными типами имен, а не только как слова, существующие сегодня. В связи с тем, что географические объекты часто переименовываются, прежние названия не исключаем из рассмотрения только потому, что они больше не существуют. Они существовали, а следовательно, представляли определенный тип топонимов, характерный для известной эпохи. И если для современной географии они больше ничего не значат, в языке они могли оставить определенный след и повлиять на дальнейшее развитие топонимических моделей и систем.

Ушедшие из активного употребления топонимы представляют значительный интерес для исторической географии, изучающей состояние территории в прошлом, для всего комплекса исторических наук, а также для истории культуры отдельных народов, в особенности тех, чье прошлое недостаточно полно отражено в исторических памятниках письменности и в других источниках.

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ, ИЛИ ИМЕННАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Слово «континуум» должно быть понятно тем, кто изучал английский язык: презент континуус — это настоящее продолженное время. Слово континуус родственно слову континуум. Оба они латинские, означают протяженность, непрерывность. Об особой ономастической непрерывности речь и пойдет ниже.

Ономастический континуум характеризуется теснейшей связью собственных имен разных типов друг с другом. Он развивается, как и все явления нашей действительности, в пространстве и во времени. Но есть у него и своя специфика. Помимо этих параметров, присущих всем явлениям действительности, он характеризуется еще и культурной непрерывностью, т. е. особой связью имен, созданных людьми разных стран и культур. Поэтому выделение топонимов в отдельный ономастический класс в известной мере условно.

Все имена собственные, окружающие определенный человеческий коллектив, находятся в слаженном взаимодействии. Мы знаем фамилии (*Шуйский, Калугин*) и даже личные имена (*Алдан, Иргыш*), образованные от географических названий. Топонимы *Киров, Дзержинск, Иваново* и др. образовались от личных имен и фамилий. Известны названия островов, данные в честь газеты: *острова Комсомольской правды*, в честь кораблей *о-в Восток, о-в Жаннетты, желоб Садко* в честь корабля «Садко», а тот — по имени былинного героя и т. д. По фамилиям владельцев именовались в прошлом хутора, сады, виноградники, дачи. При этом некоторые владельцы были своего рода «рекордистами». Например, масса различного рода угодий в Крыму принадлежала графу Мордвинову, госпоже Грамматиковой, промышленнику Мальцову, генералу Княжевичу и др.

Небольшие гидротехнические сооружения, строившиеся в прошлом в бедных водой местах, нередко назывались по имени рода или племени, силами которого возводились. Так обстояло, например, дело в Средней Азии и ряде

других мест. В условиях частной собственности на землю, а кое-где и воду названия таких сооружений могли повторять имя землевладельца, например, *Безпаловская канава* в дореволюционном Крыму у пересечения р. Салгир с Симферопольским шоссе — по владениям Безпалова.

В новое время крупные гидротехнические сооружения обычно именуются по названиям водных источников, на базе которых они строятся, или поселений, возле которых возводятся: *Старокрымское водохранилище, Ивановское водохранилище, Волжская ГЭС*. Среди новейших ойконимов немало связанных с фамилиями прославленных людей, обозначающими категории людей, — своеобразной их номенклатурой: *Партизаны, Генеральское, Героевское*. Названия санаториев, домов отдыха, пансионатов нередко тяготеют к антропонимам: имени *М. Горького, «Марат»* или к топонимам — названиям крупных и широко известных объектов: *«Украина», «Белоруссия», «Дон», «Днепр»* (в Крыму). Иногда они также повторяют названия профессий: *«Полярник», «Шахтёр», «Метростроевец»*.

Имена и фамилии людей обычны в основах названий труднодоступных географических объектов: *о-в Чкалова, мыс Шмидта, море Беллинсгаузена*. Имена альпинистов, спелеологов и иных исследователей получают небольшие труднодоступные объекты, например, в Крымских горах: *Боткинская тропа* (в память врача-курортолога), *шахта Крубера* (в честь ученого, много сделавшего для описания карстовых явлений в Крыму), *мост Юнге* (в память об одном из первых людей, осваивавших Коктебель как курорт), *пещера Максимовича* в Айпетринском массиве.

Групповые (родовые) собственные имена людей, а также названия племен лежат в основе таких ойконимов, как *Мангут* (Тюменск. обл.), *Тугуз* (в Казахстане), *Кунград* (в Каракалпакии).

Так взаимодействуют друг с другом имена различных типов. Так пополняется состав географических названий. В связи с этим при исследовании топонимов какой-либо территории необходимо в первую очередь проанализировать встречающиеся там другие собственные имена, в особенности антропонимы. Помимо общеизвестных, там могут оказаться антропонимы, вышедшие из живого повседневного употребления, а потому — трудные для распознавания. Например, в основе топонима *Хатынь* лежит древнерусское имя *Хот* — сокращение от *Хотислав, Хотимир*. Современное восприятие связывает этот топоним со

словом *хата*, чему немало способствует белорусское аналогичное произношение. Топоним *Нежатино* образован от имени *Нежата*, сокращение от *Доманег*, а не от того, что там «не жали».

Выходя за рамки своего первоначального назначения, географические названия способствуют пополнению номенклатур других отраслей знания. Например, на базе топонимов формируется геологическая номенклатура: обозначения ландшафтов, горизонтов, месторождений, формаций, свит: *Айя-Ласпинский ландшафт, Алуштинский амфитеатр, Водракское месторождение известняка, Джангульское оползневое побережье, Узеньбашская мульда, Сивашская мульда, Ялтинский ландшафт*. Топонимы также входят в состав ботанической и зоологической номенклатуры: *Сосна крымская, Афалина черноморская, Афалина дальневосточная, Хомячок джунгарский, Заяц маньчжурский, Кавказский бурый медведь, Кубанский тур, Хомяк дагестанский, Лемминг норвежский*.

Также на базе топонимов образуется значительная часть номенклатуры истории и археологии: *аккайская культура и аккаинцы* (ее носители) по археологической раскопке *Ак-Кая* в Крыму, *киик-кобинская культура, киик-кобинцы* по пещерной стоянке *Киик-Коба* в Крыму, где проводились исследования; *Карасубазарский договор, Адрианопольский мир, Битва за Одер, Севастопольская оборона, Керченский десант, Аджи-Мушайское сражение* и т. д. Все эти исторические события становятся ясными и понятными благодаря тому, что они связываются посредством топонимов с определенным местом и временем.

От географических названий образуются слова со значением «житель такой-то местности», которые структурно тесно связаны с оттопонимными прилагательными: *Балтика — балтиец, балтийский, Новгород — новгородец, новгородский*. Кроме того, от географических названий образуются слова, обозначающие область или окрестности по определенному центру или ориентиру: *Поволжье, Поочье, Подмосковье, Замоскворечье*, а также *Николаевщина, Черниговщина*. Хочется сразу предупредить от ошибок, встречающихся у молодых журналистов. В словах, оканчивающихся на *-ье*, обязательна приставка: неверно сказать *Оренбуржье, Озерье*, следует *Приоренбуржье, Заоренбуржье, Заозерье, Поозерье*. Слова, оканчивающиеся на *-щина*, как названия областей регионально ограничены украинскими землями. В Новгородской, Псковской, Витебской областях с этим суффиксом обычно образуются названия

поселений: *Крулевицина, Шарковицина, Селявицина* Полоцкой обл., ср. *Сажновицина* Харьковской обл., *Братовицина* — Московской обл. Первоначальное значение слов с суф. *-щина* — определенная общность людей с их проявлениями, образом жизни, правления и т. д. Ср. такие отантропонимные образования, как *Хованицина, пугачевщина, обломовщина*. Поэтому слова типа *Рязаницина, Саратовщина, Ленинградщина, Берлинщина* просто по-русски безграмотны.

Прилагательные от географических названий формируют названия предприятий, ср. *Череповецкий металлургический завод, Ивanteeвская мануфактура*.

От географических названий образуются названия различных предметов, главным образом одежды, обуви. Они обычно относятся к женскому роду и имеют суф. *-ка*: *финка, китайка, японка, шотландка, тиролька, кубанка*.

Именная непрерывность наблюдается не только в пространстве, но и во времени: меняются формы названий, меняется языковая и политическая ориентация, и вот в топонимах *Либава* и *Режица*, встречающихся в старых литературных произведениях, мы уже с большим трудом угадываем современные названия *Лиепая* и *Резекне*. Московские старожилы еще помнят те времена, когда *Рижский вокзал* назывался *Виндавским* по небольшому местечку в Латвии *Виндава* (*Виндау* в немецкой интерпретации) — современное *Вентспилс*. Иван Александрович Гончаров начиная с 1879 г. выезжал каждое лето на дачу в местечко *Дуббельн* на берегу Рижского залива. Мы можем лишь догадываться, что это современный курорт *Дубулты*.

В исторических повествованиях, в художественной и мемуарной литературе приходится очень четко выдерживать язык и стиль времени. Пушкин и Лермонтов не могли жить ни в Ленинграде, ни даже в Петрограде (хотя в произведениях Пушкина Санкт-Петербург иной раз и называется *Петроградом* и даже *Петрополем*). В разные периоды истории современный Таллин назывался *Ревелем* и *Колыванью*, а Тарту — *Дерптом* и *Юрьевом*. Если писатель или историк делает ошибку в наименовании объекта, читатель вправе поставить под сомнение и остальное повествование. Поэтому для идентификации географических объектов в разные периоды истории составляются специальные справочники, списки, а также исторические карты.

Создание географических названий — вечно живой языкотворческий процесс. В народной речи ежедневно и еже-

часно возникают обозначения для объектов, представляющих по тем или иным причинам интерес для определенной группы людей, причем названия эти нестабильны. Они меняются у нас на глазах. Например, в новый район города проложили линию автобуса. Остановки назвали в соответствии с объектами, мимо которых он идет: *Кирпичный завод, Сорокавосемиквартирный дом, Детский сад, Перекресток*... Прошло немного времени. Кирпичный завод закрыли, построили различные культурные учреждения, и названия остановок на той же линии изменились: *Парикмахерская, Школа, Больница, Стадион, Детский парк*. Прошло еще несколько лет, и названия тех же остановочных пунктов вновь изменились: *Кинотеатр «Звездный», площадь Победы, Мемориал*.

Здесь мы очень схематично нарисовали картину так называемого первичного наименования, постоянно происходящего вокруг нас. Примеры самой миниатюрной номинации, значимой для двух-трех человек, наблюдаем в играх детей. Например, в одной деревне брат и сестра, катаясь на велосипеде вокруг ближайших к их дому хозяйственных построек и угодий и воображая, что они едут на поезде, дали названия соответствующим «остановкам»: *Пень, Старая Машина, Сарай, Забор*. Таким же образом, осваивая место купания, дети часто дают свои, лишь им понятные названия отдельным камням в реке или на берегу моря, поваленным деревьям, отмелям, песчаным косам и т. д.

Все это свидетельствует о том, что процесс создания и дальнейшего преобразования географических названий сопутствует человеку на протяжении всей его жизни.

Указанные выше изменения вызваны социальными причинами. Но бывают и изменения, связанные непосредственно с видоизменением географических объектов. Так, 6 июля 1975 г. на Камчатке, южнее вулкана Плоский Толбачик, началось большое трещинное извержение, продолжавшееся в течение 17 месяцев, до 10 декабря 1976 г. Это было крупнейшее для исторического периода базальтовое извержение в цепи вулканов Камчатско-Курильской группы. Из недр земли было выброшено болсо двух кубических километров вулканических лав, шлаков, пеплов, происходили смещения земной поверхности, достигавшие до 50 м, выросли новые вулканические конусы высотой до 300 м, лавовые поля толщиной до 90 м, новые углубления и провалы и т. д. В результате рельеф местности сильно изменился, возникли новые вулканиче-

ские формы, в том числе крупный вулканический конус с абсолютной высотой 1212 м над уровнем моря и шириной основания более километра. Естественно, такому объекту требуется наименование. Было предложено назвать его *вулканом Горшкова* в память о Г. С. Горшкове, директоре Института вулканологии ДВНЦ АН СССР.

Следовательно, изменяемость названий во времени определяется не только постепенной перестройкой топонимов как слов, но и физическим возникновением новых объектов, получающих свои наименования.

Именная непрерывность может быть отмечена и в плане культурных, идеологических и прочих влияний. Как бы радикально ни менялись топонимы какой-либо территории, наряду с новыми и новейшими там все равно сохраняются названия предыдущих эпох. При этом более старые названия роднят эту территорию с одними регионами, а более новые — с другими. Например, древнейшие топонимы Болгарии (*Тракия, Струма*) роднят ее с Грецией, а новейшие порой приближаются по своим типам к топонимам Советского Союза (*Толбухин, Мичурин*).

Древнейшие миграции населения при несовершенной технике передвижения были, однако, необычайными по своим масштабам, которые в настоящее время трудно себе представить. И лишь топонимы могут быть свидетелями этих миграций. Так, например, некоторые топонимы Северной Африки перекликаются с топонимами юга Европейской части СССР, а те, в свою очередь, с топонимами Сибири и даже Северной Америки. Случайные ли это совпадения или следы бывших этнических контактов — вопрос, на который мы пока затрудняемся ответить.

Тем не менее, занимаясь одним каким-либо типом собственных имен, мы не имеем права забывать о других. Собственные имена образуют часть словарного состава каждого языка. Подобно тому, как не может быть языка, в котором не было бы названий для окружающих человека предметов и явлений действительности, не может быть и языка, в котором бы не было собственных имен. Без них любой язык был бы неполным, а многие вещи остались бы незазванными.

Таким образом, ограничение предмета исследования, принятое в данной книге, искусственно и условно. Оно лишь помогает нам сосредоточиться на одном из типов собственных имен для того, чтобы их лучше изучить, выявить их возможности и закономерности.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ономастику, и в особенности топонимику, можно сравнить с архитектурой. У архитекторов есть понятие архитектурное пространство, т. е. определенный ландшафт, в который вписывается здание. Есть понятие решение архитектурного пространства, которое может быть плохим, удовлетворительным, интересным, блестящим. Под решением понимается заполнение имеющегося пространства постройками, которые хорошо вписываются в заданное архитектурное пространство или нарушают его, дисгармонируют с ним. В качестве образца такого пространства можно привести отдельные уголки Южного берега Крыма. Например, пользующийся всемирной известностью Воронцовский дворец прекрасно вписывается в архитектурное пространство, а недавно возведенный позади него новый железобетонный корпус нарушает это пространство, дисгармонируя и с ландшафтом и с уже имеющимися постройками.

Все собственные имена, существующие в данное время у данного народа, составляют его ономастическое пространство. Они существуют не «всем скопом», а равномерно распределяются по определенным речевым ситуациям, нередко давая однозначное указание на именуемый с их помощью объект. Продолжая эту идею, можно говорить о топонимическом пространстве, которое заполнено в строго установленных местах названиями определенных типов, при этом каждому поколению известны не только свои современные географические названия, но и названия предыдущих эпох, и топонимы зарубежных стран. Поскольку основное назначение топонимов — территориально фиксировать объекты, в представлении каждого человека определенное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации. Например, говоря о каком-либо человеке, что он получил образование в Париже, мы можем представить себе круг людей его эпохи, с которыми он соприкасался, идеи которых воспринял, музеи, театры, дворцы, которые он посещал и т. д. Говоря о том, что детство Некрасова прошло на Верхней Волге, мы знаем, среди какой природы он вырос, какие картины ему с детства врезались в память, мы знаем экономическое и правовое положение крестьян Ярославской губернии того времени и, следовательно,

знаем, какие трудовые процессы и какие взаимоотношения людей он наблюдал, чем возмущался, что его радовало, как складывался его характер и та платформа, на которой строились его концепции в дальнейшем.

Продолжая аналогию между топонимами и архитектурными памятниками, мы видим, что любой архитектурный памятник сочетает в себе сведения о духовной культуре людей, его создавших (назначение памятника, архитектурные мотивы, дух времени, отразившийся в проекте и его воплощении), и об их материальной культуре (строительный материал и способы его обработки, орудия и вспомогательные средства, применявшиеся при постройке). То же самое можно сказать и о топониме, как о своеобразном языковом памятнике своей эпохи. Он также хранит в себе сведения о духовной культуре людей, его создавших (слово, использованное в качестве основы названия, мотивировка названия, связь названия с культурно-историческим назначением именуемого объекта). Возможна связь топонима и с материальной культурой (ряд названий дан по службам, производству, работам ископаемых и т. д.). Все это «законсервировано» в основах собственных имен и в способах образования топонимов. Но есть у топонимов, как и у архитектурных памятников, и своя, особая, материальная сторона — это тот языковой материал, из которого созданы названия. Подобно тому, как анализ материала, из которого построен архитектурный памятник, — дело очень сложное, специальное, доступное лишь людям, сочетающим в своей научной подготовке много разнообразных специальных знаний, анализ «материала», из которого «построены» географические названия, — также достояние лишь узких специалистов, обладающих тем не менее очень широкими и разносторонними знаниями.

Но если охрана архитектурных памятников стала делом государственной важности (существуют специальные комиссии и комитеты по охране исторических памятников), то охраной топонимов пока что занимаются недостаточно. Массовое обследование русских архитектурных памятников в конце XIX — начале XX в. позволило сделать ряд интересных теоретических выводов о самобытности русской архитектуры, о ее глубоких народных корнях и противопоставить эту концепцию господствовавшим в то время представлениям об эклектизме русского архитектурного стиля. Такие же глубокие обследования должны быть проведены и с географическими названиями.

ми, особенно древними. Они, подобно памятникам архитектуры, требуют точной фиксации, всевозможных «обмеров» и «промеров», точного описания, на основе которого может быть составлена концепция о закономерностях истории создания национальных географических названий.

Понятие ономастического пространства меняется от языка к языку и от народа к народу. На определенных этапах в него включаются и гипотетические, и фантастические зоны, также заполненные своеобразными объектами и их именами (*Земля Санникова*, небесные и подземные реки). Лица, употребляющие эти имена, уверены в существовании самих объектов, даже если их нет и могло никогда и не быть. Однако и такие имена занимают определенное место в языках и культурах определенных народов. Имена давно умерших лиц, названия давно не существующих городов также в какой-то степени входят в ономастическое пространство, не соотносясь, однако, с объектами, реально существующими сегодня.

Непрерывный континуум, который представляет собой ономастическое пространство с его разнообразным заполнением в разные эпохи и у разных народов, доступен в полном обзоре лишь для лиц, специально этим интересующихся. Ономастическое пространство, доступное отдельному индивиду, включает в себя разные области его, но лишь во фрагментарном виде.

СЛОВО НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Взгляните на географическую карту. На ней все просто, экономно и в то же время значимо. Она окружена рамочкой из чередующихся белых и серых отрезков, длина которых соотносена с координатной сеткой карты и, обычно равна одному градусу (а одна минута градуса по меридиану составляет 1800 м, или 1 морскую милю). Вне рамки находится так называемая легенда (от лат. *legenda* — читаемое), т. е. совокупность условных значков, принятых на данной карте, и пояснения к ним, раскрывающие содержание информации карты.

Советский языковед А. А. Реформатский писал, что язык карты это язык графики и красок. Объектом «чтения» карты являются линии, точки и иные геометрические фигуры, надписи — словесные и цифровые, интенсив-

ность цвета и сам выбор его, расположение всего этого относительно друг друга, а также относительно тех условных линий, с помощью которых плоскости карты соотносены с координатами земного шара. В отличие от обычного текста, который принципиально линейен, т. е. имеет начало и конец, карта не линейна; она «одновременно говорит» обо всем, что в ней содержится. На карте нет связного чтения знаков. Каждый значок, каждая надпись довлеет себе и не нуждается в линейном продолжении¹. Зато очень важно окружение каждого значка, его сочетание с близлежащими и более отдаленными. Например, черные и серые квадратики в районе Рура говорят о наличии там запасов каменного и бурого угля, значки, указывающие на железо и полиметаллы, несколько западнее, говорят о возможности создания здесь мощного промышленного комплекса.

Многоаспектную нагрузку географической карты можно разделить на словесную и прочую. Несловесной нагрузкой интересуются картографы, географы, геодезисты, экономисты и другие специалисты. Нас интересует словесная нагрузка географической карты, заключающаяся в информации особого рода. И хотя ни географы, ни картографы не могут обойтись без тех слов, которые пишутся на картах, информация, которую эти слова несут, намного превосходит объем, необходимый для их непосредственной работы (подробнее об этом см. в гл. «Информация»).

Географическая карта — это местность в миниатюре, причем, как бы ни сокращался ее масштаб, соотношение объектов на карте остается такой же, как на местности. Но здесь надо иметь в виду одно очень важное обстоятельство: то, что написано на карте, на местности обозначено быть не может; именованья живут в разговорной речи местного населения, звучат в их устах. И если одно село называют *Вишнёвое*, а другое — *Вишенное*, одно *Молбчное*, а другое — *Молбиное*, исправление или сведение двух написаний к одному далеко не всегда возможно.

Слово на географической карте — это совершенно особый аспект его существования, в значительной мере автономный как по отношению к другим сферам речевой деятельности, так и по отношению к картографии в целом, с ее техникой значков и красок. Семиотично, т. е.

значимо, даже расположение самих слов на карте относительно друг друга. Оно отражает расположение на земной поверхности географических объектов, именуемых этими словами. Иначе говоря, карта на своей плоскости (на бумаге) передает информацию о размещении объектов в пространстве. И если значки сообщают о том, что это за объекты (реки — голубые линии, железные дороги — линии с чередующейся черной и белой окраской, города и поселки — кружочки, причем в зависимости от численности населения меняется размер и окраска кружочка), то слова говорят нам, как называются эти объекты.

Но и из тех слов, которые «допущены» на карту, к собственно названиям относятся не все. Помимо них есть и поясняющие слова. Правда, их по возможности стараются заменить значками или приурочить определенный тип и размер шрифта, которым написано название, к обозначению объектов определенной категории: город прямым шрифтом, деревня — курсивом (оба черным цветом), река, озеро — голубым курсивом, но полностью без них обойтись нельзя. Поясняющие слова соотносят географические названия с понятиями науки-географии, характеризуют виды географических объектов: *Смоленско-Московская возвышенность*, *Огинский канал*, *Житомирская область*, *Приднепровская низменность* и т. п. При таких названиях, как *Ворон*, *Хопёр*, *Иловля*, *Тихая Сосна*, *Красивая Меча*, *Лесной Воронеж*, поясняющее слово *река* не пишется (так как имеется цветовое и шрифтовое выделение). Названия городов: *Смоленск*, *Рославль*, *Шостка* написаны черным прямым, а деревень и сел: *Большое Солдагское*, *Любимовка*, *Ивня* — черным курсивом. Само отсутствие при них поясняющих слов также оказывается семиотично. Их нет и при названии села *Белое*, но они есть в названиях *Белое море* и *Белое озеро* (в последнем случае чаще как *оз. Белое*).

Карта, как правило, фиксирует официально принятые формы топонимов, не всегда совпадающие с теми, которые употребляет местное население. Например, люди, живущие в городе *Давид-Городок* или вблизи него, называют его просто *Городок*. Так получается разрыв между топонимическим контекстом географической карты и составом топонимов в речи местного населения, причем на местах многое часто меняется, а на карте продолжает оставаться в прежних формах, отходя, таким образом, от реального употребления.

¹ Реформатский А. А. Семиотика географической карты. — В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика, М., 1964, с. 52—53.

Ю. А. Карпенко пишет: «Локализованность топонимов означает, что их действительным контекстом является территория»². Территориальная их закреплённость особенно ощутима там, где в говорах местных жителей наблюдаются более или менее явные различия. Вместе с говорами, от села к селу, меняются и формы, в которых употребляются топонимы, например, *Ивановка* и *Іванівка*, *Заречье* и *Заріччя*. На многих территориях топонимы существуют в двух и более формах, например, в русской и украинской: *Рассвет* и *Світанок*, *Бугский лиман* и *Бузький лиман*.

Поскольку названия географических объектов складывались веками, на любой карте неизбежно присутствуют слова, созданные в разные эпохи, в разных языках и связанные с самыми разнообразными сферами человеческой деятельности. Среди них есть слова, постепенно сформировавшиеся в своем языке в ходе его развития, и слова специально созданные для наименования именно данного объекта, слова, заимствованные из других языков, и слова, унаследованные от народа, обитавшего на данной территории в прошлом. Попадая на географическую карту, слово порывает с породившей его лексической системой и включается в иную, топонимическую, систему, с другими условиями существования, иными способами организации элементов, новыми параметрами, определяющими ее жизненность. Такой перенос слов из одной системы в другую нередко полностью меняет их судьбу в языке. Попавшее на карту слово переживает свою эпоху, теряет связь со временем, становится своеобразным двойником живого слова. Одно и то же слово может претерпеть значительные изменения в речи жителей отдельных территорий. Помещенное на карте слово сохраняется в неизменном виде. Находящиеся на карте названия, возникшие в разные эпохи, делаются в речи одного языкового коллектива словами одной эпохи, употребляющимися одновременно.

Попавшее на карту слово хранит культурно-историческую информацию о своей эпохе, однако для местного населения оно просто именует географический объект и отличается его от соседнего. Для историка и географа оно не просто слово-название, но и часть номенклатуры, этикетующей предметы, которыми они занимаются.

Проблема выбора и подачи слов на географической карте составляет автономный раздел прикладной науки, подведомственный лингвистам. Поэтому хороший картосоставитель должен быть одновременно и языковедом. Все дальнейшее изложение будет посвящено лишь языковедческому аспекту географических названий. Они будут представлены как особые слова, с особой историей и особой судьбой. Но прежде необходимо остановиться на именуемых с их помощью объектах.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

Все окружающие нас вещи имеют свои названия. Не получает названия лишь то, что невозможно вычленишь из непрерывно сменяющего друг друга многообразия форм, что не обращает на себя внимания, для чего трудно или вообще невозможно подобрать словесное обозначение. Имеют названия и географические объекты — неодушевленные природно-физические или рукотворные «предметы» с фиксированной локализацией на земном шаре, от самых крупных (континентов и океанов) до мельчайших (отдельно стоящих домов, садов, колодцев).

В отличие от обычных предметов географические объекты получают названия двух типов: общие, вводящие их в систему определенных понятий (*гора, река, город, село*), и индивидуальные.

Индивидуальные названия даются каждому географическому объекту в отдельности: города *Тула, Калуга, Липецк, Тамбов*, реки *Унжа, Ветлуга, Керженец*, горы *Эльбрус, Казбек, Ушба*. Индивидуальное название нельзя переместить с одного объекта на другой, т. е. нельзя Тулу назвать *Калугой*, а Эльбрус — *Казбеком*. И если даже в переносном значении мы можем сказать *Гималаи мусора* или *Эверест опилок*, то употребляем в этих случаях топонимы не в географическом значении, а лишь имея в виду величину объекта, названного ими.

Общие названия объединяют географические объекты с любыми другими вещами реального мира. Они выражены с помощью имен нарицательных, которые, называя, классифицируют и даются всем однотипным объектам, обладающим определенными характеристиками. Так, *остров* — это любая суша, омываемая со всех сторон водой, от больших островов типа Гренландии или Мадагаскара

² Карпенко Ю. О. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови. Лекція. Чернівці, 1962, с. 5.

до крошечных, представленных небольшими песчаными отмелями или группой камней, торчащих из воды.

Классы географических объектов едины для всего земного шара. Несмотря на огромное число самих объектов, все их многообразие может быть сведено к относительно небольшому числу типов. Прежде всего существуют природно-физические объекты и объекты, созданные человеком или так или иначе им преобразованные. Первые составляют своеобразный естественный фон для вторых, поскольку они существовали на поверхности земли до вмешательства человека.

Вся поверхность земли делится на сухопутную (территория) и водную (акватория). Далее — различаются ландшафт и рельеф, которые могут быть наземными и подводными. Различные сочетания ландшафта и рельефа характеризуют отдельные области, формируя своеобразные физико-географические объекты. Может быть выделен положительный и отрицательный рельеф, т. е. горы, холмы, поднятия, с одной стороны, и впадины, трещины, провалы — с другой. Между ними располагается нейтральный равнинный пейзаж, причем все это наблюдается не только на поверхности земли, но и под водой, где имеются впадины, подводные хребты и т. д., например, *хребет Ломоносова, хребт Менделеева, котловины Нансена, Амундсена, Подводников, Канадская котловина, Чукотское поднятие* и т. п. в Северном Ледовитом океане. Названия всех природно-физических объектов, связанных с территориями, относятся к оронимам, а связанных с акваторией — к гидронимам, подводных формаций — к гидрооронимам.

В акватории могут быть выделены моря, океаны, заливы, проливы, бухты. Озера, пруды, реки, ручьи представляют самостоятельный гидрографический тип. Болота составляют некоторый тип переходных образований между гидрографическими и орографическими.

Особый тип объектов составляют подземные образования. Поскольку изучением пещер ведает спелеология, то сами названия пещер, гротов и целых подземных систем могут быть названы спелеонимами. Названия подземных рек и озер можно считать гидронимами. Но сам факт нахождения их внутри пещер заставляет нас относить их и к спелеогидронимам. Таким образом, и здесь проходит граница орографии и гидрографии.

Размежевание оронимов и гидронимов по линии балка — речка также оказывается не всегда убедительным,

поскольку в засушливые годы многие небольшие реки пересыхают, а в дождливые периоды сток с гор осуществляется практически по всем оврагам. Отсюда обозначения типа: мокрая балка, сухая балка, ливневая балка.

Сложно также разграничение родников, с одной стороны, и ручьев и рек — с другой, поскольку почти все родники, источники, ключи (если они не каптированы) дают начало ручьям и рекам. Тем не менее в связи с очень значительными качественными отличиями указанных объектов названия источников и вытекающих из них ручьев часто бывают разными.

Характерно, что для местного жителя даже такие крупные физико-географические объекты, как горы, реки, моря, существуют лишь постольку, поскольку они входят в круг его экономических и иных интересов, а не как целостные гидрографические или орографические системы, какими видит их географ. Из крупной горной системы местные жители могут знать лишь одну-две горы, за которыми скрывается солнце или на которых расположены какие-либо угодья. В связи с этим иногда на вопрос «А что там дальше, за этими горами?» отвечают «Ничего», не потому что на этом кончается обитаемая земля, а потому, что круг хозяйственных интересов местных жителей этим ограничивается. Так, люди, непосредственно живущие на территории Карпатских гор, могут не знать названия *Карпаты*. Для них есть *Бескиды, Высокие Татры, Низкие Татры, Яворники, Лесистые Карпаты*, но нет *Карпат* как единого названия, объединяющего всю горную систему.

Крупные природно-физические объекты порой не имеют единых и четких границ. Например, что такое *Сибирь* в полном, географическом объеме этого представления люди узнали относительно недавно. Величина и границы (Сибири для жителей Московского государства) менялись по мере познания ими данного объекта. Иной раз крупный физико-географический объект с достаточно четкими границами (озеро, горная система) долгое время не имеет единого названия, потому что у каждого обитающего поблизости народа он именуется по-своему.

Таким же образом у многих людей, живущих близ какой-нибудь реки, может не быть названия для всей реки в целом. Например, великая река Индокитая в своем верхнем течении зовется *Дза-чу*, в среднем — *Ланьцангцзян*, в нижнем — *Меконг*. Картографы искусственно перенесли название ее нижнего отрезка на всю реку, создав единое название для всей водной системы. Картосоставителям

нередко приходится также решать вопрос, что есть основная река и что приток. Например, самая большая река Северной Америки *Миссисипи* обычно рассматривается, как если бы ее верхним течением была река Миссури, а не то, что называется верховьями Миссисипи. Самой большой рекой Крымского полуострова сейчас считается *Салгир*, берущий начало на северных склонах главной гряды Крымских гор и впадающий в южную часть Восточного Сиваша. На картах прошлого века самой большой рекой считалась *Биюк-Карасу*, а Салгир изображался как ее приток. Название реки *Волга* относилось в древности лишь к верхнему течению реки. Нижнее и среднее течение называлось *Итиль*. Этот гидроним частично сохраняется и теперь у тюркоязычного населения Советского Союза, поскольку один из притоков Волги, Кама, называется у них *Итиль*, а река Белая — *Ак-Итиль*, т. е. 'Белая Итиль'. Указанное положение имеет и некоторые геолого-гидрографические обоснования, поскольку вследствие мощности водного потока, образуемого Камой, некоторые высказывались в пользу того, что именно она есть основная река, а Волга — от верховьев до устья Камы — ее приток.

Следует отметить, что свойствами, достаточными для их специального выделения, обладают не все физико-географические объекты, а лишь наиболее крупные, благодаря чему они приметны и широко известны, или объекты причудливой формы, мимо которых невозможно пройти, не обратив на них внимания. Крупные физико-географические объекты часто получают названия на основе их физических свойств, мелкие — на основе образов, порожденных фантазией человека в связи с необычностью их форм, например, в Крыму — *Долина Привидений*, сплошь покрытая каменными изваяниями, напоминающими причудливые фигуры людей и животных. Гора с раздвоенной вершиной в Крыму раньше называлась *Чатал-кая* (из тюркского *чатал* 'рогулька' + *кая* 'скала'). Теперь в селе Лесном ее называют *Кошкой*, поскольку оттуда вершина ее напоминает кошачью голову с торчащими ушами, а в пионерском лагере «Юные разведчики» ее называют *Колдун* (оттуда гора кажется фантастическим профилем старика).

Иной раз незазванными остаются и достаточно крупные географические объекты. Так, например, еще совсем недавно на территории Киргизии был безымянный хребет и пик высотой 4785 м над уровнем моря. Потребность в

наименовании этих отдаленных и труднодоступных объектов появилась лишь после их всестороннего изучения группой ученых под руководством академика М. М. Адышева, именем которого и было предложено их назвать. Масса незазванных объектов по-прежнему сохраняется в Антарктиде, хотя в результате ежегодных планомерных экспедиций на картах появляются все новые и новые названия.

Так меняется состав географических названий. В зависимости от назначения карты и от степени изученности территории в разные эпохи на разные карты неравномерно наносятся населенные и ненаселенные объекты. Объясняется это не только заинтересованностью людей преимущественно в объектах того или иного типа, но и самим наличием имен у одних объектов и отсутствием их у других в разные периоды истории. Интересно, что безымянные объекты мы обычно даже не замечаем, и наоборот, примечательным объектам обязательно даем индивидуальные имена, чтобы как-то выделить их.

Обычно географ-картосоставитель и местный житель смотрят на одни и те же объекты по-разному: географ видит в них рельеф (возвышенности, понижения, склоны, вершины), местный житель — возможности хозяйственного использования ландшафта, наличие полезных угодий (пастбищ, кустарников). Вследствие этого нередко картограф и местный житель упстребляют одни и те же названия применительно к разным объектам (в зависимости от своего понимания и восприятия их), например, *Сырт-Оба* в Крыму для скотовода — 'северное пастбище', для географа — 'продолговатая возвышенность'.

Первичность физико-географических объектов по отношению к объектам рукотворным ощущается очень явственно в тех случаях, когда поселения возникают, исчезают, переносятся на другие места, а реки, горы, моря сохраняют свои очертания.

Объекты, связанные с деятельностью человека, достаточно разнообразны по своему характеру. Это государства, провинции, области, районы, поселения (от крупнейших городов до отдельно стоящих домов), внутригородские объекты (улицы, площади, сады, парки, стадионы, кварталы, части города). Все они выделяются почти исключительно в связи с их ролью в жизни общества. То же относится к пахотным участкам, рыболовным и охотничьим угодьям, огородам, покосам, виноградникам, плантациям. Они выделяются в связи со способом экс-

плуатации или в связи с их принадлежностью определенным лицам.

Если мы посмотрим на географические объекты с точки зрения величины, то сразу обратим внимание на несоразмерность многих из них и на их своего рода иерархию. Например, географические области, такие, как *Поволжье*, *Среднерусская равнина*, *Забайкалье*, обширны по своим размерам, а границы их нечетко обозначены. Государства, области, районы — это также крупные географические объекты, но имеющие, в отличие от предыдущих, четкие границы. Могут быть протяженные объекты — реки, каналы, горные хребты и объекты точечные — поселения, наконец, могут быть объекты масштабные — леса, поля, горные районы, крупные города, очертания которых наносятся на карту по возможности точно, и внес масштабные, например, деревни, занимающие в действительности значительно меньше места в пересчете на масштаб карты, чем изображающий их кружочек.

Различные объекты попадают на географические карты не в одинаковой пропорции. Преобладают социально значимые объекты: области, районы и их центры, наиболее крупные реки, озера. Огромное количество деревень, сел, ручьев не попадает на карты общего назначения. Помимо общих, существует множество специальных карт, на грузку которых могут составлять преимущественно горы или реки, преимущественно плотность народонаселения и его национальный состав или особенности флоры и фауны региона. На таких картах города могут быть даны очень ограниченно, лишь для некоторой ориентации и привязки лесных и степных областей к определенным центрам.

Названия внутригородских объектов и предприятий редко попадают на географические карты. Значительно чаще они обозначаются на специальных схемах размещения отраслей промышленности или на планах городов. И то, и другое строится на принципиально иных основаниях по сравнению с географической картой. Для них не обязательна привязка к координатам, ориентация на Север и т. д. Схема делается так, как ей удобнее пользоваться.

Названия предприятий — это названия принципиально иного ономастического ряда, несмотря на то, что они порой очень тесно соприкасаются с топонимами, служа для них основами, ср. станция *Фабричная*, *Полотняный Завод* — имение Гончаровых, из рода которых происходила жена А. С. Пушкина Наталия Николаевна, город *Петрозав-*

одск. Названия предприятий — эргонимы относятся к комплексным объектам, складывающимся на основе некоторой территории, но включающим и оборудование, и людей, и производственные отношения. Благодаря своей привязанности к месту они сближаются с топонимами, а благодаря связи с профессионально объединенными группами людей — с обозначениями коллективов — соционами.

Отличие эргонимов от эрготопонимов состоит в том, что первые относятся к предприятиям как таковым. Если предприятие меняет свое местонахождение, его название перемещается вместе с ним. Обосновавшись на новом месте, предприятие сохраняет свое старое или получает несколько преобразованное название — эргоним. Эрготопоним — это географическое название, данное эргогеографическому объекту в связи с нахождением его вблизи какого-либо предприятия. Например, название города *Шахты* отнюдь не означает, что люди живут в шахтах под землей. Это лишь свидетельство того, что вблизи города располагаются шахты. Название поселка *Серный Завод* также означает, что он возник при заводе. Что это не сам завод, подчеркивается написанием слова *Завод* с прописной буквы, которая создает в таком случае несколько переносное значение, показывая, что это собственное имя. Аналогично название поселка *Серный Источник* свидетельствует о нахождении его вблизи источника, и прописная буква у этого слова подтверждает это.

Общественная необходимость индивидуального наименования каждого отдельного объекта возникает в разное время, однако не раньше, чем он попадает в сферу бытового или научного внимания коллектива. Рукотворные объекты обычно получают свои названия параллельно с их сооружением, природно-физические — по мере их открытия и изучения. В частности, до сих пор оспаривается целесообразность выделения, помимо уже существующих океанов, *Южного океана* и его *Амеразийского бассейна*, т. е. зоны, противолежащей пространству между Америкой и Азией.

Выявление категорий географических объектов и их классификация чрезвычайно важны для топонимиста. Ведь нередко судьба топонимов как слов данного языка зависит именно от того, какой категории объектов они даны. Изучением объектов как таковых занимаются географы, гидрологи, спелеологи, изучением роли этих объектов в жизни человека — экономические географы, демографы, социоло-

ги, экономисты. Всем им нужны географические названия как слова, фиксирующие эти объекты на местности и на карте. Но подлинное изучение этих названий требует специальной лингвистической подготовки.

КАКИЕ БЫВАЮТ ТОПОНИМЫ?

Начиная знакомство с топонимами, постараемся наметить и различные аспекты их изучения. Например, можно поставить вопрос, какое слово или сочетание слов, какая часть речи способны быть географическим названием? Анализ показал, что многое здесь зависит от характера именуемого объекта. Имя собственное всегда предметно и дается тем реалиям, которые воспринимаются как предметы. Чем конкретнее предмет, чем четче он вычленяется из окружающего ландшафта, тем выше его способность иметь собственное имя и тем понятнее само имя.

Способностью быть собственным именем обладает в первую очередь имя существительное, ср. названия городов: *Калач, Изюм, Орёл, Белгород*. Города как объекты рукотворные наиболее четко выделяются из окружающего ландшафта, и названия их чаще всего бывают именами существительными. Наименее четко выделяются отдельные пахотные участки посреди распаханного поля, сенокосные угодья среди казалося бы нерасчлененной местности. Их названия обычно бывают многословными, включающими дополнительные поясняющие слова, например: *Над порогом покосы, Марьина пожня, Под дубами Филькин покос; Красный холм* (лучший пахотный участок), *Средний клин*; то же относится к названиям рыболовных угодий на озере или реке: *Глина ко второму полю, Сухая гора за мхом, За осинником правый бок, Под берёзой участок, Угол большой дороги, К Ванькиному углу* (примеры С. А. Копорского) — так видят рыбаки с озера объекты на берегу. На подобной же основе составляются морские лоции, инструктирующие моряков, как заходить в ту или иную бухту, как подходить к какому-либо причалу, не наскочив на подводный камень или мель.

Предметность как особое свойство категории собственных имен требует субстантивности слов, к ним относящихся. Если именем собственным становится словосочетание или целая фраза, последняя в некоторых отношениях уподобляется имени существительному (с точки

зрения согласования с другими членами предложения). Приведенные выше примеры приближаются к именам существительным лишь в небольшой степени. Случай, более ярко выраженный, приводила В. И. Тагунова — название покоса *За озеро*, превратившееся в *Зазеро* и ставшее склоняемым: *косить в Зазеро*.

В русском языке много топонимов, образованных от имен прилагательных: реки *Быстрая, Светлая, Черная*, озеро *Боровое, Форельное*. По всей вероятности, это усечение фраз типа *Быстрая река, Боровое озеро*. Поэтому превращение прилагательного в существительное здесь неполное. Названия железнодорожных станций и станций метро имеют традиционные формы на -ская: *Сорокская* (бывшая *Сорока*, теперь Беломорск), *Ботаническая* (ранее Правый Берег), *Тарасовская* (при селе Тарасовка) и т. д. Имея форму прилагательных, они занимают в предложении место, предназначенное для существительных. Вследствие этого можно сказать: *В притишшем Весёлом* стали происходить странные события; *Праздничная Георгиевская* встречала гостей. В обычном употреблении в русском языке прилагательные не могут иметь при себе определения и сами служат определениями к существительным: можно сказать *спелый арбуз, красный арбуз*, но нельзя сказать: *красный спелый*.

Употребление глаголов в составе собственных имен свойственно не всем языкам. Например, тюркское название пустыни *Барса-Кельмес* означает в переводе: 'если пойдет — не вернется'. Название одной аравийской пустыни в переводе означает 'замолчите вы оба'. Русскому языку имена, образованные от глаголов, не свойственны. Лишь иногда встречаются относительно новые названия поселков, образованные от причастий: *Бушующий, Ревущий, Гремящий*. Но в предложении такие названия ведут себя подобно именам существительным (занимают место подлежащего или дополнения, могут иметь при себе определение). Ср. названия физико-географических объектов *Ревущий грот, Гремячий ключ*, где имеется существительное *грот, ключ*, придающее этим названиям-фразам устойчивость и субстантивность.

Географическое название, как и любое слово, создается в каком-нибудь одном языке. Но, в отличие от обычных слов, проникновение которых в языки других народов ограничено, топонимы широко заимствуются во все языки мира. О том, как это происходит, мы узнаем из главы «Транскрипция географических названий».

Но одним этим интернациональность топонимов не исчерпывается. Мы уже отмечали, что одной из характерных черт любой номенклатуры является ее неоднородный состав. Географическая номенклатура каждой территории включает слова, восходящие к разным языкам и созданные в разное время. Если на данной территории живут люди, говорящие на разных языках, или происходили изменения национального состава населения, в ее топонимии непременно войдут названия, созданные на языках всех этих народов. Такая легкая проницаемость для заимствованных названий отличает топонимический ярус лексики от прочих ее участков, где заимствования возможны в значительно меньшей степени.

В топонимии любого региона много слов, унаследованных от предыдущих эпох, которые легко воспринимаются нами как существительные и как собственные имена, потому что иначе мы их не понимаем и не воспринимаем: *Уржум, Арзамас, Таруса*. Восприятие незнакомых, не вызывающих никаких ассоциаций слов как имен собственных свойственно человеку любого возраста. Ср. примеры из детской речи: «Мы были у доктора. Его звали *Терапевт*»; или, услышав, что родители едут в *Клайпеду*, ребенок спросил «А к какому *Лайпеду*?». Совершенно аналогичным образом на некоторых картах территории России, очевидно составлявшихся нерусскими, при некоторых озерах латинскими буквами написано их якобы название: *Ozerovkotorombivajetsol*, т. е. «озеро, в котором бывает соль»! В Австралии и на окружающих ее островах есть несколько названий *Кенгуру*, есть даже остров *Кенгуру*. Это вовсе не означает уважения к известным нам животным. Это всего лишь «Я Вас не понимаю» на языке туземцев. Э. М. Мурзаев приводит многочисленные названия гор *Музтаг* в Центральной Азии, что значит на языке местных жителей «ледяная гора»¹. Такие названия появились в результате недопонимания географом и местным жителем друг друга. Географ понял нарицательное обозначение объекта как имя собственное, хотя, очевидно, многие из этих гор имели у местного населения и индивидуальные обозначения. В основе названия *Юкатан* в Северной Америке и *Алеутских* островов лежит переспрос на

языках местных жителей: «Не понял, в чем дело, что ты говоришь?».

Пестрота и неоднородность географических названий отмечаются на любой территории. Везде соседствуют бок о бок и очень молодые, и очень древние названия, названия, восходящие к разным языкам и к словам разных типов. Если Вы русский, то даже на карте Центральной России Вы без труда обнаружите названия нерусского происхождения (*Жиздра, Кимры, Некоуз, Черусты*), если Вы казах или киргиз, то и на своих родных территориях Вы найдете много нетюркского: *Тянь-Шань, Вагш, Нура*, не говоря уже о более новых топонимах русского происхождения.

Создаваясь на определенном языке, каждое географическое название распространялось вместе с расселением данного народа. Отсюда в Нижнем Поволжье наряду с русскими названиями типа *Икряное, Капустин Яр, Никольское* встречаются тюркские (*Астрахань*) и монгольские (калмыцкие) *Элиста, Харабали*. В Среднем Поволжье, наряду с русскими названиями (*Языково, Козловка*), отмечаются финско-угорские (*Мокша*) и тюркские (*Сенгилей, Казань, Кабан*). В Верхнем Поволжье, помимо русских (*Ярославль, Рыбинск*), имеются финно-угорские (*Кинешма, Нерехта*) и балтийские (*Лама, Пено, Удомля*).

Переходя из языка в язык, топонимы видоизменяются. Интересные примеры подобных изменений приводит К. Бруннер². При заселении бывших французских владений в США англичанами многие воспринимавшиеся на слух топонимы переосмыслились с позиций другого языка. Так, местечко *Bois Brulé* в Мичигане, буквально «горелый лес», стало звучать в устах англичан *Bob Ruly* (очевидно, было воспринято как чье-то имя и фамилия); в Арканзасе местечко *Glaise à Paul*, т. е. «глина Павла», превратилось в *Glazy pool*, буквально «глянцевитая лужа», *Purgatoire* «чистилище» стало *Picketwire* «проволочное заграждение», *Chemin Couvert* «скрытая дорога» стало сначала *Smack Cover* «хлопающая крышка», а затем — *Smackover*, сочетание, не имеющее однозначного объяснения; *L'Ours* «медведь» в Миссури стало *Loose Creek* «свободная речка».

Помимо группировки топонимов в связи с характером именуемых объектов может быть предложена их группировка в соответствии с зонами размещения, поскольку

¹ Мурзаев Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959, с. 150; Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, с. 379.

² Бруннер К. История английского языка, М., 1955, т. 2, с. 360.

топонимам каждой зоны свойственны определенные черты. Например, для русского Севера типичны речные названия с конечными элементами *-га, -ма, -ша*. Встречая названия типа *Кокшеньга, Возма, Кандакаша*, специалист будет с большой долей вероятности искать именуемые ими объекты на Севере Европейской части СССР. Для Испании и Латинской Америки типичны топонимы (в особенности названия рек) с начальными элементами *гв-, гу-: Гвадиана, Гвадалкивир, Гуанаре, Гуарико, Гуадалавьяр* и т. п. Для Океании типичны топонимы с большим стечением гласных звуков: острова *Ниуэ, Атиу, Тубуаи, Лау*, объекты на Гавайских островах: *Мауна-Лоа, Мауи, Оаху* и т. д.

На любой географической карте нам встретятся и очень длинные, и очень короткие географические названия. Интересно, что такой чисто структурный фактор, как длина слова, оказывается в тесной связи со временем возникновения названия и с типом именуемых объектов. Так, проанализировав ряд двубуквенных и трехбуквенных топонимов: *Апа, Дак, Ея, Кен, Об* и *Обь, По, Сан, Су, Туй, Уда, Чай, Чу, Элк, Яр, Яя*, мы обнаруживаем, что все это речные названия, что все они очень древние, и некоторые из них (*Апа, Об, Обь, Су, Чай, Чу*) обозначают 'река' или 'вода' на одном из известных нам языков. В случае одноименного названия реки и города ойконим, как правило, образовался от гидронима.

Средняя длина топонимов, как правило, несколько превышает среднюю длину антропонимов. Объясняется это тем, что многие топонимы произошли от имен, прозвищ, фамилий людей, причем, помимо чистого переноса имен в топонимический ряд: *Анна, Губкин, Ерофей Павлович*, наблюдается (и значительно чаще) образование топонимов от антропонимов с помощью различных словообразовательных элементов: *Иваны, Иваново, Иванихино, Ивантеевка, Ивановская*. В связи с различного рода административными преобразованиями, а также с переселениями людей порой возникают очень длинные названия, как, например, *Старонижнестеблиевская* или *Новомалороссийская, Дубровский Конный Завод, Вторые Левые Ламки*. Курьезный случай самого длинного названия приведен в английском журнале «*Messano Magazine*», 1957 vol. XLII, N 1, Liverpool в статье «*New Year Progress*» подписанной The Editor (Издатель). Это название железнодорожной станции на острове Англиси, состоящее из 58 букв: *Llanfairpwllgwyngyllgogerychwyrndrobwlllantysilio* *gogogoch* (L. M. R. Station, Anglesey). Это валлийское на-

звание принадлежит языку древнейших жителей Британских островов. Их орфография очень сложная, содержит множество непронизносимых букв. Правилам чтения на основе норм английского языка такое название не подчиняется. В качестве «прогресса» нового, 1957 г., автор статьи отмечает, что эта станция стала называться *Llanfair Station Лланфер-Стейшн*, валлийское *Лланвайр-Стейшн*, т. е. ее название приблизилось к среднестатистической длине топонимов. Для сравнения приведем самую длинную английскую фамилию. Она взята из телефонного справочника американского города Филадельфия: *Wolfeschlegelsteinhausenbergerdorff* — 35 букв. Хозяин этой фамилии, по-видимому, южнонемецкого происхождения. Фамилия образована от каких-то немецких географических названий, которые могут быть приблизительно переведены на русский, как 'горная деревня истребителей волков с каменными домами'. В качестве не менее интересного топонимического курьеза обычно приводят название одного индейского озера, которое в переводе означает «Ты лови рыбу у своего берега, я буду ловить у своего, никто не ловит посередине».

Все названия можно разделить на исторически сложившиеся и выдуманные. По внешнему виду их нередко бывает невозможно отличить друг от друга, поэтому, для того чтобы раскрыть содержание названия, необходимо бывает привлекать исторические документы. Как правило, такой анализ в большей степени доступен для названий населенных пунктов и в значительно меньшей для названий природно-физических объектов, потому что названия населенных мест чаще попадали в древние документы. Таковы, например, сведения, что в таком-то году такой-то князь построил город, в таком-то году в таком-то селе был заложен или освящен храм и т. д.³ Утратив свою социально-экономическую значимость, которую эти события имели в прошлом, они обрели новое культурно-историческое значение для исследователей собственных имен.

Более старые названия создавались, как правило, естественным путем, в результате многочисленных проб, изменений, преобразований (*Кантемировка, Маньково, Волчья, Чертково*). Новые названия нередко бывают результатом одновременного акта наречения. Тогда они не отражают истории создания или перестройки названия, а сразу за-

³ Многочисленные примеры см. в кн.: *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.

писываются в соответствующие документы. Удачность или неудачность их во многом зависит от языкового чутья того, кто их придумал. Таковы, например, топонимы *Сосногорск*, *Кимовск*, *Красный Пахарь*, созданные в соответствии с известными топонимическими образцами от новых основ, ранее в сочетании с такими элементами не выступавших.

Типы географических названий в общем обозримы, хотя особенности местных условий создают специфику топонимов каждого региона. Перемноженные на количество языков, на которых названы одни и те же реалии, лежащие в их основе, топонимы образуют сотни и тысячи индивидуальных слов. Вследствие этого топонимы оказываются очень разными «от рождения», что и обеспечивает четкую выделяемость именуемых с их помощью объектов. Если же топонимы искусственно конструируются в одно время для многих объектов, среди них поневоле оказывается масса похожих, потому что для каждой эпохи типичны свои названия, свои основы топонимов и свои словообразовательные средства. Поэтому для специалиста достаточно беглого просмотра списка топонимов, чтобы он определил, к какому языку, эпохе и культуре они относятся. Например, *Дедилово*, *Дедушкин порог* — старые русские, *Днепрострой* — новое русское.

В разных сферах общения встречаются разные формы топонимов. Например, есть формы, официально утвержденные. Они включаются в почтовые и железнодорожные справочники, в энциклопедии и учебники. В быту нередко можно встретить разнообразные неофициальные формы. В литературных произведениях, кроме того, встречаются и поэтические варианты общеизвестных топонимов, например, *Авзония* вместо Италия, *Альбион* вместо Англия.

Интересно отметить, что поэтические формы топонимов часто используются в номенклатурах других отраслей знания, например в химии, для создания названий химических элементов. Таковы *полоний* от древнего латинизированного названия Польши — *Полония*, *лютеций* от древнего названия Парижа *Лютеция*.

Официальные формы некоторых топонимов, особенно названий государств, слишком громоздки. Их употребляют лишь в исключительных случаях — в дипломатической переписке, при заполнении иностранных паспортов и прочих документов. В обыденной речи употребляют более простые формы названий. Ср. официальное *Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии* и

обычное *Англия*. Топоним *Англия*, образованный от названия одного из древнегерманских народов — *англы*, соответствует названию языка, на котором говорят в *Великобритании* (так называется самый большой из островов, на котором разместилось это государство). Но название *Англия* по отношению ко всей указанной стране неточно. Оно не полностью соответствует его территории. Название острова *Великобритания* образовано также от племенного названия — *бриты*; так называлось одно из кельтских племен, обитавших на острове до прихода туда германоязычных англов, саксов и ютов. Интересно, что в речи самих англичан официальное название их страны употребляется также очень редко. В неофициальных ситуациях чередуются *Англия*, *England* и *Британия* — последнее в двух вариантах: *Brittany* и *Britannia*. Вторая форма считается особенно возвышенной и поэтической. Даже гимн Великобритании начинается словами «Правь, Британия!»

Этот далеко не полный обзор показывает, насколько многообразны типы окружающих нас топонимов. Поэтому нельзя создать единую и всеобъемлющую классификацию топонимов. Каждый раз нужна оговорка, в каком аспекте они рассматриваются.

Ниже мы подробно остановимся на некоторых, наиболее интересных типах географических названий, но сначала обратим внимание на две диаметрально противоположные их категории: топонимы-метки и топонимы-описания.

ТОПНИМЫ-МЕТКИ И ТОПНИМЫ-ОПИСАНИЯ

Метка — это знак для памяти, при этом знак, понятный лишь посвященным. Человек с древнейших времен метил принадлежавшие ему предметы. Своеобразными метками-тамгами метился скот. Метки-зарубки определенной формы и размера на камнях и деревьях оставляли охотники-следопыты, пробираясь в лесу. Английский логик Дж. С. Милл считал своеобразными метками и собственные имена, которые, подобно любому другому знаку, понятны лишь посвященным. Поясняя это, он обращался к старинной арабской сказке об Али-Бабе и сорока разбойниках.

Али-Баба пошел в лес рубить дрова и случайно обнаружил пещеру, в которой жили разбойники. Он взял часть накопленного там богатства. Узнав о том, что кто-то

побывал в пещере, разгневанный атаман послал одного из разбойников выяснить, кто этот дерзкий незнакомец и где он живет, чтобы затем разграбить его дом, а хозяина убить. Выполнив задание атамана, разбойник поставил мелом крестик на воротах дома Али-Бабы. Хитроумная служанка Али-Бабы Марджана разгадала замысел разбойников. Она не стерла этот крестик, но поставила такие же на воротах всех домов улицы, на которой жил Али-Баба. Разбойники запутались и так и не обнаружили нужного им дома, а посрамленный исполнитель задания поплатился головой. Дж. С. Милл считал, что собственное имя так же непонятно, как и крестик, если неизвестно, что им помечено.

На старинных картах, а также в рукописях древних географов нередко можно встретить географические названия, соотнесенные неизвестно с какими объектами, точная локализация которых нам неясна. Следовательно, это такие же метки, которые были известны древним людям, посвященным в суть вопроса. Но теперь эти названия утратили свое географическое значение, сохранившись как памятники языка, на котором они были созданы. К числу таких неразгаданных меток относится, например, *Сукидава*, отмеченная в русских летописях за 971 г. на Дунае. Там русские во главе со Святославом сражались против греков. Другие названия этого поселения *Доростол* и *Дерестр*. Птолемей также писал о поселении *Succidava*. Французский географ Лекьен идентифицировал, однако, это место со средневековой крымской крепостью *Судая* (современная Судакская крепость). Прокопий⁴ в сочинении «О постройках» поместил на Дунае (Истре) следующие укрепления: *Сальтунирг*, *Доростол*, *Сикидаба*. Последнее созвучно с *Сукидава* русских летописей, находящейся также на Дунае, но оказывается не тем же самым объектом, что *Доростол*.

Потому, читая старинные сочинения, так трудно идентифицировать упоминаемые там объекты. Около двухсот лет ведется полемика, где находились древние *Фуллы*, в прошлом хазарская крепость, позже — центр Фульської епархии. Большинство исследователей помещали Фуллы в Крым, но в разных местах полуострова (и на месте пещерного города Чуфут-Кале, и на Никитском мысу, и близ Ливадии, и на месте современной Евпатории, и Старого

⁴ Прокопий Кесарийский — греческий автор VI в. н. э. Другие примеры из его работы см. в гл. «Основные линии топонимической номинации».

Крыма, наконец, вблизи современного Планерского). Некоторые вообще помещали Фуллы за пределами Крымского полуострова. Константин (Кирилл) Философ со своим братом Мефодием (создатели нашей азбуки) в 840 г. ездили в Крым с чрезвычайной миссией от византийского императора. Они отмечали существование культа деревьев «въ Фульстѣ языци». Последнее может свидетельствовать об этническом происхождении названия *Фуллы*.

Таким образом, топонимы-метки выделяют определенные географические объекты, но ничего не сообщают нам о них самих. Если по каким-либо причинам связь топоним — объект ослабевает, объект может получить другое название, а прежний топоним превращается в тот неразгаданный крестик, который перестал быть понятным после того, как утратил однозначную связь со своим объектом.

Приведем несколько примеров древних названий известных нам объектов. Когда-то Днепр назывался *Борисфен* и *Варус*, Днестр — *Тирас* и *Трулл*, Буг — *Куву*, Прут — *Вруг*, Серет — *Ателькузу*, Дунай — *Истр*. Все они для нас — метки. Однако в данном случае мы знаем не только объекты, но и эпоху, когда какая из меток употреблялась.

Очевидно, недостаточность, неубедительность в ряде случаев топонимов-меток компенсируется наличием топонимов-описаний.

Любой географический объект можно назвать, снабдив его соответствующей меткой, и можно описать, обрисовав его более или менее точно. Например, небольшой мыс, расположенный несколько восточнее Судак в Крыму, можно назвать *Алчак*, и можно дать его описание: каменный вытянутый мыс, желтоватого цвета, обрывающийся в сторону моря, с юго-восточной стороны напоминающий чей-то профиль, принимающий на закате солнца розовато-оранжевый оттенок и т. д.

И собственно названия, и описания очень важны для путешественника, мореплавателя. Описания способствуют зрительному распознаванию объектов. Они непременно присутствуют в инструкциях для туристов, в морских лодциях. На любой физической карте найдется немало названий, заключающих в себе краткие описания объектов. Например, самая северная точка Африки называется «белым мысом», что по-испански звучит *Кабо-Бланко*, по-французски — *Кап-Блан*, по-итальянски — *Капо-Вьянко*, по-арабски — *Аль-Раас-аль-Абьяд*. В течение многих сто-

летий это название переводится с одного языка на другой, потому что несет информацию о том, что представляет собой данный объект. Это имеет большое значение для моряков и путешественников. На русских картах разных лет издания это название передается в транскрипции то с испанского, то с итальянского, то с арабского языка, вследствие чего теряется не только связь всех этих форм между собой, но и заключенная в них информация, т. е. из топонима-описания, каким он является для жителей Средиземноморья, он становится для русских топонимом-меткой, к тому же не имеющей единого написания и звучания.

Топонимы-описания и топонимы-метки — это своеобразные крайние точки топонимической шкалы. Стремясь в силу самой своей природы стать метками, многие топонимы хранят, однако, в себе элементы описательности, представляющие большой интерес для исследователей: *Красный Камень, Зеленый Мыс, Тихая Вода*.

Заметим, однако, что топонимы-описания далеко не эквивалентны полноценным описаниям объектов, даваемым в учебниках географии, энциклопедиях, в литературе. И это не только потому, что обычная их длина (два, максимум три слова) не позволяет этого. Основная причина кроется в том, что любое название-описание основывается лишь на одном из множества признаков объекта. Очевидно, в момент называния признак этот представляется для именующих наиболее важным, а быть может, и единственным, заслуживающим, с их точки зрения, внимания, например, *Черные скалы*. Несмотря на обилие [в топонимии] объектов, носящих название *черный* (*Черная речка, Черное море, Черная гора*), художник скажет, что абсолютно черного цвета в природе нет. И действительно, если мы начнем с пристрастием рассматривать любой из «черных» объектов, нам едва ли понадобится черная краска, чтобы его нарисовать. Если какой-то участок леса назван *Зеленая роща* — и это признак временный. Ведь осенью роща окрасится в желтые и красные тона, а зимой деревья сбросят свой убор. В то же время любой из объектов, носящих описательное название, может его сменить, что свидетельствует о том, что в основу такого названия положен признак не универсальный, не абсолютный, не исключительно присущий только этому объекту. Это свидетельствует о том, что даже самое, казалось бы, «описательное» название содержит в себе элемент «метки».

Скорейшему превращению названия-описания в метку способствует его дальнейшая эволюция, которая может пойти по пути свертывания названия-фразы, превращения ее в одно слово: *Большеречье, Староселье*, где, правда, сохраняется элемент описательности, но меняется его реализация. Другой путь, по которому развиваются названия-описания, также направлен на превращение их в однословные топонимы, но вследствие устранения одного из компонентов фразы, обычно второго: *Богатое Село — Богатое*. Такое видоизменение возможно вследствие того, что основная нагрузка в названии-фразе обычно приходится на определяющий компонент, а определяемое (особенно в ойконимах) легко угадывается, подразумевается: *Подгорная, Житная, Заливная* (деревня), *Погромное* (село).

Казалось бы, понятные русские фразы: *Дубовый Умёт, Костин Шар* остаются непонятными в отрыве от местных условий: *умёт* в Поволжье — одинокий постоялый двор, на Урале — хутор, *шар* на Севере пролив. В этом также проявляется стремление топонимов к знаковости, к тому, чтобы стать меткой.

Лишь частично описательными оказываются названия типа *Верхний Баксан, Новый Некоуз*, потому что никто не знает, что такое *Баксан* или *Некоуз*. Включение в их состав характеристики *Верхний, Новый* свидетельствует о том, что может быть еще и другой Баксан (*Нижний, Средний*, просто *Баксан* без дополнительных определений) или другой Некоуз. Тем не менее из-за неясности значения основного компонента указанные топонимы также стремятся к тому, чтобы стать метками.

Первичное описательное значение названий, данных на одном языке, стирается с течением времени или при переходе в другие языки. Например, название *Аральское море* для русского языка звучит наподобие описательной фразы, отвечающей на вопрос: «Какое?», ср. *Белое море, Красное море*. Но прилагательного *аральский* в русском языке нет, и фраза *Аральское море*, несмотря на свой, казалось бы, описательный характер, оказывается «пустым» определением, стоящим ближе к метке, чем к описанию. Добавим, что в тюркских языках *арал* значит «остров», а название этого моря *Арал денгизи* «островное море», или «море с островами», оказывается нормальным топонимом-описанием. Однако это море, а по точному географическому определению — озеро названо так не потому, что на нем есть острова, а по местности *Арал* в дельте Амударьи,

где ее протоки создают многочисленные острова. Таким образом, между тюркским словом со значением 'остров' и названием моря имеется еще одно звено — название местности *Арал*, и *Арал денгизи* — это не просто 'островное море', а море, прилегающее к местности *Арал*, что достаточно четко отражено в русском переводе этого названия, который попадает в один ряд с такими названиями, как *Андаманское*, *Яванское*, *Тиморское море*, ср. названия островов: *Андаманские*, *Ява*, *Тимор*. С помощью русского суффикса *-ск-(ий)* обычно образуется топоним от топонима.

В русской топонимической традиции море, как правило, обозначается определительной фразой: *Желтое море*, *Северное море*. Отдаленные и труднодоступные моря, названные по именам исследователей, сохраняя определительную конструкцию, бывают выражены формой родительного падежа имени: *море Беллинсгаузена*, *море Девиса*. *Саргасово море* названо по виду водоросли, характерной именно для него.

Описательные названия часто получали крупные физико-географические объекты: *Перцовый берег*, *Медвежье озеро*. *Азорские острова* названы так потому, что моряки обнаруживали там ястребов (по-испански *асор* 'ястреб'). На Канарских островах первооткрыватели встретили одичавших собак (*канар* по-испански 'собака'). Прилагательные *канарские*, *азорские*, *саргасово* — также дань форме и традиции. Подобно слову *аральское*, они скорее метки, чем описания.

Не вполне описательными оказываются и топонимы, характеризующие один объект через другой: *Неаполитанский залив*, *Приволжская возвышенность*, *Обская губа*. Они раскрываются лишь на основе знания, что такое *Неаполь*, *Волга*, *Обь*. Всецело меткой оказывается в русском языке и название архипелага *Бахрейн* (по-арабски 'двух морей [островá]'). В форме *Бахрейнские острова* этот топоним составляет «пустое» описание, сохраняющее традиционную форму.

Своеобразными названиями-описаниями служат фразы, состоящие из двух собственных имен: *Итальянская Ривьера*, *Британская Колумбия*, *Джунгарская Гоби*, *Заалтайская Гоби*. Еще один тип топонимов-описаний составляют названия, включающие систематизирующие географические и топонимические определения: *Северный Урал*, *Южный Сахалин*, *Верхний Рейн*, *Нижняя Рона*, *Восточная Сибирь*. Наконец, возможны топонимы-описания, вводи-

мые предложения: *Франкфурт-на-Майне*, *Стратфорт-на-Эвоне*, *Никольское-на-Черемшане*.

Между названиями — чистыми описаниями и названиями-метками располагается множество других типов. Например, топонимы, образованные от имен, прозвищ и фамилий людей, обладая частично чертами меток и описаний, не являются ни теми, ни другими, поскольку в момент своего создания они связывались с конкретным лицом, но с течением времени эта связь ослабла или утратилась вообще. Изменение природных и общественных условий и поиски новых языковых возможностей приводят к появлению и иных топонимов.

ТОПОНИМЫ-РЕГИСТРАТОРЫ И ТОПОНИМЫ-ПОЖЕЛАНИЯ

Обозначим еще две крайние точки на топонимической шкале. В качестве примеров возьмем названия двух сел: *Большое Озеро* и *Счастливое*. Первое констатирует, регистрирует, что данное место находится возле большого озера. Второе не имеет права утверждать, что все жители данного села счастливы. Однако подобные названия часто создаются как пожелательные. Оба типа достаточно давно встречаются в топонимике. Примеры обоих находим у древних греков, у которых было несколько городов-государств с названием *Херсонес* (*херсонес* по-гречески 'полуостров') и несколько колоний, именовавшихся *Ольвия* (в переводе 'счастливая, благополучная'). Первое название констатирует местонахождение объекта, второе — желает выселившимся в новые, непривычные условия людям счастья и благополучия.

Топонимы-регистраторы в известной мере аналогичны топонимам-описаниям, поскольку многие описания одновременно регистрируют определенное положение вещей: *Зеленый гай*, *Толстый лес*, *Блочный завод*. Следовательно, описания оказываются расширенными регистраторами, ср. *Бор* и *Сосновый Бор*, *Шахты* и *Новые Шахты*, *Приморье* и *Южное Приморье*, *Речка* и *Черная Речка*. С другой стороны, как было показано выше, многие описания являются таковыми лишь по форме: *Трансильзанские Альпы*, *Бахрейнские острова*. Будучи в русском языке описательными фразами, они для русского человека ничего не регистрируют и не констатируют.

Среди старых русских ойконимов много названий-регистраторов, сообщающих о характере самих поселений или

окружающей их местности: *Зимовище, Курень, Погребы, Лес, Нивки*. К числу новых названий этого типа относятся ойконимы, связанные с производством: *Шинник, Аэрофлот*.

По-видимому, названия-регистраторы создали почву для пожелательных названий, которые констатируют возвышенную идею, практически не связанную с данным географическим объектом: *Заря, Победа, Рассвет, Соревнование*. Топонимическое содержание подобных названий обычно ограничивается лишь тем, что это топонимы.

Подобно тому, как топонимы-регистраторы, расширяясь, превращаются в топонимы-описания, топонимы-пожелания, расширяя свой состав, также превращаются в топонимы-описания, но не отражающие местных условий, а лишь привлекающие для своего создания слова с положительными эмоциями: *Новая Жизнь, Новая Заря, Красный Луч, Светлый Путь*.

Число топонимов-регистраторов значительно превосходит число топонимов-пожеланий, поскольку первый тип составляет реальную основу для второго. Поэтому многие из топонимов-пожеланий являются своеобразными футуронимами от лат. *futurum* 'будущее', ср. *Свет, К Свету, Заря Коммунизма*.

Среди названий-футуронимов и пожелательных топонимов имеется много названий, идеологически насыщенных, отражающих черты и тенденции новых взглядов на общественную жизнь, включающих в свои основы обозначения различных общественных институтов, направлений, событий. Но отметим и следующий парадокс. Нередко топонимы-футуронимы, будучи самыми злободневными названиями, первыми и устаревают, как, например, произошло с названием *Комбед* (т. е. комитет бедноты), очень актуальным для 1918—20 гг. По прошествии полувека оно превратилось в историзм, в то время как многие топонимы-регистраторы существуют тысячелетия.

ТОПОНИМЫ. МИКРОТОПОНИМЫ. МАКРОТОПОНИМЫ

Деление географических объектов на крупные (и, следовательно, широко известные) и мелкие (известные на ограниченном пространстве), как и людей на всемирно известных и знакомых лишь своим односельчанам — реаль-

ный внеязыковый факт. Вместе с объектом становится известным и его имя. А это уже факт языковой, влияющий на частотность употребления имени в речи и вследствие этого на восприятие имен широко известных объектов как типичных для данного языка.

Названия мелких географических объектов, известность которых не выходит за пределы узкого круга живущих в одном месте людей, принято называть микротопонимами. Первичные микротопонимы восходят непосредственно к именам нарицательным и отличаются от них лишь своей тесной привязанностью к одному конкретному месту: *Камень, Мох* (т. е. болото), *Малые кочки, Белая глина, Липовая поляна*.

Сохраняя свою непосредственную соотнесенность с именуемым объектом, микротопонимы могут включать в свой состав имена людей: *Васильевский мох, Марьин луг, Алексеева пожня, Матрёнин лог, Иванова колка*. Такие названия не только называют соответствующий объект, но и свидетельствуют о его принадлежности или иной связи с конкретным лицом. В материалах Н. В. Подольской встретился микротопоним *Натальин крест*, которым обозначалось место в лесу, где скончалась жительница соседней деревни.

Можно выделить естественно сложившуюся микротопонимию и микротопонимику, созданную искусственно¹. Естественно сложившаяся микротопонимию предполагает длительное пребывание народа на определенной территории. Микротопонимию может создать и один человек, живущий отдельно от всех, если он систематически бывает в одних и тех же местах, проходит одними и теми же тропами. Насколько часто каждый из нас может оказаться творцом подобных названий, видно из следующего отрывка: «На десятки верст леса и болота нами исхожены, избеганы с гончими, и всем островам, низинам, хохолкам дано наше имя: есть у нас «Ясная поляна» с тремя высокими елями, под которыми всегда зайцы проходят, есть сухое местечко между двумя большими болотами — «Передыш-

¹ Искусственно создаваемые микрообъекты (например, садовые и парковые ансамбли) обычно уже в процессе строительства имеют свои названия, например *Цветник* в Пятигорске. Нередко сама идея устройства подобных ансамблей бывает вызвана местными легендами и служит для их воплощения и подтверждения (*Фонтан Арзы* и *Русалка* в Мисхоре, скульптурные группы в Паланге).

ка», есть «Золотая луговина», а верст за восемь от нас, среди временами почти непроходимых болот высится боровое местечко, далеко видное, местные люди зовут его просто *Вигарёк*, а мы окрестили «Алаунская возвышенность»². Безусловно, многие из этих названий не выйдут за рамки употребления семьи Пришвиных и их ближайших знакомых. И это закономерно. Далеко не все из первичных наименований будут поддержаны окружающими и найдут дальнейшее применение.

Другой отрывок из той же повести М. М. Пришвина содержит микротопонимы и топонимы в более устоявшемся, общепринятом употреблении.

«Мы в ограде Горицкого монастыря, большой, способный вместить тысячи людей города, расположенного крепостом на берегах реки Трубежа и Плещеева озера... С малой колокольни видна вся жизнь за стеной... древняя обитель, где находится наш музей, называется *Пречистая на Горице*, а сама земля, на которой стоит Пречистая, называется *Вшивая горка*, а на Вшивой — улица *Свистуша*, теперь переименованная в улицу Володарского, потом *Соколка*, где жили когда-то соколиные помытчики Ивана Грозного. Внизу лес церквей, так что между ними вот только проехать; одна из церквей — *Сорок мучеников* стоит при самом впадении Трубежа в озеро и названа в память утопленных в каком-то озере сорока мучеников; другая — как раз напротив, тоже на берегу Трубежа и Плещеева озера, называется *Введение*, потому что, по объяснениям рыбаков, служит введением в лов знаменитой переславльской селедки, а дальше опять высота, и на ней опять святыня — *Фёдор на горе*... Налево от Горицкого на этом озере виднеется одна высота с белым дворцом в память Петра Первого и колобели русского флота, на другой стороне — высота *Александровой горы* с погребенным в земле древнейшим монастырем, и названа эта гора Александровой в честь Александра Невского, переславльского князя, а в народе гора называется *Ярилова плешь*. Все это я сразу узнал от местного историка, посвятившего всю жизнь изучению родного переславльского княжества...

— В Горицком я седьмой квартирант, — говорил он повладимирски, — первым был шут: вот *Шутова роща*, *Шутов овраг*, и даже одна из наших башен называется *Шутова*... Я хорошо запомнил шута и все думал о нем, когда историк

рассказывал о каком-то селе Воскресенском, в народе называемым *Чортовым*»³.

«Я ходил берегом озера устраивать свою квартиру на *Ботике*. У озера два берега: один — древний, высокий, изрезанный оврагами и потоками, другой — низкий, болотистый у воды, и в воде песок. Овраг здесь называется по старинному: *враг*; первый от Горицкого *Шутов-враг*, речка очень маленькая при деревне Вёськово с *Мемекой-горой*, за *Вёсковым-врагом* — *Вознесенский* и гора *Князёк* и тут рядом *Гремячая гора* с *Гремячим ключом*. Вот на этой Гремячей горе и хранится, как мощи, ботик Петра Первого, и потому вся усадьба называется *Ботик*»⁴.

Из множества перечисленных в отрывках названий, обозначающих местные достопримечательности, на обычные географические карты попадает лишь название города *Переславль-Залесский* и озера *Плещеево*. Даже река *Трубеж* не столь велика, чтобы ее обозначали на общих и учебных картах.

То, что обычно попадает на карты и в справочники, относится к собственно топонимии. Микротопонимия и собственно топонимия составляют два яруса географических названий. Микротопонимы можно назвать низшим, простейшим ярусом. Составляющие его названия чаще всего бывают констататорами, регистраторами наличных вещей. Они существуют сами по себе, тяготея в большей степени к местному говору, чем к топонимии как таковой. На их базе складывается лишь часть местных топонимов, относящихся к более сложному высшему ярусу. Сложность его определяется тем, что он постепенно отрывается от местных говоров под влиянием собственно топонимических закономерностей. Вследствие этого связь между обоими ярусами в современном языке оказывается довольно слабой. Ее можно охарактеризовать как лексическую и историческую, но не системно-топонимическую, потому что топонимы и микротопонимы системно организованы по-разному. Они составляют иерархически разные уровни. Собственно топонимы данной локально ограниченной территории в своей эволюции ориентируются не на микротопонимы своих мест, а на топонимы соседних областей, образуя с ними системно-топонимические связи. Поэтому они быстро отрываются от породивших их микротопонимов и продолжают свое существование в иных условиях, в ином окружении. Людям кажется, что топонимы про-

² Пришвин М. М. Календарь природы. — Избранное, М., 1946, с. 180.

³ Там же, с. 184—185.

⁴ Там же, с. 189.

изошли непосредственно от слов данного языка или диалекта, и они очень редко вспоминают о том, что каждый естественно сложившийся топоним был когда-то микропонимом. Способствует этому и то, что топонимы и микропонимы попадают в разные списки, на разные карты и редко встречаются друг с другом в реальном употреблении.

Если микрообъект застраивается, его название может дать имя поселению (*Белая Глина*). Если село войдет в городскую черту, его название отражается в наименованиях микрорайона, улиц, площадей (*Белоглинские*). Таким образом, путь от микропонима (*Белая глина*) к названиям внутригородских объектов оказывается непрямым. Он сопровождается многократными переосмыслениями первоначальных названий, переходом их в иные системы имен, изменением сферы их употребления и известности. Названия улиц трудно отнести к микропонимам. Это синтез многих топонимических типов. Подробнее о них см. в главе «Названия внутригородских объектов».

Названия, входящие в собственно топонимический ярус, наиболее «топонимичны». Существует, однако, и еще один, vyšий, или «надтопонимический» ярус, включающий названия крупных физико-географических и политико-административных объектов. По времени появления он наиболее поздний. В него входят преимущественно искусственно составленные названия, систематизирующие особенности рельефа, группирующие то, что имеется в отдельных топонимических системах. Это макропонимы. Они связывают топонимические системы с геолого-географическими: *Восточно-Европейская равнина, Средне-Сибирское плоскогорье*. Макропонимы не равноценны естественно сложившимся топонимам и не могут изучаться в одном ряду с ними. В их состав нередко входят специальные географические определения: *Западно-Сибирская низменность, Центральная Азия, Южная Америка*. Многие крупные территории долгое время не имели, а некоторые и сейчас не имеют обобщающего названия.

Макропонимы, будучи достоянием научных работ, составляют vyšий классификационный ярус. Они часто остаются неизвестными местному населению, которое пользуется собственно топонимами и микропонимами. Это свидетельствует о том, что каждый из выделяемых нами ярусов имеет свое назначение, свои «зоны» употребления, свой круг людей, их употребляющих. При этом в реальных жизненных ситуациях эти ярусы обычно не

пересекаются, а названия микро-, собственно- и макропонимических объектов едва ли встретятся в одной и той же речевой ситуации.

Несмотря на наличие разных топонимических ярусов, основой основ топонимии остается средний ярус. На него не обязательно влияет смена населения на какой-либо территории. Микропонимия обычно исчезает с уходом прежних жителей.

Предложенное нами деление всех географических названий на микро-, собственно- и макропонимию включает три яруса. Фактически в некоторых случаях их может оказаться и больше, и меньше. Однако топонимы трех видов реально существуют, и любое название может быть соотнесено с одним из указанных ярусов. Все перечисленные свойства этих трех категорий топонимов в известной степени проистекают из особенностей самих именуемых объектов, поскольку размер и характер объекта определяют его роль в жизни человека, а следовательно, и место его названия в языке, с чем связана дальнейшая судьба топонима как слова.

Проблема соотношения топонимов и микропонимов в известном смысле параллельна проблеме соотношения литературного языка и диалектов. Как известно, и сам набор слов, и их формы, и словоизменение в литературном языке и его диалектах обычно не совпадают.

Многие топонимы рождаются в диалектах из диалектного материала. Становясь широко известными названиями, они допускаются в литературно нормированный язык. Названия наиболее крупных географических объектов, имена всемирно известных людей одинаковы и в литературном языке, и в диалектах (*Москва, Париж, Пушкин*). Но названия мало известных объектов, регионально ограниченные имена и фамилии в диалектах могут выглядеть совсем не так, как в литературном языке. Например, польскому литературному *Быдгощ* соответствует диалектное *Быддош*. Ю. А. Карпенко, анализируя топонимы Буковины, показывает, что самым значительным изменениям подвергаются микропонимы, сильно и достаточно быстро меняются названия населенных мест, меняются и гидронимы, но медленнее. «Мало найдется лексических пластов, которые были бы такими подвижными, такими неустойчивыми, как подавляющее большинство собственных географических названий» — пишет он⁵.

⁵ Карпенко Ю. А. Топонимия Буковины: Автореф. докт. дис. Киев, 1967, с. 24—25.

И. А. Воробьева, анализируя изменчивость названий на территории Томского околгородного стана за период XVIII—XX вв., находит, что за указанный срок из каждых ста названий рек изменилось 13, из каждых ста названий населенных пунктов изменилось 38. Это связано с исчезновением деревень, возникновением новых поселений, переименованиями старых и т. д.⁶

Подводя итог всему сказанному, можно предложить следующие определения рассмотренных категорий топонимов.

Микротопонимы — это индивидуальные названия небольших природных или искусственно созданных объектов, обычно отражающие их характер и свойства. Микротопонимы — факт одного языка и продукт творчества одного народа (смена населения ведет к массовой смене микротопонимов). Следовательно, микротопонимы образуют наиболее подвижную часть топонимии.

Собственно топонимы — это индивидуальные названия природных и искусственно созданных объектов. Они, как правило, непосредственно не отражают каких-либо характеристик именуемых объектов, поскольку неоднократно подвергались преобразованиям и переосмыслениям. Топонимы — продукт творчества разных народов и факт многих языков. Они употребляются в речи значительного числа людей, известны за пределами местонахождения именуемых объектов.

Макротопонимы — это индивидуальные названия географических (горных, речных) систем или специально выделяемых политико-административных территорий (государств, провинций). Они часто включают систематизирующие определения (*северный, центральный*). Многие из них искусственно созданы в позднейшие времена. По сфере своего употребления макротопонимы международны.

НАЗВАНИЯ ПРИРОДНО-ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Для физико-географических объектов наиболее типичны названия, констатирующие, что это за объект (*Рог, Холм, Озеро*) и дающие ему описание (*Столовая гора, Становой хребет, Белое озеро*). Многие такие названия ухо-

дят своими корнями в глубокую древность, относятся к тем первичным обозначениям объектов, которые давал им первооткрыватель.

Некоторые названия крупных физико-географических объектов в лингвистическом отношении близки к микротопонимам: ср. *Песчаная пустыня* и *Большой луг, Песчаная коса*. Такие названия переводятся с одного языка на другой, потому что ни у одного народа нет прав на то, чтобы монопольно считать эти названия своими. Названия крупных рек и гор относятся к числу древнейших. Они обычно не поддаются датировке, даже приблизительно. Упоминания о них встречаются в древнейших летописях, но это отнюдь не значит, что названия даны незадолго до составления летописи. Современное звучание этих названий, по всей вероятности, значительно отличается от прежнего, так как оно изменялось, подчиняясь действию языковых законов. Поэтому первоначальный их вид восстановить очень трудно. Не менее трудно и определить, какому языку они изначально принадлежали.

Из раздела, посвященного именной непрерывности в пространстве и во времени, мы уже знаем, что есть названия, данные, казалось бы, один раз, очень давно, однако под влиянием изменения звучания слов в языке местных жителей и вместе с этими изменениями и они меняют свой звуковой облик. Так что неизменяемость их оказывается относительной. Мы уже знаем, что даже такие крупные физико-географические объекты, как реки, могут изменить свои названия (*Ра — Итиль — Волга*). Поэтому положение о том, что собственные имена сохраняются в неизменном виде на протяжении веков, нуждается в ряде оговорок и проверок. Тем не менее отдельные названия рек и гор удерживаются дольше, чем названия рукотворных объектов. Поскольку реки наряду с некоторыми другими физико-географическими объектами относятся к гидрографии, а горы — к орографии, дальнейшее рассмотрение их целесообразно проводить отдельно.

Гидронимия включает названия ряда мало похожих друг на друга объектов, которые характеризует наличие в них воды: моря, заливы, проливы, порты, бухты, лиманы, болота, солончаки, озера, реки, ручьи, источники, колодцы, водопады, водохранилища. Само различие в качестве этих объектов позволяет реке и находящемуся на ней водопаду или озеру не иметь одинаковых названий. И наоборот, отдельные гидронимы могут быть связаны названиями с негидронимическими объектами. Так,

⁶ Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977, с. 50.

заливы и проливы часто именуются по названиям наиболее крупных населенных пунктов или по объектам, на них расположенным: *Генический пролив, Керченский пролив, Сухарная бухта, Карантинная бухта* (по сухарному заводу и карантину, г. Севастополь).

Названия морей достаточно традиционны (о чем говорилось в главе «Топонимы-метки и топонимы-описания»), но не неизменны, о чем свидетельствует сопоставительный анализ карт разных эпох. Так, несмотря на то, что название *Каспий* было известно древним грекам, Каспийским море звалось не всегда и не у всех народов. На картах Древней Руси оно обозначалось как *Хвалынское* или *Хазарское*, а у некоторых тюркоязычных народов оно одно время называлось *Ак-Денгиз* — 'белое море'. На древних картах, составленных венецианцами и генуэзцами, рядом с правильно очерченным Черным морем дается очень схематическое изображение Каспийского, которое располагается не вполне там, где оно есть. У арабов в XII—XIII вв. Каспийское море называлось *Табаристанским* и *Хазарским*. Голландская карта 1668 г. его обозначила как *Mer Salée où l'on ne trouve pas de fond*, т. е. *Море Соленое, в котором нет дна*; французская карта 1555 г., посвященная адмиралу Колиньи, обозначила его как *Mer d'Huganipie*, т. е. *Море Гирканское*; карта 1481 г., составленная Франческо Берлингьери по данным Птолемея, — *Mare Hyrcanum vel Caspium*; каталанская карта XIV в. — *Mer de Sarra et de Basou* — *Море Сарра и Баку*; французская карта 1700 г. — *Mer Caspienne*, другая французская карта — *Mer Caspienne, aujourd'hui Gualenskoï More aux Moscovites, Kulsum et Tabristan aux Perses*; карта 1727 г. — *Mare Caspium sive Hyrcanum, persis Kulsum, turcis Bagri Gases*. Так менялись на протяжении всего нескольких веков названия только одного моря. Безусловно, кое-какие неточности объясняются ошибками картосоставителей, но многое из приведенного реально звучало в речи наших предков.

Как известно, многие моря имеют цветные названия. Так, *Красное море* называлось Красным и у арабов XII—XIII вв., на старой голландской карте оно помечено как *Rubrum olim Sinus Arabicus*. Но на русской карте 1817 г. *Красным* названо Черное море. Средиземное море у современных турок называется *Белым* (Ак-Денгиз). Русские в старину называли Черное море *Синим*, а также *Русским морем*. До XV в. на картах встречается греческое обозначение Черного моря *Понтос Эвксинос*, буквально

'море гостеприимное', с XVI в. появляется его турецкое название *Кара-Денгиз*, т. е. 'черное море'. Но Черное море такое же не черное, как Белый Нил не белый. В Крыму Черное море голубое, на Кавказе — зеленое, отражающее покрытые лесом горы; Белый Нил в лесах под сводами деревьев кажется черным, а на равнине отражает голубизну неба. Однако определения *черный* — *белый* как парные присутствуют во многих названиях, о чем будет сказано ниже.

Названия *Понт Эвксинский* и *Эвксинский Понт* встречались в русской поэзии и художественной прозе прошлого века. Однако известно, что у греков эта форма названия моря непервична. Ей предшествовала форма *Понтос Аксинос*, что по-гречески значит 'негостеприимное, неприветливое'. Форму *Эвксинос* этому названию греки придали относительно поздно, чтобы не расстраивать себя неприятными мыслями о возможности бури и прочих бедствий. Но основа названия *Аксинос* не греческая, а древнеперсидская (*Аксинос* — это лишь греческое переосмысление персидского), где это название звучало *Ашан* и означало 'темное, непрозрачное', что соответствует истине: вода в Черном море непрозрачная. Лишь в некоторых местах вблизи берега можно увидеть подводные камни. А от темного и непрозрачного всего один шаг до черного. Предполагают, что согласно древней традиции в некоторых странах Востока однотипные объекты, расположенные к северу, именовались *черными*, а к югу — *белыми*. Это объясняет турецкие названия морей: *Черное* и *Белое* (восточная часть Средиземного моря). В Азербайджане они могут обозначать западный — восточный: *черный ветер* — западный, *белый ветер* — восточный¹, ср. с названиями морей: *Черное море* расположено к западу от Азербайджана, а одним из прежних названий Каспийского моря было *Ак-Денгиз* (белое). Таким образом Черное море как будто бы дважды входит в «системы» черно-белых названий, связанных с определением стран света.

Предполагают, что в древнем мире существовала иная система цветового обозначения стран света, согласно которой северные объекты назывались *черными*, южные — *красными*, западные — *белыми*, а восточные — *голубыми*. Это как будто бы очень хорошо объясняет про-

¹ Мурзаев Э. М. Основные направления топонимических исследований. — В кн.: Принципы топонимики, М., 1964, с. 31.

исхождение названий *Черное море, Красное море, Голубой Нил, Белый Нил*. Но как тогда красный цвет воды в Красном море, который придают ей водоросли, соотносится со словом *красный* как с географическим обозначением направления на юг? Случайное ли это совпадение в одном названии двух возможных мотивировок? Добавим, что *Балтийское море* может быть интерпретировано как 'белое'. В таком случае не напрашивается ли четвертая система, в которой *черный* обозначает южное, а *белый* — северное, ср. также *Ахтанизовский лиман*, расположенный севернее *Черного моря* (тюркск. ак 'белый', тениз 'море').

Многие названия крупных рек просто констатируют, что это реки: *Дон, Днепр, Днестр, Дунай*. Компонент *дънъ* обозначал воду в иранских языках. С этим значением слово *дон* сохраняется в осетинском языке, ср. названия рек в Осетии: *Гизельдон, Ардон*, буквально 'красная вода', 'вода+вода', к числу таких же сложений со словом 'вода, река' А. И. Соболевский относил пермяцкие названия с компонентом *-ва*: *Лысьва, Пожва* и вотяцкие с компонентом *-ма*: *Нертма, Урдома*².

Э. М. Мурзаев считает, что чем больше размеры рек, тем древнее их названия, что, по его мнению, связано с той важной ролью, которую играли реки в жизни человека³.

На карте Антуана Дженкинсона, составленной в 1562 г. в Лондоне, территория России изображается примитивно. В центре находится *Lac de Vologh*, т. е. *Вологодское озеро*, из которого вытекают *Двина, Днепр* и *Волга*, которая называется *Rha*. Она сильно петляет. Показания этой карты свидетельствуют, что название *Волги Ра* было известно и в XVI в. Существует мнение, что название *Волга* когда-то принадлежало северной части реки, его связывают с древнерусскими словами *влага, волглый*, но неясно, можно ли вырывать это название из ряда гидронимов *-га*: *Свияга, Кокшеньга, Онега* и т. д.

Название реки *Москва* связывали с финским *моск-ва*, буквально 'мутная вода', с русской формой *мостква* от

слова *мост*. Наиболее вероятным кажется сопоставление его с древнерусским *мозгва* 'топкое место'⁴, ср. в черте города Москвы микротопонимы *Болото, Черная грязь, Балчуг*, свидетельствующие о влажности и топкости всей территории, ср. слово *промоглый* (о сыром, влажном). Но, с другой стороны, название *Москва* входит в гидронимический ряд *Нарва, Сосьва, Обва, Кожва, Юсьва, Нердва, Язьва, Адзьва* и т. д., и не исключено, что *-ва* — это финский компонент со значением 'вода'.

Нередко в состав названий рек включаются цветовые определения, сущность которых, возможно, совсем не цветовая. Цветовые определения встречаются слишком часто для того, чтобы быть случайными, но набор их слишком беден по сравнению с реальными признаками объектов. Как правило, цветовые определения имеют небольшие и средние реки; река *Белая* — левый приток Камы — исключение. Обследование Европейской части СССР по Карте водных путей сообщения Европейской части СССР (Транскактография НКПС, 1941. 1:1500 000) показало, что чем южнее, тем репертуар определений шире, чем севернее, тем он ограниченнее. Так, основа *зелен-* не встретила севернее 48 параллели, да и то это может быть русификацией изначально чего-то другого. Основа *желт-* доходит до 57 параллели, *красн-* до 65, *син-* до 67, где это тоже может быть подгонкой под знакомое русское слово изначально нерусских основ. Севернее 67 параллели остаются только *черные* и *белые* реки и добавляются *мутные* и *светлые*.

Чаще всего встречаются определения *черный* и *белый*, но парность их соблюдается далеко не всегда. Черных рек в два с лишним раза больше, чем белых. Общее количество красных, синих, желтых и зеленых рек значительно меньше, чем белых. Парность *черный* — *белый* чаще наблюдается в тех случаях, когда это добавочные определения при других собственных именах: *Черная Тиса* — *Белая Тиса*. Но нередко цветовые определения, сопряженные с нецветными: *Черный, Плетеный* и *Сухой Ташлык*, (Кировоградская обл.), *Белая* и *Соленая Куба* (бас. Еруслана). В районе Пермь—Свердловск—Челябинск на 13 *Черных* приходится всего одна *Белая* река. В районе Ленинград—Нарва—Великие Луки на 13 *Черных* приходится 2 *Белых* реки и 1 *Синяя*. У восточных славян за-

² Соболевский А. И. Названия рек и озер русского севера. — Изв. ОРЯС, 1927, т. 32; *Он же*. Русско-скифские этюды. — Изв. ОРЯС, 1921, т. 26; 1922, т. 27; *Он же*. Как исследовать местные названия. — Изв. ОРЯС, 1918, т. 23, кн. 1.

³ Мурзаев Э. М. Изучение географических названий. — В кн.: Справочник путешественника и краеведа / Под ред. С. В. Обручева. М., 1950, ч. 2, с. 648.

⁴ См.: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: Докт. дис. М., 1981; Нерознак В. П. Указ. соч., с. 114.

свидетельствовано 95 названий *Белая* и 98 *Белое*. У южных славян чаще названия *Черный*. В бассейне Северского Донца преобладают *белые* реки, на юго-западе Украины — *черные*. Среди притоков Днестра 5 черных и лишь 1 белая. В то же время есть территории, где почти нет «цветовых» рек. Гидронимы с тюркоязычными цветовыми основами располагаются на Украине южнее 48 параллели, а в Поволжье — южнее 57 параллели.

Если допустить, что названия этих рек были даны в разное время и разными народами и что это могут быть как русские названия, так и переводные или русифицированные, то, очевидно, единого принципа в присвоении названий этого типа быть не может, но возможны отдельные подсистемы. Определения *черная* и *белая* не могут всегда обозначать правые или левые притоки, потому что многие реки впадают в моря или озера. Белых рек, впадающих в моря и озера, нам не встретилось. *Черная* и *белая* не могут всегда однозначно относиться к притокам, впадающим в основное русло выше или ниже по течению, так как в одних случаях река *Черная* впадает ниже *Белой*, а в других — наоборот.

Анализ направления течения черных и белых рек показывает, что они часто имеют ярко выраженное меридиональное, или широтное, направление. Например, в области между Псковским озером и Ильменем, а также на среднем и южном Урале преобладают *Черные реки*, текущие с запада на восток, при этом чаще это — правые притоки. К югу от Ладожского озера преобладают *Белые реки*, текущие с востока на запад. Между Онегой и Печорой много *Черных рек*, текущих с востока на запад и с юга на север (многие из них правые притоки) и *Белых рек*, текущих с запада на восток и с севера на юг (левые притоки). В районе с меньшим количеством Черных и Белых рек нет четкого однозначного направления их течения (верхняя и средняя Волга, верховья Дона, правобережная Украина).

Там, где названия *Черная* и *Белая* парны, они могут относиться: а) к двум притокам, с разных сторон впадающим в одну реку (*Белая* и *Черная* — притоки р. Кобры бассейн Вятки), б) к двум притокам, с одной стороны впадающим в одну реку (*Черная* и *Белая Холуница*; *Черная* и *Белая* — притоки Кобожи, бассейн Мологи); в) к двум истокам одной и той же реки (*Черный* и *Белый Черемош*; *Черная* и *Белая* — истоки р. Пинеги, бассейн Северной Двины). На Украине такие *Черные* реки быва-

ют обычно западнее и севернее своих *Белых* «напарниц». В других областях это соотношение может быть иным.

Среди гидронимов, образованных от основ с обозначением цвета в тюркских языках, оказалось втрое больше черных рек по сравнению с белыми. Желтых рек примерно столько же, сколько и белых. Красных и синих рек несколько меньше, чем русских красных и синих. Они так же неравномерно распределены по территории, как и русские: есть области, где их очень много и где их почти нет. Они часто текут в широтном направлении: с востока на запад (к востоку от Дона и Волги), с запада на восток (на Северо-Восточном Кавказе и в Приуралье).

Кроме того, в тюркских языках черная вода *карасу* может означать реку, питающуюся подземными источниками, а белая вода *аксу* — реку, текущую с гор и питающуюся снеговой водой. Вода в карасу обычно бывает прозрачной, а в аксу — мутной, окрашенной размываемыми породами. Следовательно, в указанной паре получается как бы обратное цветовое соотношение. О нецветовой сущности слов *ак* и *кара* в тюркских топонимах пишет А. Н. Кононов⁵. Например, сочетание *кара-кум* означает тип песков, закрепленных растительностью, а *ак-кум* — подвижных, барханных песков. Злыми, «черными» песками в том смысле, как это толкуется в России, оказываются *ак-кумы*, т. е. «белые» пески.

Многие названия водных объектов включают в свой состав слова, обозначающие прибрежную и водяную растительность, например *камыш*, *трость*, *сито*, *ряска*. Об этом имеются специальные работы у Г. П. Смолицкой.

Среди названий рек имеется много так называемых субстратных от лат. *sub* 'внизу, снизу, под' и *stratum* 'слой', т. е. как бы «снизу подстилающих» известные нам топонимические пласты. Выделяют даже субсубстратные названия в тех случаях, где субстрат более или менее четко просматривается и обладает некоторыми общими характеристиками⁶. Субстратное — это обычно неизвестное, невыявленное и в то же время не родственное известным нам языкам и их названиям. Как отмечал А. А. Реформатский, субстрат нарушает родство. Вместе с тем это не что иное,

⁵ Кононов А. Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук, 1954, вып. 5, с. 83—85.

⁶ Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии. — ВЯ, 1965, № 6.

как заимствование⁷. Вот эти-то субстратные названия и относятся к тем очень древним гидронимам, которые многие ученые специально выделяют и изучают.

Например, речные названия, оканчивающиеся на *-кша*, простираются от Белого озера до Вятки и Москвы. Это один из древнейших ареалов. Он существовал до прихода сюда русских и предшествовавших им угро-финских народов (черемисов и мордвы на юго-западе ареала), ср. *Кокша* (Калин. обл.), *Колокша*, *Пекша* (Владим. обл.), *Покша* (Костр. обл.), *Секша* (Яросл. обл.). Ареал названий на *-ша* доходит до Германии и Польши: *Ворша*, *Коша*, *Шоша* (Калин. обл.), *Парша* (Иван. обл.). Ареал названий на *-ва* не един. Есть северный ареал *-ва*: *Лысьва*, *Сосьва* и южный: *Калитва*, *Драва*, *Сава*.

Если название реки нельзя соотнести с известными нам языками, значит оно унаследовано от прежних народов, обитавших на данной территории ранее нас. Но это было так давно, что народная память не сохранила никаких сведений о тех жителях, которые передали нам эти названия и от языков которых ничего не осталось, кроме нескольких гидронимов. Вот почему так бережно исследуют эти названия ученые, стараясь по типу гидронимов хотя бы приблизительно определить, на каком языке (или языках) говорили создавшие их народы. Так, например, исследователь из ФРГ В. Шмид, анализируя древнейшие названия рек Европы, приходит к выводу, что многие из них очень близки к балтийскому типу и что, возможно, наиболее ранними жителями всей территории Европы были люди, чей язык близок к балтийским. Так, европейским гидронимам *Athesis*, *Drava*, *Eisa*, *Isla*, *Limena*, *Margus*, *Filisa*, *Aura* соответствуют балтийские *Atesys*, *Drave*, *Aisè*, *Jiesla*, *Limenè*, *Marga*, *Pelesa*, *Aura*⁸. А. А. Белецкий показывает, что субстратные гидронимы обычно соотносятся с более крупными и важными гидрообъектами⁹.

Названия озер в разных частях нашей страны весьма разнообразны. Среди них есть немало новых, специально данных объектам, не сохранившим или не имевшим преж-

них названий (*Форельное*, *Туманное* и т. п.). Озеро *Байкал* у бурят называется *Далайнор*, букв. 'святое озеро'. Тюрки называют его *Байкул*, т. е. 'богатое озеро', якуты — *Бая-гал* 'большое озеро'.

Многие южные озера имеют названия в форме русских прилагательных, образованных от нерусских основ: *Чурубашское*, *Керлеутское*, *Киятское* и т. п. В основе некоторых из них могут быть древние родоплеменные названия.

Очень характерную группу составляют названия озер Европейского Севера СССР: *Белозеро*, *Ловозеро*, *Сямозеро*, *Пяозеро*, *Топозеро*, *Шотозеро*, *Выгозеро*, *Сегозеро* и т. д. Их основы пишутся слитно со словом *озеро*, а ударение падает на первый слог. Объясняется это тем, что подобные названия обычно оказываются кальками (своеобразными переводами по частям) названий финского происхождения. Там, где основа ясна, ее переводят (в условиях двуязычия местного населения), где основа непонятна, ее оставляют, лишь заменяя финское слово *ярви* русским словом *озеро* и сохраняя специфику акцента финского языка. Ср. на территории Финляндии: *Юоярви*, *Кусямарви* и на территории Карельской АССР *Суоярви*, *Янисьярви*. Интересно, что русские села, повторяющие названия озер, включают слово *озеро* в свой состав: озеро *Ловозеро* — село *Ловозеро*, а финские — не всегда: село *Кусяма* — озеро *Кусямарви*, но озеро *Кемиярви* и село *Кемиярви*, оз. *Пиэлисьярви* и село *Пиэлисьярви*.

Многие орографические объекты, подобно гидрографическим, происходят от слов со значением 'гора, горы' на языках древнейших обитателей территории. Известно, что русские в Галиции называли Карпаты *Горою*, *Горами* звали русские в древности и Кавказ, *Горой* или *Камнем* называли Урал. Само слово *Карпаты*, как полагают, означает 'горы' на одном из древних языков Европы, ср. албанское слово *каргё* 'скала'. Просто 'гора' означало название *Олимп* на языке догреческого населения Балканского п-ова. Кстати, и гор с таким названием было несколько. Также, по-видимому, просто 'горы' означало на одном из древних языков *Альпы*, а также название болгарских гор *Пирин*, название *Тавер* (*Тауэрн*) нескольких горных систем и ряд других древнейших оронимов. Новое население воспринимало эти древнейшие слова как имена собственные.

В связи с тем, что горы часто бывают покрыты лесами, наблюдается интересный факт смешения этих двух

⁷ Реформатский А. А. Выступление на дискуссии о теории субстрата. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1956, т. 9, с. 112.

⁸ Schmid W.-P. Baltische Gewässernamen und das vorgeschichtliche Europa. — In: Indogermanische Forschungen. В.; N. Y., 1972, Bd. 77, H. 1, S. 10—11.

⁹ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика), Киев, 1972, с. 124—125.

понятий. Например, слово *гора* в болгарском языке означает 'лес', а в значении 'гора' там употребляется слово *планина*. Аналогичное явление наблюдается со словом *тайга*, распространенным на всей территории Сибири. У одних сибирских народов слово это означает 'гора без леса', у других — 'лес на горе', у третьих — просто 'лес'. Жители европейской части нашей страны привыкли называть словом *тайга* лес дремучий, непроходимый, в то время как в действительности тайга может быть и очень веселым солнечным лесом, не обязательно хвойным, но и лиственным.

Аналогичная картина наблюдается в Центральной Европе, где в названия многих гор входит слово *лес*: *Венский Лес*, *Чешский Лес*, *Баконьский Лес*, *Тюрингенский Лес*, *Франконский Лес*. Ср. на немецком языке *Шварцвальд* Schwarzwald, буквально 'черный лес'.

Названия отдельных гор нередко содержат некоторую характеристику объекта. Так *Монблан* в переводе значит 'белая гора', тюркское *Бештау* 'пять гор'. Названия знаменитых швейцарских перевалов *Сен-Бернар* и *Сен-Готтард* связывают с именами живших вблизи перевалов людей по имени *Бернард* и *Готхард*, которые оказывали помощь заблудившимся в снегах людям, за что позже были причислены к лику святых, о чем свидетельствует компонент *сен-*, т. е. 'святых'. По имени одного из этих перевалов получила название порода собак, используемых в горноспасательной службе, — *сенбернар*.

Многие горы на юге нашей страны носят название *Крестовая*. Обычно это отдельно стоящие горы с широким обзором. Нередко на таких горах устанавливались кресты или строились часовни.

НАЗВАНИЯ ОБЪЕКТОВ, СОЗДАННЫХ ЧЕЛОВЕКОМ

Если мы возьмем старинную географическую карту, почти единственное, что будет на ней обозначено, — это названия народов. Карты разных эпох в зависимости от традиций, в русле которых они составлялись, дают с различной точностью очертания известных нам территорий. Иногда на них обозначены наиболее крупные реки, иногда — наиболее приметные горы. Основную топонимическую нагрузку составляют названия племен и народов, расположенные довольно четко в соответствии с местами их оби-

тания: *скифы, греки, аланы, германцы, севеы, ангалы, саксы, юты*. Например, на карте Антуана Дженкинсона (Лондон, 1562) к северо-западу от Каспийского моря находим Chirkassi, к северу и северо-востоку — Nogaia Tartaria, а севернее — Samoyeda. Но административные границы государств и областей еще не обозначены. До XVI—XVII вв. не обозначались точками города и иные поселения. Их названия наносились на карты по мере появления этих объектов и по мере роста общественного интереса к ним, но локализовать эту подпись можно было в достаточно широком радиусе.

Названия народов, встречающиеся на старинных картах, очень разнообразны. Одни из них нам знакомы, и мы без труда узнаем их: *Голанска земля*. Другие сильно искажены: *Сицкая земля*, т. е. Шведская (в материалах Лудольфа). Третьи настолько фантастичны, что для их осмысления люди просто обязаны были создать легенды. Например, скифы называли мордву *mard* *хвāg* (др.-рус. мъръдъва), ср. др.-иранск. *mard* 'человек' (=финск. *murt*) + *+хвāg* 'пожирать', т. е. людоед¹. А вот что говорится в старинной «Козмографии»²: «...близ блаженного рая (который мыслился на земле, где-то между реками Тигр, Евфрат, Нил и Фисон.— А. С.) есть остров макарицкий... Оттуда залетают райские птицы гамаюн и финикс... [живут там] василиски, власы и лица девичья по поес, а от пупа хобот змиев, крилаты...» (л. 21). «Близ того же есть ин остров... в нем же человецы дикия, власы и ногти у них лвовы... Есть же близ того еще ин остров, в нем же человецы с песьи главы» (л. 21 об.).

Следует предположить, что легенда о людях с песьими головами возникла из попытки осмыслить древнее название низовьев реки Волги *Итиль* (*Идилъ, Итель*) из сопоставления с тюркским *ит* 'собака' + *иль/эль/эли* 'племя, народ'.

Географические области, выделяемые географами на основе изучения строения земной коры и процессов, происходящих в ней, могут территориально совпадать с историческими областями. Но они всегда имеют свои, чисто географические названия, при этом часто — вторичные, повторяющие названия близлежащих морей, рек: *Придунайская, Прикаспийская, Рионская низменности, долина*

¹ Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. — Изв. ОРЯС, 1922, т. 27, с. 287—288.

² Книга, глаголемая «Козмография», сложена от древних философ, преведена с римскаго языка. — БИЛ, ф. 310, 704, л. 38 (об.).

Терека, Восточно-Европейская равнина, Западно-Казахстанская низменность, Средне-Русская возвышенность, Средне-Сибирское плоскогорье. Участвуют в них и обозначения народов: *Юкагирское плоскогорье, Эфиопское нагорье.* Но здесь названия народов — не обязательный компонент именования объекта.

Названия государств чаще всего бывают связаны с названиями племен и народов: *Англия* — древнегерманское племя *англов*, *Швеция* — народ *шведы*, *Франция* — *французы*. Название романоязычного народа *французов* восходит к наименованию древнегерманского племени *франки*, которые, смешавшись с латиноязычными римлянами, дали современных *французов*. Ср. латинское *римлянин* — *гомапиус* от *Ромы* — *Рим*. Отсюда *романская* семья языков и народов, куда входят, помимо *французов*, *испанцы*, *португальцы*, *итальянцы*, древнее население *Швейцарии* — *ретоманцы*, *румыны*.

Названия областей и провинций Старого Света также в значительной степени связаны с народами, их населявшими: *Саксония* — германское племя *саксов*, *Швабия* — германское племя *швабы*, *Бургундия* — древнегерманское племя *бургундцев*. К племенным названиям восходят и некоторые ойконимы: *Париж* (фр. *Paris*) — галльское племя *париси*. Старинные поэтические названия некоторых стран также связаны с племенами, населявшими их в древности: *Авзония* (Италия) — *авзоны*, *Гельвеция* (Швейцария) — *гельветы*, *Иберия* (Испания) — *иберы*.

Любопытно, что такая страна, как Германия, представленная в средневековой Европе многочисленными автономными герцогствами, графствами и княжествами, не имела единого названия. Каждый народ называл всех немцев именем того княжества, которое было к нему ближе. Так, русские называли эту страну *Германией* по общему названию наиболее древнего народа *германцев*, которые, расселившись по разным частям Европы, образовали несколько самостоятельных государств: *Англию*, *Швецию*, *Норвегию*, *Данию*, *Нидерланды*, *Австрию* и собственно *Германию*. Все эти страны мы называем *германоязычными*, а языки, на которых говорят их жители, — *германскими*. Французы называли Германию *Л'Альмань* по одному из древнегерманских племен — *аллеманы*. Англичане называли Германию *Джермани*, беря за основу, как и русские, общее племенное название *германы* 'германцы'. Шведы называли Германию *Тюскланд*, а немцев — *тюск*, итальянцы — *тедеско*. Очевидно, и то и другое — искаже-

ние самоназвания немцев *дойч*, ср. собственно немецкое название их страны *Дойчланд* (в собственно немецком произношении звучит близко к *тойч*, *Тойчланд*).

Еще интереснее обстоит дело с названием Европы у разных народов. Общеευропейское название Европа происходит от финикийского *Эреб* 'мрак, запад'. Именно там для финикийцев заходило солнце. В греческой передаче это название выглядело *Европе*. А в языке далекой Бирмы Европа называется *Билая* от искаженного турецкого слова *вилайет* (единица административно-территориального деления Турции, соответствующая французскому департаменту, немецкой земле и нашей области).

Название такого крупного континента, как *Азия* (греч. *Асиа*), связывают с названием древнего государства в Малой Азии *Асеува*, которое, как полагают, происходит от финикийского или ассирийского слова *асу* 'восток'. На греческом языке 'восток' называется *анатолé*. Совершенно естественно, что название части современной азиатской Турции *Анатолия* возникло у греков как обозначение территории, расположенной к востоку от Греции.

Название материка *Австралия* связано с гипотезой о существовании южной неведомой земли: *Terra incognita australia*, лат. *australis* 'южный', *auster* 'юг'. Многие экспедиции пытались ее открыть. По великой иронии судьбы Тасман со своими кораблями обошел этот материк, не найдя его. Именем Тасмана назван один из крупных островов вблизи Австралии: *Тасмания*.

Африка названа древними римлянами как область, заселенная *авригами*, с которыми они столкнулись, завоеывая континент, еще не имев представления о его протяженности.

Хотя открытие *Америки* приписывается Колумбу, название материка дано в честь *Америго Веспуччи*, а в честь *Колумба* названа одна из стран Южной Америки — *Колумбия*.

Название *Арктика* северной области земного шара происходит от древнего греческого обозначения медведя *арктос*. Этим же словом называли созвездие Большой Медведицы, а во множественном числе слово *арктой* значило Большая и Малая Медведица. Поскольку ориентация и нахождение севера связано с этими созвездиями, также во множественном числе *арктой* означался и Север, а у Геродота, Платона и Аристотеля словом единственного числа *арктос* назывался и Северный полюс. Южный полюс они называли 'другой арктос'. Личным именем *Арктос*

звался один из мифических кентавров. С этим же словом связано название звезды *Арктур* в созвездии Волопаса, буквально 'страж Большой Медведицы'. В латинском языке название Большой Медведицы и Арктики приняло вид *Арктус* (*Arctus*), а словом *Antarcticus* (из греч. *антарктикос*) стала обозначаться южная область земного шара как противоположная северной.

Названия многих государств, областей и провинций, образованные от названий народов, оформляются в русском языке суффиксом *-ия*: *Россия, Белоруссия, Грузия, Якутия, Моравия, Богемия, Румыния, Болгария*. Это новолатинская традиция, возникшая в позднем Средневековье в языке ученых Западной Европы, основным средством общения которых был латинский язык. Эта модель оказалась очень удобной. Она распространяется на названия новых африканских государств: *Намибия, Танзания*.

В названия некоторых республик Средней Азии и Кавказа входит составная часть *-стан* 'страна': *Узбекистан, Дагестан, Таджикистан, Казахстан, Киргизстан, Туркменистан*. Ср. *Киргизия, Туркмения*. От других подобных названий наших республик дублетные формы на *-ия* не употребляются. Ср. также *Туркестан, Индостан* как географические области. В нашей традиции *Индостан* — полуостров, а *Индия* — страна.

Название *Украина* связано с особенностями территориального размещения народов и близко по значению к слову *окраина*. Славянскому миру известно и еще несколько *Краин* и *Украин*, в разное время обозначавших границы расселения славян.

Название *Нидерланды* связано не с обозначением народа (в стране живут фламандцы, бельгийцы, голландцы), а с природными условиями. В нидерландском языке *нидер* значит 'низкий', *ланд* 'земля'. Конечное *-ы* в слове *Нидерланды* принадлежит русскому языку. Оно как бы оформляет название в целом как 'низкие земли'.

Названия стран Нового Света, т. е. земель, открытых европейцами в новые времена (преимущественно это название относится к Американскому континенту), обычно не учитывают этнического расселения туземцев. Их давали завоеватели, а не исследователи — люди, прибывшие извне. Совершенно естественно, что колонизаторы прибыли в Новый Свет со своими географическими представлениями, сложившимися на основании общественного устройства стран Старого Света. Первое, к чему они обратились, давая названия открытым странам и областям, — это свои нацио-

нальные названия, нередко с дополнительным определением *новый*: *Новая Англия, Новый Йорк, Новый Гэмпшир (Нью-Гэмпшир), Новый Орлеан*.

С дополнительным определением *новый* образовано множество названий островов в обоих полушариях, при этом слово *новый* иногда добавлялось к старому поэтическому названию страны или области: *Новая Каледония (Каледония* — старинное поэтическое название Шотландии), *Новая Скотия (Скотия* — Шотландия). Ср. также *Новые Гебриды (Гебриды, или Гебридские острова* — архипелаг в Атлантическом океане к западу от Шотландии), *Новая Зеландия (Зеландия* — остров, на котором находится Копенгаген).

Названия некоторых стран, а также многих островов и городов Нового Света определялись теми днями католического календаря, когда там высаживались колонизаторы и, поднимая над островом флаг своей метрополии, объявляли его колонией. При этом местные жители автоматически переходили в подданство метрополии и обязывались платить налоги. Например, *Доминиканская Республика* была «открыта» Христофором Колумбом в день святого *Доминика*. Имя *Санто-Доминго* носит столица республики. Колумб похоронен там, в Санто-Доминго, в соборе, носящем то же имя.

Название *Аргентина* (лат. *argentum* серебро) связано с легендарным представлением о сказочных богатствах новой страны.

Названия областей нашей страны и районов области или крупного города наименее постоянны, так как и сами области и районы часто переформируются и создаются вновь. Так, бывшая Симбирская губерния в первые послереволюционные годы входила в состав Самарской области, а после Великой Отечественной войны была выделена в самостоятельную Ульяновскую обл., Самарская же область изменила свое название в связи с переименованием областного центра и стала Куйбышевской. Теперешняя Калужская обл. одно время входила в состав Тульской, а Великолукская — в состав Калининской. Области обычно именуются по названиям наиболее крупных городов, к которым они тяготеют экономически: *Ивановская, Рязанская, Талды-Курганская, Кемеровская, Одесская*. Реже эти названия связаны с местными жителями и природными особенностями: *Горно-Алтайская, Западно-Казахстанская* (теперь Уральская). Автономные области обычно именуются по названиям народов: *Хакасская, Адыгейская*. Во всех

случаях названия областей не самостоятельны, а определяются рядом внешних факторов, с изменением которых меняются и они.

Названия районов в городах также изменчивы. Границы районов меняются в связи с ростом городов, заселением окраин и поглощением городами прилегающих деревень и сел. Районы повторяют названия наиболее крупных улиц и площадей, в них входящих; таковы в Москве *Фрунзенский, Советский, Краснопресненский, Бауманский* районы. С другой стороны, районы городов могут называться по фамилиям знаменитых людей, независимо от наличия в этих районах одноименных улиц. Названия районов могут повторять названия городов с эпитетами *новый, старый: Новый Львов* (Львов), *Старый Город* (Баку), *Новые Сочи* (Сочи). Районы областей, как и сами области, получают обычно названия по наиболее крупным населенным пунктам: Пушкинский, Раменский, Мытищинский районы Московской обл.

Несколько иначе выглядят названия швейцарских кантонов или американских штатов. Это единицы не равнозначные нашим областям. Они так быстро не меняются и не меняют своих названий, потому что получились они не путем разделения единого целого на определенные административные единицы для облегчения руководства хозяйством страны, а путем объединения нескольких единиц (кантонов, штатов) в одно целое в целях централизации. Каждый штат или кантон обладает известной автономией и хранит свою индивидуальность.

Помимо этих, не имеющих видимых черт рукотворной деятельности, к объектам, созданным человеком, относятся построенные им города, деревни, здания, предприятия. Каждый из этих типов рукотворных объектов обладает своими особенностями. О них будет речь в двух последующих главах.

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

Объединяя под этим заглавием названия городов, поселков, деревень, улиц, обратим внимание на их очень тесную связь с различными обозначениями жителей, в особенности первопоселенцев и владельцев.

Названия населенных мест в известном смысле важнее, чем названия природно-физических объектов, потому что с ними связана вся хозяйственная, политическая и эконо-

мическая жизнь страны. Названия населенных мест объединяются в справочники различного назначения (почтовые, железнодорожные, административные и др.), в которых фиксируется официально утвержденная форма географических названий. Она же пишется у людей в паспортах, при этом не только в графе «Прописка», но и в графе «Место рождения». Все это свидетельствует о чрезвычайной важности названий населенных мест, о желательности их единства, четкости, стабильности. Но названия населенных мест именно из-за глубокой заинтересованности в них многих людей относятся к категории имен, подвергающейся наиболее частым изменениям. Это связано и с ростом самих городов и поселков, когда старое название становится неподходящим для обновленного объекта, и с экономическими, политическими и иными преобразованиями. Подробно об этом будет рассказано в разделе «Переименование и традиция». В данной главе рассматриваются преимущественно старые названия, сложившиеся естественным путем.

Названия населенных мест почти никогда не бывают непосредственно образованными от имен нарицательных: название города *Кашина* происходит не от *каши*, *Ступина* — не от *ступы*, села *Чеснокова* — не от *чеснока*.

Исключение представляют некоторые новые, специально придуманные названия. Но и их нельзя считать непосредственными: между ними и исходным нарицательным — длительная топонимическая традиция. В соответствии с этой же традицией, при складывании топонимических систем естественным путем, между именем нарицательным и названием поселения стояло либо название физико-географического объекта, возле которого вырастал поселок, либо имя, отчество, фамилия человека, наиболее тесно связанного с этим объектом (хозяина, первопоселенца).

Даже немногочисленные слова, обозначавшие типы поселений, прежде чем стать именами собственными, проходили через ступень индивидуализации, способствовавшей превращению нарицательного имени в собственное имя данного конкретного объекта: *Город, Городок, Село, Сельцо, Слобода, Деревня, Погост* и т. д. Часто такие слова имели при себе определение: *Жукова Деревня, Ярославль Город, Красное Село*. С течением времени слово, обозначавшее тип объекта, могло исчезнуть. Тогда определение превращалось в самостоятельное название: *Жукова, Ярославль, Красное*. Наблюдалась, правда, реже, обратная

картина, когда определяемое (обычно слово «город») сливалось с определением воедино: *Новгород, Ивангород*.

Древнерусские имена и прозвища были очень разнообразны. Они давались по названиям зверей и птиц, по явлениям природы, по свойствам и качествам людей. Все эти имена отразились в названиях населенных пунктов, и от имен и прозвищ людей происходят не только такие названия, как *Андреево, Федютино*, но и *Бабкино, Крестниково, Волково, Петухово, Горшково*, которые с точки зрения современности воспринимаются как происходящее от терминов родства, названий животных и разных предметов, хотя исторически это совершенно неверно.

Подтверждением того, что подобные топонимы происходят от имен и прозвищ, служат исторические документы. Из них мы узнаем, например, что название *Крюково* дано было в XV в. по имени владельца: Борис Кузьмич Крюк Сорокоумов-Глебов; *Подушкино* — тоже в XV в. по имени владельца: Иван Владимирович Подушка; название *Пушкино* — в том же XV в. по имени далекого предка А. С. Пушкина: Григорий Александрович Пушка Морхинин. Названия *Собакино* и *Тушино* даны в XIV в. по именам владельцев: Иван Федорович Собака Фоминский и Василий Иванович Туша Квашнин¹. Интересно, что большинство названий поселений в XIV—XV вв. давалось по древнерусским именам, а не по именам календарным или фамилиям, которые употреблялись в более официальных случаях и сделались основами ойконимов позже.

Некоторые названия населенных пунктов давались по национальной, социальной и сословно-имущественной принадлежности жителей: *Немецкая Слобода, Холщевниково, Протопопова, Мещанская*. Но и это не было простым переходом в топонимический ряд. Между именем нарицательным и собственным нередко стояло прозвище лица или группы лиц.

Насколько в XIV—XIX вв. были распространены владельческие названия и насколько сейчас порой трудно бывает распознать в них имена личные, можно показать на примере землевладения в роде Пушкиных. Так, с именем Григория Александровича Пушки Морхинина было связано девять селений. Наиболее известное из них *Пушкино* на р. Уче в 29 км к северу от Москвы. Ближайшие потомки Григория Пушки, в XV в.: Федор Товарка (сын Пуш-

ки), Михаил Рожон, Михаил Муса, Василий Улита. Вокруг Москвы было 8 селений Пушкиных: одно *Товарково*, два *Рожново, Мусино, Улитино*. В бассейне среднего и нижнего течения р. Истры Пушкины жили с XV в. До времен А. С. Пушкина сохранилась *Мушкова гора*, когда-то крупное владение, затем — *погост Троицы на Мушковой горе*, или просто *Мушков погост* (в древности — центр *Мушкова стана* Дмитровского княжества, позже — уезда)². Селения Мушкова стана были расположены на север и северо-запад от г. Воскресенска (Истры). Во второй половине XV в. части этого владения закреплены в вотчинах за всеми сыновьями и внуками Григория Пушки. На Троицком погосте было их родовое богомолье³. Кроме этого Пушкиным принадлежали владения в нижнем течении р. Истры, на р. Вскходне и ее притоке Горевде. По писцовым книгам 1623 г., четырнадцати Пушкиным принадлежало в ближайших окрестностях Москвы не менее 20 владений, в том числе и Виноградово на Долгих Прудах. Аналогичная картина типична для многих других дворянских родов.

Необходимо сказать несколько слов о древнерусских именах. Теперь иногда кажется, что это были прозвища. Однако тематический подбор этих имен в родах был таков, что всякая прозвищность исключается. Например, Василий Тимофеевич *Чулук* Остеев, боярин, середина XV в. От него пошли *Чулковы*, а от *Чулковых* — *Чеботовы*, ср. имя его сына Иван Васильевич *Чобот* (Чебот) *Чулков*. В роду *Пустошкиных* были даны имена Иов *Чехол* и *Чулук* (помещики, середина XVI в.). Нередко мужчины получали домашние древнерусские имена, совпадавшие со словами женского рода: Василий Михайлович *Медведица Матушкин-Борсздин* (боярин, первая половина XVI в.), Михаил Глебович *Корова* Кутузов (вторая половина XV в.), князь Петр Борисович *Корова* Пожарский (XVI в.), Иван Романович *Клуша* Белеутов (вторая половина XV в.)⁴. Таким образом, названия сел *Коровино, Клушино, Чулково* и т. д., как правило, — древнейшие русские ойконимы, связанные с именами владельцев. Может возникнуть вопрос, почему, имея вполне официальные имя и отчество,

¹ Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории. — Ист. зап. АН СССР, 1945, № 17; *Он же*. Род и предки А. С. Пушкина в истории. — Новый мир, 1969, № 1.

² Веселовский С., Снегирев В., Коробков Н. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. М., 1955, с. 374.

³ Там же, с. 375.

⁴ Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

эти люди звались *Медведь, Волк, Ворона, Кобыла* и т. д. Это дань древней славянской традиции двуименности, требовавшей сокрытия основного, главного имени и употребления в быту имени другого, «ненастоящего», с целью уберечься от «злых сил», которые не должны узнать истинного имени человека.

Среди ойконимов каждой страны можно выделить названия, данные другими народами, некогда заселявшими территорию, или выходцами из других стран. Таковы в Подмосковье: *Черкизово, Муханки, Муханово, Сабурово, Конобеево*; в Пермской обл. — *Кояново*, в Челябинской обл. — *Карабаш* и т. д. Заметим, однако, что большинство перечисленных названий получило из имен и прозвищ жителей или владельцев этих деревень и городов, при этом многие из них претерпели в русском языке соответствующие изменения. Изменения могут быть еще значительнее, когда люди, ища знакомого в незнакомом, стараются по-своему истолковать название. Так, *Царское Село* (Ленинградская обл.) на самом деле первоначально никакого отношения к царям не имело и называлось *Саарское* по финской мыве *Саари* 'островная'. То же самое можно сказать и о названии *Холмогоры* (Архангельская обл.). Оно не имеет отношения ни к холмам, ни к горам и является измененным финским названием *Калмакари* 'могила на острове', ср. финск. *kalma* 'могила' + *kaari* 'остров'. В прежние времена это название писалось по-русски *Калмогары* или *Кблмогоры* и произносилось с ударением на первом слоге (ср. известную русскую фамилию *Колмогоров* а не *Холмогоров*!). Такое название города объясняется тем, что, по данным И. Миккола, возле старых Холмогор было кладбище биармов (карел). Некоторые названия поселений связаны с базарными днями: *Суббота, Середа*, ср. название *Душанбе* от тадж. *душанбе* 'понедельник'.

Ряд названий населенных пунктов происходит от названий церквей и монастырей: *Архангельское, Благовещенское, Сергиевское*. Наконец, некоторые названия объясняются исключительно индивидуальной фантазией: русская деревня *Монплежир* от франц. *mon plaisir* — название дано галломаном-помещиком⁵, или русская деревня *Мыс Доброй Надежды*. С. И. Ожегов говорил, что последнее название дано в память о случившемся недалеко от этого мыса кораблекрушении, в котором чуть не погиб хозяин деревни.

⁵ См.: *Селищев А. М.* Из старой и новой топонимики. — Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы, 1939, т. 5.

Среди ойконимов есть немало перенесенных, возникших в других местах. Самым древним из таких названий было, очевидно, *Новгород*. Это название свидетельствует не о новизне самой постройки, а о перенесении поселения на другое место. Исследования археологов подтверждают, что наш Новгород был перенесен на противоположный высокий берег после того, как старое поселение дважды пострадало от наводнения. Место, с которого город перенесли на новое, получило название *городище*, буквально 'место, где раньше находился город'. Переселившимися из Крыма в Приазовье греками были перенесены туда ойконимы *Ялта, Мариуполь, Бешев* (хотя название и тюркское), *Богатырь, Большая Каракуба, Булганак, Большая и Малая Енисала, Камара, Карань, Кременчуг* (из *Керменчик?*), *Доргоба (Дёрт-оба?)*, *Ласпи, Мангуш, Сартана, Старый Крым, Стиля, Улаклы, Урзуф* (Зеленое тож), *Чердаклы, Черманлык*⁶.

Число названий населенных пунктов очень велико. Если принять во внимание, что каждый из них имеет свое индивидуальное название, а иной, кроме того, и изменил свое название один или несколько раз, то, естественно, число ойконимов даже в нашей стране с трудом поддается учету. В каждом городе, поселке, деревне есть улицы. Их названия — также своеобразные топонимы, число которых во много раз превосходит число населенных мест. Рассмотрению названий внутригородских объектов посвящается следующая глава.

НАЗВАНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ

Город и все, что с ним связано, — творение рук человека, продукт его созидательной деятельности. Изменение и прекращение этой деятельности меняет статус объекта. Например, покинутый людьми город становится историческим или археологическим памятником, покинутый дом — приютом для бродячих кошек и собак, на месте разрушенного дома устраивается сквер, фабричное здание переделывается под квартиры и т. д. — все подобные преобразования меняют функции объектов, а вместе с ними — и их названия, и названия окружающей местности.

⁶ *Кенпен П. И.* О древностях Крыма и гор Таврических. — Крымский сб., СПб., 1837, с. 100.

Из чего состоит город, из домов или улиц? Что главное? Очевидно, одно не существует без другого. В разные исторические периоды и в условиях разных культур основным может быть и то, и другое.

Например, многие города Ближнего Востока складывались на пересечении торговых путей как центры торговли и ремесленничества. Основной единицей, формирующей их, была не улица, а квартал. Один квартал строился подле другого. Нередко архитектура их диктовалась спецификой рельефа местности. Кварталы вели относительно замкнутую жизнь. Отделялись кварталы друг от друга узкими улочками, которые могли не иметь никаких названий. На улицу выходили только глухие стены (домов, заборов, хозяйственных построек), а вся жизнь шла внутри кварталов, а также внутри дворов и домов. Эти кварталы, даже не вполне соответствующие тому понятию, которое мы вкладываем в это слово, на Ближнем Востоке обычно обозначаются арабским словом *махалла*. Поскольку названия махалла, как правило, связаны с обозначением занятия их жителей и даны они на языках, неродственных европейским, сложилась традиция перевода их на европейские языки: *квартал Медников, Молочников, Менял*.

Старинную поквартальную структуру сохранили у нас частично такие среднеазиатские города, как Ташкент, Бухара, Самарканд и ряд других. Хотя сейчас они меняются и перестраиваются по современным проектам, традиция прежних восточных махалла столь сильна, что, например, в Ташкенте, несмотря на его полную перепланировку после землетрясения 1966 г., когда в нем появились проспекты и широкие улицы, традиционное деление на кварталы осталось. В Ташкенте много официальных почтовых адресов, в которых улицы даже не упоминаются, а участвуют лишь буквы и номера типа П-1, Ц-2, обозначающие микрорайоны (жилые массивы) и кварталы. Махалла имеются и на Балканах, в городах Югославии, Болгарии, Греции, которые длительное время находились под властью Турции и приобрели ряд восточных особенностей. В наших современных городах понятия *жилой массив* или *микрорайон* также являются некоторым подобием древних махалла, хотя внешне они совершенно на них не похожи.

В городах Европы, складывавшихся по иному принципу, также изначально основным элементом были не улицы, а строения, усадьбы, владения.

Многие города Европы имели первоначально оборонительное значение. В центре их стояла цитадель, которая

постепенно обрастала домами и усадьбами граждан, служивших князю или королю, жившему в цитадели. С ростом городов они нередко окружались стенами, стоявшими на некотором расстоянии от основной цитадели. Затем появилось еще одно оборонительное кольцо. Иногда цитадель строилась на острове посередине реки, а город располагался по ее берегам. Вследствие развития городов как крепостей многие из них получили вид концентрических кругов, окружающих цитадель. Так, например, Москва строилась как крепость. Помимо Кремля, в ней были оборонительные стены Китайгорода, Белого города, Земляного города и, наконец, еще Камер-Коллежский вал. В старой Праге было несколько цитаделей, расположенных на каждом из холмов города, а кроме того, еще и оборонительные стены. В Кракове сохранилась знаменитая цитадель Вавель.

В связи с изменениями политической и экономической жизни многие города, утратив свои прежние оборонительные функции, превращаются в центры торговли, просвещения, производства товаров. Вслед за этим меняется и лицо города.

Города Древней Греции и Рима предусматривали возможность сбора большого числа людей. В их структуре выделялись места публичных собраний: греческая *агора*, римский *форум*. Со времен средневековья до эпохи барокко городская площадь (соборная, турнирная, дворцовая, рыночная) остается неизменной чертой любого города. При этом происходит изменение функций городских площадей от средневековой символики к пространственной организации городских кварталов. В XIX в. возрастает роль транспортных средств. В старых городах ломают часть зданий для организации магистралей. Во многих городах срывают городские укрепления и организуют бульвары. Планировку новых городов всецело подчиняют нуждам транспорта. Появляются двух- и трехъярусные транспортные развязки. Места общения людей исчезают. Если до XVIII в. города рассматривались архитекторами как «неподвижные» объекты, то в XIX—XX вв. города все более воспринимаются как «процесс». Традиционная структура городов приносится в жертву транспортным артериям. Миллиарды расходуются на строительство дорог и автостоянок.

Поскольку в городах ежедневно что-то строится и перестраивается, они находятся в состоянии непрерывного изменения. Изменения эти касаются в первую очередь вну-

тригородских объектов и их названий, оказывая лишь косвенное влияние на характер и состав города в целом.

Необходимо остановиться на отличии городов от внутригородских объектов. Во-первых, это объекты разные по своему масштабу, значению, функциям. Во-вторых, город, каков бы он ни был, воспринимается нами как целый комплекс, а внутригородские объекты — каждый сам по себе. Названия городов и внутригородских объектов входят в разные системы, имеют разную степень известности. Города, как правило, складываются веками. При этом происходит своеобразное взаимодействие между природно-физическими и рукотворными объектами. По меткому наблюдению Н. В. Подольской, историческая топография и ее названия составляют как бы канву, на которую ложатся другие, городские названия. Это отражает естественный процесс возникновения города на местности и его постепенного роста. Город сначала как бы приспосабливается к ландшафту, а затем большинство физико-географических реалий поглощается городом, вписывается в него, а частично и совсем исчезает, в то время как многие названия этих объектов еще долго живут в названиях улиц и площадей¹.

Названия улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов составляют своеобразную и очень сложную систему. По мере того, как внутригородские объекты подвергались различным перестройкам и реконструкциям, переосмыслениям и преобразованиям подвергались и их названия. Всю совокупность названий внутригородских объектов принято называть *урбанонимы* от лат. *urbis*, *urbis* 'город', *urbanus* 'городской' + *онимы*. Наблюдается значительное типологическое сходство внутригородских объектов в странах с более или менее однотипной культурой, в особенности в городах с однотипной специализацией. Например, в промышленных городах и архитектура, и пути сообщения как бы продиктованы основными их функциями: производить и перевозить товары, обеспечить жильем и транспортом людей, работающих в промышленности. Таким же образом в зависимости от функций организовано архитектурное пространство в университетских, курортных и иных городах, откуда названия улиц *Университетская*, *Санаторная* и т. п.

¹ Подольская Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР. — В кн.: Топонимия Центральной России. — Вопр. географии, 1974, сб. 94, с. 125.

В таких крупных городах, как Лондон или Париж, до сих пор на некоторых улицах не все дома имеют номера, а именуются как частные владения такого-то лица. Старинные города строились и перестраивались без каких-либо предварительных планов и во многом зависели от фантазии отдельных владельцев. Так, названия запутанных улочек средневекового Парижа нередко определялись не только именем или фамилией кого-либо из местных жителей, но и их профессией. Например, улица парикмахеров именовалась «Причесанная медведица» (*L'Ourse Coiffée*) по вывеске, рекламировавшей искусство ее обитателей, которые в состоянии причесать даже медведя. Интересные собственные имена имели средневековые аптеки (в ряде европейских городов эти имена сохранились по сей день). Разумеется, аптека давала название улице. Рестораны, кафе, мастерские и прочие предприятия также служили источником названия улиц в торгово-ремесленных кварталах. В старой части Праги до сих пор есть улица «Под зеленой жабой» по фигурке лягушки над входной дверью. Разумеется, хорошими ориентирами, организующими близлежащие кварталы, были церкви, монастыри, дворцы. Их названия отражены в названиях улиц. Нумерация домов на улицах — явление относительно новое и принятое пока что не везде.

Улицы в Москве также не изначальны. То, из чего с течением веков сформировался город Москва, представляло собой некогда густо населенную местность с большим количеством сельскохозяйственных угодий. Помимо Кремля, в Москве XII—XIII вв. было несколько посадов. Первый посад располагался на *Подоле* — низкой местности между *Кремлевским холмом* и *Москвой-рекой*, второй посад, шедший от Кремля в сторону современного Гума и гостиницы «Россия», назывался *Большим* (или *Великим*) *посадам*. В непосредственной близости от Кремля были сёла: *Кучково*, *Семчинское*, *Напрудское*, *Старое Ваганьково*, *Высокое*, *Хвостово* и др.; территории: *Заречье* (Замоскворечье) и *Занеглименье* (за рекой Неглинной). Вокруг были поля (*Кучково поле* в районе современной улицы Дзержинского, *Воронцово поле*, ср. одноименную улицу, ср. также *Воспольный переулок* вблизи современной площади Восстания), сады, огороды (ср. местность *Садовники*, *Огородники*). Многие жители держали скот.

Первыми путями сообщения (годонимами) в Москве были дороги, ведущие в соседние города: *Владимирская*, *Дмитровская*, *Смоленская* и др. Первая улица в Мос-

кве — Великая, или Большая, ведшая от Кремля до рва *Б остро́м конце* (у современного кинотеатра «Зарядье») впервые упоминается в документах лишь в 1468 г.²

Второстепенность московских улиц до XVII в. подтверждается исследованиями В. С. Кусова, который на старых планах Москвы обнаружил такие нечеткие описательные обозначения улиц, как: *улица подле Троицкого подворья*, *улица от Никольских ворот*, *улица подле вала*, *улица к Пречистой Ржевской*, *улица с Знаменки на Смоленскую*³. Улицам в Москве предшествовали слободы: *Хлебная*, *Столовая*, *Гончарная*, *Таганная* и т. д. Когда в Москве складывается система улиц и переулков, слободы уже перестают существовать, а улицы называются в память о них, ср. *Гончарная набережная*, *Печатников переулок* и *церковь Успения в Печатниках*. Древнейшие топонимические названия внутри Москвы — это названия урочищ, поверх которых или возле которых располагались дома и усадьбы: *На рву*, *В ендове*, *В глинище*, *На кулижках*, *Под сосной*, *В углу* и т. п.

А вот как А. Н. Толстой воссоздает картину Москвы XVII в. «По Воздвиженке гнали по навозной дороге реву́щий скот — на водопой, на речку Неглинную. Вместе со скотом мальчишки [Алешка Бровкин и Алексашка Меншиков] дошли до круглой башни Боровицких ворот... По крутому берегу Неглинной, по кучам золы и мусора они добрались до Иверского моста, перешли его. Вдоль стен Кремля пролегал глубокий ров. Торчали кое-где гнилые сваи от снесенных недавно водяных мельниц. На берегу его стояли виселицы... Вся площадь от Иверской до белого, на синем цоколе, с синими главами Василия Блаженного была пустыня. Санная дорога вилась по ней к Спасским воротам... Они пошли через площадь. По той ее стороне тесно громоздились дощатые лавки, балаганы, рогожные палатки... В проулке, где на снегу, как кошма, валялись обстриженные волосы, — зазывали народ цирюльнички. Больше всего шуму было в нитошном ряду...⁴ с Варварки поднималась

² Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М., 1982, с. 22.

³ Кусов В. С. Топонимия Москвы по чертежам XVII в. — *Вопр. географии*, 1985. (Сер. 126. Названия на картах Москвы).

⁴ Схематический план расположения торговых рядов на Красной площади в Москве в XVII в., составленный С. К. Богоявленским, воспроизводится в кн.: Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. — Указ. соч., с. 102.

большая толпа»⁵. Как видим, в конце XVII в. в Москве было уже много улиц с традиционными названиями.

Названия зданий и интерьеров входят в урбанонимию на правах мельчайшей градации топонимов. Обычно индивидуальные названия получают не все здания и их части, а лишь наиболее интересные, привлекательные, художественные: *Пагода Мира* (Рангун), *Собор Парижской Богоматери* (Париж), *Золотой Храм* (Индия), *Звездная палата* (королевского Вестминстерского дворца — Лондон)⁶, *Большой зал Консерватории*, *Георгиевский*, *Свердловский*, *Овальный залы Кремля*, *Кофейная*, *Каминная комнаты Московского Дома литераторов*, ср. *Ройал-Фестивал-Холл* (Лондон), *дворец Тюильри* (Париж), *Капитолий* (резиденция Конгресса в США), *Пентагон* (здание Министерства обороны в США), *Белый Дом* (резиденция президента США), *Эмпайр-Стей-Билдинг* (Нью-Йорк).

Необходимо отметить разницу между названиями некоторых зданий и находящихся в них учреждений. *Сенат* как здание — урбаноним. *Сенат* как учреждение может заседать в другом месте (в школе), а в здании Сената в чрезвычайных обстоятельствах может разместиться госпиталь. Названия организаций, предприятий, учреждений — эргонимы составляют самостоятельную группу собственных имен, лишь отчасти пересекающуюся с урбанонимами.

При сплошном анализе названий внутригородских объектов отмечается взаимное тяготение урбанонимов отдельных типов. Например, в Москве названия остановочных пунктов городского транспорта нередко повторяют названия улиц, площадей, учреждений, предприятий, ср. «*Художественный театр*» — коллектив артистов и служащих, *Художественный театр* — здание театра и остановка городского транспорта, *проезд Художественного Театра* — улица.

Поскольку города складываются веками и в них постоянно что-то меняется, перестраивается, меняются и урбанонимы. Из всех видов географических названий урбанонимы меняются особенно быстро, потому что сам человек постоянно вмешивается в естественный процесс их развития и форсирует их изменение.

Например, по свидетельству П. А. Александрова, один из четырех форштадтов Суворовской крепости, заложенной в Одессе в 1793 г., назывался *Северным*, по его расположе-

⁵ Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1959, т. 7, с. 33—34.

⁶ Ср.: «*Звездная палата*» — прозвище группы сановников Николая II, награжденных множеством орденов («звезд»), вершившей всеми государственными делами.

нию. В 1811 г., после ликвидации крепости, на месте Северного форштадта устроили новый базар (теперь Новый рынок). Базарная площадь стала называться *Северной*, а также *Новобазарной*. В 1875 г., в ознаменование посещения Одессы Александром II площадь была названа *Александровской*, но название не прижилось. В настоящее время она официально называется *площадь Нового Рынка*, но в народе зовется *Новобазарная*.

В результате многочисленных преобразований внутри-городских объектов и самих городов основными именуемыми объектами в современных городах Европы и Америки сделались улицы, площади, набережные, переулки. Дальнейшее изложение будет посвящено преимущественно их названиям (годонимам и агоронимам).

Названия улиц в городах и селах, особенно названия, сложившиеся исторически, во многом напоминают названия самих городов и сел. Улицы могли получить названия по своему положению или размеру: *Верхняя*, *Нижняя*, ср. *Большой*, *Средний* и *Малый* проспекты в Ленинграде, *Верхняя* и *Нижняя Масловка* в Москве. Близлежащие слободы и деревни, сливаясь с городами, давали названия вновь получившимся улицам: *Кожевники*, *Сыромятники*, *Поварская*, *Мясницкая*, *Бронная*, *Мещанская*, *Ямская* в Старой Москве. В состав Большой Москвы⁷ вошло 98 деревень, внося в ее урбанонимию свои названия. Улиц в Большой Москве около 4000.

В ряде названий отразился ландшафт: *Болотная*, *Лесная*, *Кочки* (в Москве). Многие улицы, получившиеся из названия дорог в тот или иной город, названы по этим городам: *Брестская*, *Вятская*, *Калужская*, *Рязанская*, *Тверская*, *Тульская*. Нередко улицы и переулки повторяли названия церквей и монастырей: *Покровская*, *Неопалимовский*, *Страстная*, *Троицкий*, *Успенский*.

По социальной принадлежности и роду занятий жителей в Старой Москве чаще именовались переулки: *Дьяков*, *Ска-*

гертный, *Столовый*, *Хлебный*, *Пуговичный*, *Ружейный*. Некоторые названия отражали национальную принадлежность жителей: *Немецкая улица*, *Маросейка* (из *Малоросейка*) по подворью, расположенному на ней. Многие старые названия происходили от личных имен и прозвищ местных жителей: переулки *Прохоровский*, *Рыкунов*, *Савинский*, *Чичаевский*⁸.

Особое место в урбанонимике занимают слова *мост* и *ворота*. Мосты и ворота в средневековых городах нередко обрастали домами, лавками, мастерскими. Названия мостов давали начало названиям улиц, а после перепланировки сами мосты могли превратиться в улицы, если проходившая под ними река бралась в трубу. Именно так случилось с московским *Кузнецким мостом* через реку *Неглинскую*, в результате чего слово *мост* в составе названия перестало соответствовать действительности, в виду чего его следует писать с прописной буквы: *улица Кузнецкий Мост*. Названия ворот давали начало названиям площадей, как *Никитские Ворота*, *Петровские Ворота* в Москве, где давно никаких ворот нет.

Стабильность типов старой московской урбанонимии создавала особое восприятие их москвичами. Сложившаяся естественным путем система наименований основывалась на противопоставлениях одних объектов другим по величине, положению, социальной принадлежности жителей и т. д. Все это позволило художественно обыграть некоторые московские урбанонимы в кружке Н. Д. Телешова, где по средам собирались писатели, артисты, художники. «Прозвища давались только своим постоянным товарищам, и выбирать эти прозвища дозволялось только из действительных тогдашних названий московских улиц, площадей и переулков. Это называлось у нас «давать адреса»... Например, Н. Н. Златовратскому дан был сначала такой адрес: «*Старые Триумфальные ворота*», но потом переменили на «*Патриаршие пруды*»; редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву дали адрес «*Девичье поле*», но после изменили на «*Бабий городок*»; Н. И. Тимковский назывался «*Зацепя*»; Театральный критик С. С. Голоушев — «*Брѣхов переулок*»; Е. П. Гославский — за обычное безмолвие во время споров — «*Большая Молчановка*», а другой товарищ, Л. А. Хи-

⁷ Когда в качестве примеров приводятся московские названия, необходимо делать оговорку, расположен ли объект в черте Старой Москвы или на территории Большой Москвы, т. е. в новых районах, где многое принципиально не так. Если в Старой Москве большинство прежних названий складывалось естественным путем, то в Большой Москве преобладают названия нового типа, введенные путем соответствующего указа или постановления и созданные в результате акта индивидуального творчества.

⁸ См.: *Сытин П. В.* Прошлое Москвы в названиях улиц. М., 1946; *Он же.* Из истории московских улиц. М., 1958; *Он же.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959.

трово, наоборот, за пристрастие к речам — «*Самотёка*»; Горький — за своих босяков и героев «*Дна*» — получил адрес знаменитой московской площади «*Хитровка*», покрытой почлежками и притонами; Шалагин был «*Разгуляй*». Старший Бунин, Юлий, работавший всю жизнь по редакциям, был «*Старо-Газетный переулок*»; младший — Иван Бунин, отчасти за свою удобу, отчасти за острословие, от которого иным приходилось солоно, назывался «*Живодёрка*», а кроткий Белоусов — «*Пречистенка*»; А. С. Серафимович за свою лысину получил адрес «*Кудрино*»; В. В. Вересаев — за нерушимость взглядов — «*Каменный мост*»; Чириков — за высокий череп — «*Лобное место*»; А. И. Куприн — за пристрастие к лошадям и цирку — «*Конная площадь*»; а только что начавшему тогда Л. Н. Андрееву дали адрес «*Большой Ново-Проектированный переулок*»; но это его не удовлетворило, и он попросил дать ему возможность переменить адрес, или, как у нас называлось, «переехать» в другое место, хоть на «*Ваганьково кладбище*».

— Мало ли я вам про покойников писал, — говорил бывало Андреев. — У меня что ни рассказ, то два-три покойника. Дайте мне адрес «*Ваганьково*». Я, кажется, заслужил.

Не сразу, по просьбу его все-таки уважили, и он успокоился⁹.

Многие современные названия московских улиц, переулков, площадей относятся к XIX в. Переименованиям они подвергались всегда. Многие из более древних названий были утрачены во время перестроек, перепланировок, смены владельцев. Многие названия менялись потому, что были очень похожими на названия других улиц, в другой части города или даже полностью совпадали с ними. Так, в Москве XIX в. было несколько Церковных и Юшковых переулков, Трифоновских улиц, Банных переулков, Прогонных улиц и переулков (по которым прогонялся скот), Проходных и Смежных улиц, несколько Золотых улиц (по которым ездили ассенизационные обозы), несколько Дегтярных переулков с дегтярными дворами, несколько Ямских и Извозных улиц. Многие из них были переименованы уже в XIX в. В XIX—XX вв. было несколько Проектированных, Новопроектированных и Безымянных улиц и переулков, которые, подобно только что перечисленным, получили затем другие названия. Все это говорит о непрерывно-

сти процесса наименования и о легкости переименования объектов, уже имеющих свои названия.

После революции, когда изменился не хозяин дома и не облик какой-то улицы, а весь социальный строй сверху донизу, переименования сделались особенно многочисленными. Если в процессе прежних единичных переименований менялись лишь некоторые отдельные звенья системы, то переименования, последовавшие после революции (единичные переименования 1917—1918 гг. и массовые переименования 1922—25 гг.), видоизменили всю систему. В результате в Москве сейчас имеется немало улиц, переименованных по несколько раз.

Так, например, часть бывшей *Тверской дороги* с 1820 г. называлась *Петербургское шоссе*, с 1915 г. — *Петроградское шоссе*, с 1924 г. — *Ленинградское шоссе*, с 1957 г. — *Ленинградский проспект*.

Место возле Кремлевской стены звалось в XVI в. *Троицкой площадью* по церкви, стоявшей на месте храма Василия Блаженного. В XVII в. эта площадь называлась *Пожар* — по частым пожарам лавок, в XVIII в. *Торговая площадь* — по главному торгу города, с начала XIX в. — *Красная площадь*, т. е. «красивая». С 1817 по 1938 г. часть площади между храмом Василия Блаженного и Кремлевской стеной называлась *Васильевской площадью*. После 1938 г. она вошла в состав *Красной площади*.

Улица, расположенная между Кремлем и Арбатской площадью, звалась до 1658 г. тоже *Арбат*, с 1658 г. — *Смоленская*, с начала XVIII в. — *Воздвиженка* (по Крестовоздвиженскому монастырю), после революции — *ул. Коминтерна*, с 1946 г. — *ул. Калинина*, теперь — *Калининский проспект*.

Современная *ул. Маркса и Энгельса* получилась из двух переулков, один из которых звался с 1446 г. *Ваганьковским* по скоморохам, которые «ваганили» (потешали) паря, с начала XVII в. он получил название *Шуйский переулок* — по дому боярина Шуйского, в конце XVII—XVIII вв. — *Благовещенский пер.* по церкви Благовещения. Другой переулок звался в XVII в. *Конюшенным* по конюшням и экипажам царского дворца, в XVIII в. *Малый Знаменский* (как параллельный Большому Знаменскому). С 1926 г. оба переулка объединены в *ул. Маркса и Энгельса*. При этом никакой единой линии во всех этих преобразованиях нет. Случалось и так, что после нескольких переименований возвращались к прежнему названию.

⁹ Телешов Н. Д. Записки писателя: Рассказы о прошлом и воспоминания. М., 1950, с. 50—51.

Ср. названия московских переулков в разные эпохи:

ХVII в.	ХVIII в.	ХIX в.	1922 г.
Соловьев	Мертвый	Соловьев	Соловьев
Последний	Мясной	Последний	Последний
—	Погорельский	Екатерининский	Погорельский
Чертольский	Чертольский	Царицынский	Чертольский

С. И. Ожегов¹⁰, говоря о переименованиях улиц в Ленинграде, отмечал, что новые названия нередко давались по контрасту:

Дворянская ул.	ул. Деревенской Бедноты
Мещанская ул.	Гражданская ул.
Ружейная ул.	ул. Мира
Архиерейская ул.	ул. Л. Толстого (отлученного от церкви)
Французская наб.	наб. Кутузова (разбившего французов)
Галерная ул. (аристократических особняков)	Красная ул. (т. е. революционная)

В Москве этот принцип почти не применялся, как не применялся он в Саратове и во многих других городах¹¹.

Послереволюционные и послевоенные переименования привнесли в состав урбанонимов множество имен и фамилий людей. При этом нередко имя одного человека связывается с несколькими внутригородскими объектами, не всегда расположенными друг подле друга. Таковы в Москве *улица Горького, Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, набережная Максима Горького, станция метро Горьковская*. Поскольку среди лиц, давших свои имена улицам, встречаются однофамильцы, в состав урбанонимов Большой Москвы нередко включаются слова, обозначающие род их занятий, профессию, воинское звание и т. п.: *улица Генерала Ермолова, Архитектора Власова, Маршала Шапошникова* и даже *Братьев Фонченко*. Такие названия неудобны по двум причинам. Во-первых, не вполне ясно, входят ли слова типа *маршала, архитектора* и т. д. в состав названий или они играют при них роль своеобразного «привеска», разъясняющего, кто был хозяин той или иной фамилии. Если входят, то слова *Ар-*

хитектора, Маршала, Генерала, Матроса, Братьев и т. п. должны писаться с прописной буквы, и в алфавитных указателях такие названия должны соответственно стоять на буквы *а, б, г, м*. Если не входят, то указанные слова следует писать с малой буквы и ставить названия в алфавит по начальным элементам соответствующих фамилий, т. е. на *Шапошникова, Ермолова, Власова*. В таком случае непонятно, для чего эти слова все же пишутся. Ведь их можно было просто обозначить на мемориальных досках, как это сделано на улицах Грановского, Паперника и нек. др.

Новые по характеру основы в составе новых урбанонимов, данных в XX в. посредством акта присвоения, требовали и нового оформления. Сравнение урбанонимов Старой и Новой Москвы показывает более ограниченное число типов новых названий по сравнению со старыми. Например, отсутствие среди новых притяжательных прилагательных (*Бобров переулок, Колокольников переулок*). Даже названия в форме относительного прилагательного *Пушкинская улица, Смоленская площадь* остаются в черте Старой Москвы и, следовательно, более старой застройки. Ср. переименования в черте Старой Москвы: *Мясницкая ул. — ул. Кирова, Мертвый пер. — пер. Островского, Пушкарёв пер. — ул. Хмельова*. Некоторым исключением оказываются лишь названия проспектов. Когда строился Петербург, город с большим количеством проспектов, они получили названия в форме прилагательных, что совершенно естественно для русского языка: *Невский, Литейный, Кирочный, Эсперов* (последнее в форме притяжательного прилагательного от календарного имени *Эспер/Еспер*). Достаточно поздние названия московских проспектов (середина XX в.) лишь частично имеют формы прилагательных (*Ленинский, Ленинградский, Волгоградский, Рязанский, Кутузовский, Ломоносовский, Университетский, Олимпийский*). Но и в их состав проникла форма родительного падежа: *проспект Мира, проспект Калинина, проспект Вернадского*.

Названия улиц и площадей, имеющие форму родительного падежа имени собственного, по своим языковым особенностям напеминают названия учреждений, ср. *площадь Маяковского — театр (имени) Маяковского, ул. Чайковского — концертный зал (имени) Чайковского*. В разговорной речи слово *имени*, как правило, опускается. Очевидно, подсознательное стремление к размежеванию названий улиц и учреждений ведет к замене в разговорной речи формы родительного падежа существительного соответствующими

¹⁰ Ожегов С. И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху. — ВЯ, 1953, № 2, с. 79.

¹¹ Подробнее см.: *Суперанская А. В.* Наименования и переименования в городах. — В кн.: Изучение географических названий. М., 1966; *Она же.* Применение методов лингвистической статистики к изучению топонимической системы г. Москвы. — В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

щим прилагательным, т. е. *Пушкинская улица* вместо *улицы Пушкина*. Свежесть мотивировки и непосредственная связь с именем известного лица таких названий, как *улица Льва Толстого*, *улица Вальтера Ульбрихта*, превращает эти урбанонимы в мемориальные фразы, лишь условно соотнесенные с внутригородскими реалиями. Вследствие экспансии названий в формах родительного падежа существительного первоначальная система урбанонимов деформируется и разрушается, теряя свою формульность и топонимичность.

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В становлении топонимов определенных территорий и культур прослеживаются свои генеральные линии. Мы уже видели выше, что географические объекты могут выделяться на основе их собственных физических свойств и на основе их значимости для человека, а топонимы могут отражать любые свойства объекта (не обязательно физические характеристики) и результат деятельности человека (от непосредственной распашки целины до посвящения памяти какого-либо лица или события). Необходимо также отметить, что критерии выделения самих объектов исторически переходящи. Географ наблюдает ландшафт и рельеф, а местный житель ищет возможности их хозяйственного использования. А у народов прошлого и способы добывания пищи, и сама пища существенным образом отличались от современных, и многие объекты играли не ту роль в жизни человека, что сейчас.

Следовательно, приступая в настоящее время к анализу топонимов какой-либо территории, мы не имеем права анализировать материал с позиций современного географа и должны попробовать встать на точку зрения человека предыдущих эпох. Для этого необходимо знакомство с исторической литературой, архивными документами и многим другим.

Первое, на что необходимо обратить внимание, это разное видение именуемых объектов людьми, ведущими кочевой или оседлой образ жизни. В настоящее время, когда кочевой образ жизни ушел в прошлое, привнесенные им в топонимию традиции сохраняются в таких регионах, как Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Поволжье, республики Средней Азии.

Ранние традиции оседлого образа жизни и связанной с ним топонимии находим у древних греков. Несмотря на значительные миграции населения Эллады, вызванные политическими и экономическими причинами, греки перенесли на новые места (и в том числе в Северное Причерноморье, которое сейчас входит в состав нашей страны) свои прежние традиции номинации, а также частично и сами топонимы. Принцип выделения именуемых объектов у греков был близок к тому, который позже разрабатывался географами. Греки обращали внимание на физико-географические особенности местности, не оставляли без названия ни одного ручья или источника, сколько-нибудь интересной горы, скалы, рощи, куста, дерева. Со свойственной им пылливостью греки старались осмыслить непонятные названия, сохранившиеся от предыдущих эпох, объясняя их через имена местных божеств или посредством небольших изменений приближая их звучание к известным им словам. Образцы топонимических рассуждений находим, например, у Прокопия Кесарийского (560 г. н. э.)¹. Так, о городе *Тафосирус* в Ливии он пишет: «...говорят, что здесь был похоронен египетский бог *Осирус*»; [Недалеко от города Елены в Вифинии] «протекает река, которую местные жители по внешнему ее виду называли *Драконом*. Она течет, делая петли, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону» (кн. 5, II, 6—7); «Был здесь некий древний город, очень богатый водою, получивший свое название по природе этого места. Со стародавних времен назывался он *Эвройя*, т. е. широко текущая» (кн. 4, I, 39); [Недалеко от Лариссы и Кесарии] «высятся отвесные горы... Эти горы были обиталищем *кентавров*... Древнее время дало подтверждение этой сказке тем наименованием, которое было дано укреплению, находившемуся на этих горах. Еще и в мое время это местечко называется *Кентаврополем*» (кн. 4, III, 11, 12, 13).

Миф о кентаврах, полулюдях-полуконях, которых Прокопий охарактеризовал как «племя людей, не похожее на теперешних, смешанное по своей природе из двух видов живых существ», возможно, возник из попытки осмыслить топоним *Кентаврополь*. Древние владыки, учреждая во имя своего прославления городá, часто оформляли их названия топоформантом *-поль*, восходящим к греч. polis 'город', как, например, Юстиниан построил в Эпире город *Юстинианополь*, который прежде назывался *Адрианопо-*

¹ См.: Вестник древней истории, 1939, № 4, с. 252, 255, 269, 277.

лем (см. Прокопий. О постройках, кн. 3, VI, 17). Очевидно, первая часть таких названий воспринималась греками как личное имя. Но имени *Кентавр* у них не было. Чтобы объяснить топоним, на помощь пришел миф о кентаврах.

Если принять во внимание, что словом *тавр* на одном из древнейших языков Ойкумены назывались горы вообще (ср. горы *Тавр* и *Антитавр* в Турции, старое название Крыма *Таврида*), то мы получим вторую часть слова *кентавр*. Поскольку индоевропейские языки условно делятся на две группы в зависимости от того, как в них произносятся некоторые слова, в частности числительное *сто*, которое в одних языках имеет начальный согласный *s* (лингвисты условно называют эту группу языков *satem*), а в других имеет начальное *k* (условно группа *kentum*), то первую основу слова *кентавр* можно определить как соотносящуюся с числительным 'сто'. Тогда *kentum* + *tauros* означает 'сто гор'². Название вполне оправдано, поскольку Прокопий однозначно сообщает, что там «высятся отвесные горы». Для сравнения приведем название Приэльбрусья на языке местных жителей: *Мингитау*, что значит 'тысяча гор', или 'тысячегорье'.

Так греки сохранили для нас многие древние топонимы, исказив при этом часть из них настолько, что первоначальный их вид в тех языках, на которых они были созданы, едва ли может быть восстановлен. Тем не менее благодаря пытливости греческих ученых, писателей, путешественников мы располагаем древнейшими описаниями многих мест на земном шаре и имеем первые исторические сведения о многих ныне исчезнувших народах. Из путевых записок византийского императора Константина Багрянородного (905–959) мы узнаем о жителях Киевской Руси, о печенегах и других народах. У него же находим древнейшие русские топонимы, в том числе и самую раннюю письменную фиксацию названий Днепровских порогов.

Совершенно иной была традиция номинации у кочевого населения. Прежде всего было два принципиально разных типа кочевков. Первый, и наиболее традиционный, когда одна и та же этническая общность занимала в течение более или менее длительного времени одну и ту же территорию и осуществляла на ней свои ежегодные перемещения,

² Проводя параллель в других индоевропейских языках, отметим, что языки русский (*сто*), болгарский (*сто*) принадлежат к группе *satem*, латинский: *centum* [*центум*, в древности — *кентум*] — к группе *kentum* — *kentum*.

связанные с сезонной сменой продуктов питания (корма для скота, грибов, ягод, дичи, рыбы). Описание такой кочевки татаро-монголов во времена Батыя дал итальянский путешественник Рубрук, совершивший путешествие к Батыю, который отмечает, что они жили в повозках, «на колесах». Принадлежавшие им огромные стада невозможно было прокормить на одном месте и нужно было непрерывно, может быть и ежедневно, перегонять их на новые пастбища. Орда Батыя от января до августа медленно двигалась на север, а с августа — в обратном порядке. Эта форма кочевого хозяйства и быта, именуемая непрерывным кочеванием, продержалась (у ногайцев) до XVII–XVIII вв. Очевидно, таков был образ жизни аланов, скифов и многих более древних народов.

Сосед соблюдал неприкосновенность территории соседа, что обычно обеспечивалось наличием некоторой нейтральной полосы между кочевьями тех и других. Естественно, что у людей каждого племени на их языке были до тонкостей перечислены и обозначены все природные угодья.

Второй тип кочевки происходил в чрезвычайных обстоятельствах (стихийные бедствия, война, появление нового, более могучего соседа, резкое возрастание численности народа внутри своего кочевья). Тогда весь народ (или его часть, обычно поколение) откочевывал на новое место. Истории известны случаи очень значительных передвижений кочевых народов. Например, в XVII в. началось движение ойратов, предков нынешних калмыков (они и сейчас себя называют ойратами и относятся к ойратской ветви монгольских народов). В 1603 г. часть ойратских племен покинула Джунгарию и двинулась на запад. Они передвигались летом и зимой, форсируя по льду крупные реки. Несмотря на то, что они везли с собой все имущество, скорость их перемещения была столь внушительной, что в 1609 г. они уже достигли низовьев Волги.

Еще более внушительным и могущественным было движение гуннов, народа, образовавшегося во II–IV вв. н. э. в результате смешения тюркоязычных хунну, пришедших из Центральной Монголии и Джунгарии, и угорских племен Приуралья и Поволжья, с которыми они образовали племенной союз. В 70-х годах IV в. началось массовое продвижение гуннов на запад. В середине V в. под предводительством Атилы осуществляется их победное шествие по странам Европы и Малой Азии (Ист. энциклопедия, т. 62, с. 851). Подобных перемещений народов, порой на очень значительные расстояния, известно очень много.

Передвигаясь, народы несли с собой свою материальную и духовную культуру, язык, имена. Возможно, подобным перемещениям крупных масс населения мы обязаны наличием многих одноименных рек, отстоящих на тысячи километров друг от друга, ср.: *Она* — второе название реки Бирюсы (бас. Ангарты) и притока реки Абакан (бас. Енисей) и мн. др.

При кочевом образе жизни, в особенности в чрезвычайных обстоятельствах, важно было не терять из виду отдельные структурные единицы этнической общности и всегда знать об их местонахождении. Поэтому кочевой народ двигался не хаотической массой, а в строго установленном порядке следования частей этноса (вперед, позади, справа, слева друг от друга). Это позволяло кочевникам быть оперативными в бою и способствовало равномерному распределению по степи в мирное время, так, чтобы животным хватало корма, а людям — продовольствия.

Кочевому образу жизни, как правило, сопутствовал родовой строй, при котором отдельные части этноса — роды и их подразделения — имели свои особые имена, обеспечивавшие их строгую выделяемость внутри племени или племенного союза. В условиях отсутствия письменности и постоянного перемещения в пространстве значение родовых имен и порядка следования частей этноса относительно друг друга было аналогично своеобразной паспортизации населения, сами же имена людей в сопровождении имен родов и названий родоплеменных подразделений позволяли четко локализовать каждого человека в обществе и в том месте, где в данный момент находился его этнос.

Образно выражаясь, кочевой этнос представлял собой некоторое подобие географической карты, которая двигалась по поверхности земли, неся с собой свои имена, однозначно организованные в пространстве. Безусловно, если кочевой народ в течение длительного периода пребывал в одной и той же местности, он мог дать названия отдельным ручьям, оврагам, холмам. Но не это было для него самым важным. Важно было знать, где находится определенный сосед. Коллективная родовая собственность на скот и прочие материальные ценности сопровождалась коллективным владением пастбищами, покосами, порубками, водными источниками и иными угодьями, поддерживавшими жизнеспособность рода. При переходе кочевого населения к оседлости земельные наделы закреплялись за отдель-

ными родами, а от имен родов стали образовываться названия угодий, а позже — и поселений.

Пытаясь в настоящее время анализировать названия некоторых гор и рек в Крыму, на Кавказе или в Средней Азии и подходить к их выявлению с критериями, выработанными географами, мы нередко обнаруживаем, что оронимы или гидронимы являются там вторичными образованиями, что первоначальное название было дано нерасчлененному комплексу (горе, седловине, реке, ущелью), имевшему единое хозяйственное использование и принадлежавшее определенному роду, ср. названия *Демерджи* в Крыму, *Казбек* (*Казибек*) на Кавказе. Путешественниками XVIII — XIX вв. неоднократно отмечалось, что они пытались выяснить у местных жителей, как называется гора (они видели прежде всего рельеф), а жители в своих ответах отмечали принадлежность всей окружающей местности какому-нибудь хозяину, не выделяя специально вершину горы, тем более если она не могла служить пастбищем или сенокосным угодьем.

Обе линии топонимической номинации (оседлая и кочевая) прослеживаются на старинных географических картах, отмечавших в странах древней Ойкумены и реки, и поселения, а на территориях, занятых «варварами», преимущественно названия заселяющих их племен. Так, для Северного Причерноморья карты разных эпох дают различные этнические названия, не помечая четких границ отдельных этносов. Если добавить, что и стационарные поселения тогда не отмечались точками или кружочками, то станет ясно, как трудно было ориентироваться по таким картам.

Оседлая и кочевая культура встретились в Крыму, куда греки перенесли свои названия, а многочисленные тюркоязычные народы — свои. Крымские горы были естественным препятствием для проникновения на Южный берег больших групп кочевников, но они не мешали просачиванию мелких кочевых групп и их «осколков». Тем не менее старая топонимия степного Крыма резко отличалась от южнобережной именно наличием большого числа единиц, восходящих к названиям тюркских племен, родов и их подразделений, например, в Северном Крыму в прошлом часто повторялись названия *Аргын*, *Мангыт*, *Кунград*, *Найман* и др.

Население Крыма рано перешло к оседлости. Неизбежно следующая за этим изменением хозяйственного уклада утрата родовой организации привела к забвению родо-

вых имен, давших основу для наименования многих оседлых поселений. В настоящее время не только географы, но и местные жители, пытаясь вскрыть происхождение названий своих поселений (*Коккоз, Карасан, Огуз*), обращаются к анализу составляющих их лексем ('голубой глаз', 'черный человек', 'тридцать'), не подозревая, что все они попали в топонимический ряд через посредство родовых имен и поэтому их нельзя непосредственно возводить к указанным словам.

Обратим внимание на некоторый параллелизм культурной и языковой принадлежности населения: оседлые жители — представители главным образом индоевропейской языковой семьи, кочевники — преимущественно урало-алтайской.

В свете всего сказанного подход к анализу топонимов, созданных разными народами, должен быть различным. В частности, переносить на тюркские названия методы анализа, оправдавшие себя при изучении индоевропейских, можно лишь в ограниченном числе случаев, в основном при исследовании более новых топонимов. Так, выявление в тюркских названиях географических апеллятивов (т. е. слов со значением 'гора, река, ущелье') и соответствующих определений (красный, черный, ветреный) оказывается плодотворным лишь там, где тюркские топонимы представляют собой некоторую параллель индоевропейским, например *Улу-Узень* при греческом *Меганотам* 'большая река', или когда тюркское поясняющее слово добавляется к непонятному названию предыдущей эпохи, чтобы ввести его в тюркский топонимический ряд: *Грама-та-Кая* (т. е. 'скала с надписью'), ср. тюркский перевод названия: *Язлы-таш*.

Итак, основные линии топонимической номинации, идущие от самих свойств объекта и от человека и его деятельности, в условиях оседлого и кочевого образа жизни получают неодинаковое развитие. Особенно ощутима эта разница для топонимов, отражающих деятельность человека. В условиях оседлой культуры в топонимах обычно отражаются имена отдельных людей (*Ярославль*), их занятия (*Каретники*), прозвища людей по местожительству (*Подольне*), в более позднее время — фамилии прославленных людей (*Хабаровск*). Кочевое население давало преимущественно названия, связанные с обозначениями родоплеменных подразделений (*Кирей, Атбаш*). Происхождение последних весьма разнообразно. Многочисленные примеры показывают, что между именем нарицательным

и топонимом нередко имеется одно или несколько промежуточных звеньев в виде индивидуальных или групповых собственных имен, без учета которых мы просто не имеем права заниматься изучением истории происхождения географических названий.

АНТРОПОТОПОНИМЫ. ЭТНОТОПОНИМЫ. ГЕНОТОПОНИМЫ

Линия топонимической номинации, идущая от человека и его деятельности, теснее всего связана с такими именными категориями, как личные имена, прозвища, фамилии отдельных людей, которые, переходя в топонимический ряд, формируют антропотопонимы, т. е. топонимы, образованные от антропонимов. Эта линия также связана с названиями чародов, национальностей, племен — этнонимами, от которых образуются этнотопонимы, и с названиями родоплеменных подразделений — генонимами, от которых образуются генотопонимы. Все три категории именных слов, обозначающих человека, порой тесно между собой переплетаются и не всегда однозначно интерпретируются.

У многих народов антропонимы включаются в состав топонимов с древнейших времен. Так, Александр Македонский, задавшись целью завоевать мир, на пути своего следования основал несколько городов с названием *Александрия*. Современная Александрия при устье Нила — одна из них. Остальные постепенно утратили свое название. Римский император Адриан основал город *Адрианополь*. Русский князь Ярослав основал город — *Ярославль*. Чем ближе к нашему времени, тем чаще названия, связанные с именами людей, носят селенческий (по первопоселенцам) или владельческий (по имени владельца) характер. У западных славян (включая и западные области нашей страны) много названий поселений образовано от групповых прозвищ детей, внуков, потомков и просто близких людей какого-либо первопоселенца: *Левковичи* (потомки человека по имени Левко), *Павловичи* (потомки некоего Павла) и т. д.

В разных местах географической карты могут быть обнаружены топонимы, омонимичные полным русским паспортным именам: *Анатолий, Артём, Владимир, Гали, Кузьма, Марк* и омонимичные сокращенным формам имен:

Баля, Лида, Леля, Муська, Нюрка. Многие топонимы звучат так же, как иноязычные или новые русские личные имена: *Измаил, Тимур, Анига, Аза, Роза*. Возникли они в разное время и по разным причинам. Иной раз они, действительно, образованы от имен личных, иной раз это сходство чисто внешнее. Например, название новостройки на Каме — *Камаз* случайно совпало со старым календарным именем *Камаз*.

За последние несколько десятилетий огромное количество фамилий влилось в состав географических названий нашей страны на правах топонимических основ. При этом иной раз топоним по своему составу равен фамилии: *Киров, Глазов, Куйбышев, Орджоникидзе, Ломоносов*, иной раз топоним больше фамилии: *Кировск, Бондаренково*, а иной раз топоним короче фамилии: *Дзержинск* (от фамилии Дзержинский), *Загорск* (от фамилии Загорский).

Интересно, что в предыдущие эпохи не было принято называть города в честь знаменитых людей. В древние времена город мог быть назван по имени личному какому-либо князя, во владении которого он находился, например, *Владимир* (из *Владимирь*, буквально 'Владимиров'). Сельские поселения именовались по именам и прозвищам первопоселенцев (*Петрово, Волково*). А вот фамилии в топонимику не вовлекались. Наоборот, они сами образовывались от географических названий. Сначала это были княжеские фамилии типа *Тверской, Мещерский*. К более поздним относятся фамилии *Москва и Москвин, Кашира и Каширин, Самарин, Костромин* и т. д. Фамилии торговых и служилых людей в прошлом нередко образовывались не от названий самих городов, а от обозначений жителей по местожительству, т. е. *Астраханцев* (от астраханец — житель Астрахани), *Брянцев* (от брянец — житель Брянска).

Мемориальные названия и названия-посвящения, данные в память о каком-либо человеке, особенно часто встречаются в физической географии, где они именуют отдаленные и трудно доступные объекты. Это названия в честь путешественников, открывших или изучавших данную местность: *Магелланов пролив, мыс Дежнёва, мыс Челюскин, пролив Литке, хребет Черского, залив Форстера, остров Воронина. Остров Врангеля* назван в честь человека, никогда не бывавшего на нем, но много сделавшего для его открытия. *Мыс Томаса* на острове Врангеля назван в честь матроса Томаса, который первым заметил

землю. Иногда путешественники, не имевшие средств, давали открытым ими территориям названия в честь «благодетелей», помогавших снарядить экспедицию. А. Тасман назвал открытый им остров именем штатгальтера *Ван-Димена* (ныне остров *Тасмания*); Э. Берд назвал горную цепь, открытую им по пути к Южному полюсу, именем *Рокфеллера*¹.

Имена родоплеменных подразделений называются генотопонимами от греч. *genos* 'род' + *topon* = 'имя'. Названия народов от племени и выше (племенные союзы, народности, нации) называются этнонимами от греч. *ethnos* 'народ' + *topon* = 'имя'. Термин этноним нельзя переносить на названия структурных подразделений внутри племени прежде всего потому, что внутри единого этноса нельзя выделять новые этнонимы. Названия этносов составляют определенный ярус. Названия отдельных частей этноса образуют иные ярусы, соответствующие реальному структурированию этносов как целых единиц. Соответственно топонимы, образованные от названий племен, народов, народностей, можно назвать этнотопонимами, например, более старые названия: *слобода Татарская, Чудское озеро* и более новые: *Казахская, Краснодьярский*. В них этнонимы употребляются в своем непосредственном виде. Чаще же в старых традиционных названиях участвуют личные имена, образованные от этнонимов. Среди распространенных древнерусских имен были: *Корела, Калмык, Угрим, Китай* и ряд других. Поэтому названия поселений типа *Корелка, Калмыково, Угриново, Китаево* и т. д. вовсе не обязательно фиксируют проживание в них людей определенной национальности, а скорее свидетельствуют об интернациональном составе древнерусских личных имен.

Другой типичный случай включения этнонима в топоним — в качестве дополнительного определения при наличии двух одноименных объектов: *Мордовская Бокла, Русский Камешкир*. Таково же происхождение топонима *Крещеный Боран* — было два одноименных поселка, а крестили жителей лишь одного из них. Кстати, название *Боран* не имеет отношения к домашним животным, а приводит нас к особому типу географических названий — генотопонимам. Такими же генотопонимами являются многочисленные *Берендеи* и *Берендеевы*. Возмож-

¹ Орестов О. Географические названия. — География в шк., 1938, № 1, с. 42—44.

но, таким же генотопонимом является и название большой географической области *Сибирь* по имени родоплеменного подразделения *сыбыр*².

Современный топоним *Судак* в Крыму не имеет отношения к одноименной рыбе. Известны исторически засвидетельствованные варианты этого названия: *Шолтадия*, *Солдайя*, *Солтак*, *Судея*, *Сурож*, которые могут быть сопоставлены со следующими родовыми именами: *шолтак* (отделение рода племени кирей у казахов), *сулдудай* (древний монгольский род), *сураш* (древнетюркское племя и род племени байлар у башкир), *сугдак* (древнее племя, упоминаемое Махмудом Кашгарским). В Крыму была также деревня *Шолтак* (теперь пос. Надежда Советского р-на). Традиционное истолкование топонима *Судак* из тюркского *су* 'вода' + *даг* 'гора' и объяснение этого названия из реалии, что на крепостную гору в Судак был проложен водопровод с соседней горы, вторично. Оно лишь свидетельствует о «врастании» топонима в ландшафт.

Первые упоминания о поселении *Ялта* (*Ялта*, *Джалита*) относятся к середине XII в., когда Нубийский Географ называет ее в числе других населенных мест земли команов (кыпчаков)³, ср. *ялти* (подразделение племени помуд у туркмен), *ялгалар* (подразделение туркменских сейидов).

Перечисленные родовые имена могли проникнуть к предкам туркмен огузам от хазар, печенегов, кыпчаков, волны которых докатились позже до Крыма. В топонимии полуострова не могли не отразиться родоплеменные названия этих древних народов; некоторые из них, по всей вероятности, дошли и до наших дней, но либо воспринимаются как генонимы более поздних племен и народов, либо же пока остаются топонимическими загадками.

По самым предварительным данным, полученным нами по неполным спискам, в Башкирии имеется 40 геноонимов, совпадающих с крымскими, в Казахстане — 30, не говоря об отдельных общих компонентах в составе сложных названий, как, например, *терек* в гидронимах *Ак-Терек*, *Кара-Терек* и т. д. в Киргизии, ср. крымское *Бештерек*⁴ и др. Поэтому собственно топонимическому

анализу названий указанных территорий должна предшествовать проверка, не от родовых ли имен они образованы. Даже такие традиционно считающиеся греческими названия на Крымском полуострове, как *Мисхор*, *Капсисхор*, могут быть сопоставлены с родовыми именами *мысгар/мысгор* у туркменских шихов, *коп-сохыр* племени кыпшак у каракалпаков (кстати, топоним зафиксирован во многих вариантах).

Начатое нами исследование тюркских родовых имен показало их весьма разнообразное происхождение, связанное с различными историческими условиями. Подробное изложение этого материала не входит в задачи данной работы. Отметим лишь отдельные, наиболее типичные пути создания родовых имен. Прежде всего в их состав вошли древнейшие тотемические обозначения (*Аргын*, *Бедене*, т. е. 'жеребец; куропатка'). Далее, многие обозначения родовых и племенных подразделений были даны по профессиям (*Арабаджи*, *Демирджи* — т. е. 'тележники; кузнецы'), по тамгам (*Ай*, *Конек*, *Тарак* — т. е. 'луна; ведро; гребень').

Ряд более поздних названий связан с различными привилегиями, которые получали отдельные социальные группы в связи с их местом в духовной общине (*Шейх-Эли*, т. е. из шейхов, народ шейхов). Самые поздние родоплеменные названия образованы от имен личных или личных прозвищ основателей новых родов или отдельных поколений (*Дорт Кара*, *Алты Сары*, буквально 'четверо черных' или 'шестеро рыжих', *Мамед*, *Али* и т. д.).

У многих тюркских племен существовало деление на левую и правую сторону, или на левое и правое крыло. При переходе к оседлости это деление сохранилось в таких названиях поселений, как *Соллар* и *Онлар*, буквально 'левые' и 'правые', а также, возможно, и в одном из прежних названий Старого Крыма — *Солхат* из *сол* 'правый' + *кат* 'крыло'.

При анализе генотопонимов всегда есть опасность, что исследователь пройдет мимо родового имени, не заметит его и будет непосредственно искать объяснение таких названий, как *Актерек*, *Бештерек*, *Каратерек* в общей лексике, толкуя их как 'белый тополь', 'пять тополей', 'черный тополь' соответственно, тем более что многие, особенно старые, топонимы хорошо «вписываются» в пейзаж. Если начать с пристрастием рассматривать окружение таких поселений или речек, можно без труда обнаружить посадки тополей где-то неподалеку или до-

² Огородников Вл. И. Очерк истории Сибири до начала XIX в. Иркутск, 1920, с. 116.

³ Кеннен П. И. О древностях Крыма и гор Таврических. — Крымский сб., СПб., 1837, с. 181—184.

⁴ К сожалению, не существует единых правил русского правописания топонимов этого типа. Мы следуем орфографии источников.

пустить их наличие в прошлом. Но ведь тополя росли вокруг многих других селений и рек, а соответствующие названия получили только эти объекты. Следовательно, их названия не имеют достаточного топографического подтверждения.

При отсутствии словарей родовых имен и недостаточной изученности последних анализ подобных названий доставляет значительные трудности, поскольку многие исследователи ложно ориентируются на приблизительно созвучные им имена нарицательные, нередко противоречащие именуемым реалиям.

Необходимо отметить, однако, что на ранних этапах истории взаимоотношение различных тюркских племен с русскими было достаточно тесным. Об этом писал, в частности, А. И. Попов⁵. Это были отношения не только войны, но и различных договоров, которые нередко заканчивались браками представителей княжеских (и соответственно ханских) династий.

Отметим лишь те из половецких имен, которые так или иначе проникли в русскую антропонию и топонимию: *Айдар, Актай, Боняк, Борак, Дулеп, Кобан, Козак, Отрок, Тарх, Овчин, Темир, Турбей, Туркин*. Половецкое имя *Эсен* с вариантами *Асиль, Асень, Ясен; Осень* дало русские фамилии *Осенева, Осенин, Ясенин, Есенин*. Интересно, что в русских летописях от родовых тюркских имен образованы отчества по русскому образцу: *К(о)-за(к) Бурнович, Коз(е)л Сотанович, Севенч(а) Бонякович, Обовлы Костукович, Корязь Колотанович, Котян Сутоевич*, ср. у берендеев: *Тудор Сатмазович*, а также групповые отчества: *Бурновичи, Читеевичи, Сатмазовичи* и даже «фамилии» *Аспа Осенева, Аспа Гиргенев*.

На основе названия тюркского родоплеменного подразделения *берендеи* возникла легенда о сказочном народе, отразившаяся в сказке А. Н. Островского «Снегурочка». Родовая структура свойственна, как правило, кочевому обществу. Оседлая жизнь с ее традициями приводит к тому, что организация жилищ, выгонов и прочих угодий начинает диктоваться рельефом, особенностями почв и другими естественно-физическими условиями местности. Одновременно происходит постепенное забывание прежних родовых имен, хотя в названиях географических объектов они сохраняются еще длительный период, постепенно становясь необъяснимыми.

⁵ Попов А. И. Кыпчаки и Русь.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1949, вып. 14, с. 118 и сл.

ОТ КАКИХ СЛОВ ОБРАЗУЮТСЯ ТОПОНИМЫ?

От какого слова образован тот или иной топоним и почему так назван какой-нибудь географический объект — это два разных вопроса, лежащих в различных областях познавательной деятельности человека. Первый вопрос лингвистический, и мы им сейчас займемся. Второй — культурно-исторический, связанный с психологией создания и восприятия имени, с общественными оценками отдельных фактов, событий, личностей. Ему будет посвящена глава «Почему так названо?»

В составе топонимов можно обнаружить почти любое слово. Например, известны названия железнодорожных станций *Сивая Маска, Баян, Лошаки, Чертокулич*, название реки *Яр-под-Зайчиком*, поселения *Вчерашние Щи* (оно возникло на месте одноименного трактира). Аналогично происхождение ойконима *Приютное Свидание*. Но все это редкостные случаи, топонимические курьезы, которые должны иметь историческое свидетельство своего возникновения и закрепления в топонимии. К числу регулярных случаев, находящихся подтверждение во многих языках, относятся следующие пути создания топонимов.

1. Из слов своего языка в результате их переосмысления и превращения имен нарицательных в собственные: *кордон — Кордон, бор — Бор*.

2. Из самого класса собственных имен путем их дальнейших преобразований: *Кордон — Кордонная балка, Иван — село Иваново*.

3. Из слов чужих языков посредством заимствования готовых топонимов: *Париж* — пригород Самарканда.

4. Путем искусственного конструирования топонимов из своих заимствованных слов: *Санкт-Петербург, Оренбург, Тирасполь, Мелитополь, Краснодар*.

Особенно многочисленны и типичны два первых способа создания топонимов. Но если состав собственных имен, от которых образуются топонимы, достаточно широк и случаен, то набор имен нарицательных, регулярно вовлекаемых в топонимику, легко обозрим и более или менее компактен. Ведущее место в этой группе принадлежит словам, обозначающим различные особенности ландшафта, поэтому их можно условно назвать «географическими». Геогра-

Физические слова имеются в каждом языке, но состав их от страны к стране разнится, как отличаются и природные особенности. Например, слова *фьорд*, *каньон* в русском языке существуют как заимствованные, поскольку природа Центральной России не создала подобных физико-географических образований. Слова *тайга* и *тундра* заимствуются в языки Западной Европы, природа которой не имеет подобных объектов. Слова *гора*, *река*, *озеро*, *море*, *мыс*, *остров*, *полуостров* как более общие существуют во всех известных нам языках, правда, в каждом отличаются некоторой спецификой, определяющейся детализацией этих общих понятий в каждом языке. В некоторых языках может быть по несколько слов, передающих общую идею возвышенности, реки, озера, мыса, и т. п., обозначающих отдельные типы этих объектов. Все эти слова относятся к универсальным топонимическим, подобно тому, как наличие называемых ими объектов составляет одну из географических универсалий. Ниже приводится небольшая таблица (см. табл. 1), регистрирующая универсальные топонимические слова в ряде языков.

В отличие от многих других слов, формирующих основы топонимов, географические слова мало изменяются во времени. Если какая-нибудь деревня в течение нескольких веков неоднократно меняла хозяина и это отражалось на ее названии, то за тот же отрезок времени вода осталась водой, река — рекой. Слова, обозначающие типы поселений, тоже оказываются быстропреходящими. Поэтому и географические названия типа гора *Камень* или *Денежкин Камень*, село *Горелый Мох* или *Васильевский Мох*, город *Остров* или село *Белый Остров*, станция *Солёное Озеро*, село *Большое Озеро*, село *Остров-Большая-Дорога*, хотя образовались они несколько сот лет назад, понятны нам и сегодня, а названия типа *Бычий Хутора*, *Варница*, *Новь*, *Отруба*, *Ближние Выселки*, *Бутырки*, хотя в целом и понятны, требуют специальной расшифровки.

Нередко географические слова развиваются в соответствии со своими особыми закономерностями, отличающимися от закономерностей, лежащих в основе развития обычных слов данного языка. Видимо, это объясняется их древностью, их остаточным, пережиточным характером по отношению к словам общего языка, их соотносённостью с исторически иной эпохой. Распространяясь по какой-либо территории и проникая в языки других народов, географические слова могут изменить свое звучание, но все же обычно их можно бывает узнать.

Таблица 1

Географические слова

Язык	Значение		
	Возвышенность, гора	Река, вода	Озеро
Русский	гора, горка, верх, вершина, холм, пик, камень, курган, горб, кряж, гребень, волок, веретья, бёрда	река, речка, вода, воды, протока, поток, приток	озеро, лиман, ильмень, тальник, ендова, баклуша
Тюркские	таг, тау, тоо, тепе, туу, сырт, бархан	су, чу, сай, чай	кёль, гёль, куль, холь, челкар, урюм, сор
Финно-угорские	хибен, хябян, ваара, вуору, сельгя, мяги, мяки	ю, йоки, йыги, юган, еган	ярв, ярви, то, ты, сор, лор, тур
Балтийские	калис	упе	эзерс, эжерас
Иранские	кух, хох, тыппыр	дерья, ап, дон, аб, об	хани, сад, хоуз
Монгольские	хада, хад, уул	ус, усан	нор, нур, цай-дам
Армянские	сар, блур, кар, перр, конд	гет, джур, ару	лич
Грузинский	мта	цхали	тба
Адыгские	бгы, джабэ	псы	гуэл

Помимо общеизвестных географических слов, обозначающих более или менее распространенные черты рельефа, особенности ландшафта, есть слова с ограниченной известностью, а также слова, меняющие свое содержание в зависимости от природных условий территории. Например, слово *ендова* в древнерусском языке обозначало большой сосуд для питья, винную чашу продолговатой формы. В таком употреблении это слово находим в сказке Ершова «Конек-Горбунук»: Ивановы братья, продав царю двух коней золотогривых и оставив Ивана вместе с Коньком-Горбунком в услужении у царя, «постучавши ендовой (т. е. выпив вина), воротились домой».

В строительном деле слово *ендова* употребляется и сейчас в значении «стык двух скатов крыши». А вот специаль-

ные, географические значения этого слова: 'котловина, яма, степное блюдце, округлая вершина оврага, залив в расширении реки'. Эти значения слова *ендова* отмечены в Рязанской и Тульской областях. В Пензенской области словом *ендова* называют котловину среди холмогорий; в Тамбовской области словом *ендовище* обозначают овраг. Слово *лядо* в северных говорах означает пустошь, залежь, заброшенную землю, вновь заросшую лесом или кустами, а в Смоленской области — участок бывшего леса, используемый под пашню.

Исторически возможно, с одной стороны, постепенное изменение ландшафта, например, нередко на месте вырубленного хвойного леса вырастает лиственный (хвойный нуждается в том, чтобы его специально посадили). Одни почвы заболачиваются, другие, наоборот, постепенно подсыхают, вследствие чего могут исчезнуть мелкие речки и пруды. Если все подобные изменения происходят на территории, давно обжитой одним народом, где все более или менее выделяемые объекты давно названы, то может оказаться, что то, что раньше было болотом или хвойным лесом, сохраняя свое прежнее название, превратилось в озеро или лиственный лес или в пустошь и поле. Тогда получается, что имя собственное дано фактически другому объекту, не обладающему известным географическим содержанием. С другой стороны может быть и так, что народ, переселяясь на другое место, дает похожим, но не идентичным объектам знакомые по прежнему месту обозначения типа *бор*, *ендова*, *колка*, которые на новом месте не будут иметь своего исходного географического содержания. Все это свидетельствует о том, что однозначного соответствия географического слова и типа именуемого объекта может и не быть.

Еще сложнее с названиями, образованными из областных, диалектных слов, не вошедших в литературный язык и потому понятных лишь на ограниченной территории.

Обладая известной стабильностью как звуковые отрезки, служащие для образования топонимов, географические слова не обладают, однако, единым и неизменным значением, и на разных территориях относятся порой к непохожим вещам. Например, географическое слово *тайга*, употребляемое в Центральной России чаще всего в значении хвойный лес, в Восточной Сибири означает всякую необжитую территорию, заросшую любыми лесами, на Алтае — гору, покрытую лесом, а в Туве — безлесную гору. Тюркское слово *кыр* обозначает в Малой Азии поле, степь, равнину, а в

Киргизии — низкие горы, в Казахстане — возвышенность; у коми-ижемцев *кыр* — крутой береговой обрыв¹.

Русское по происхождению слово *волок* означает: в Центральной России водораздельный участок между верховьями двух рек, своего рода перешеек между двумя бассейнами, по которому в старину переволакивали суда. Кроме этого, в Ярославской обл. *волоком* называют низкие берега, в Рязанской — откос, низкую горку, в Восточной Сибири — участок зимнего пути по суше, если санный идет по замерзшим рекам и озерам. Как видим, во всех этих значениях имеется лишь очень отдаленная связь с тем историческим объяснением слова *волок*, с которого мы начали этот абзац. Кроме того, в Пермской, Кировской, Костромской областях словом *волок* обозначается лес без дорог, откуда деревья вывозятся волоком. В Архангельской и Вологодской областях *волоком* — это дорога в лесу; в Оренбургской обл. в старые времена *волоком* назывался перегон между почтовыми станциями, когда ездили на лошадях. Как видим, все указанные значения слова *волок* в той или иной степени географические. Однако широкий «разброс» этих значений не позволяет относить специальные географические слова к терминологическим. Больше того, из-за такой широкой амплитуды значений мы часто не можем определить, какое же конкретное значение географического слова послужило основанием именно для данного географического названия, тем более что меняется не только значение слов, меняется и ландшафт, и отношение человека к окружающим объектам.

Географические слова необычайно живучи. Они проникают далеко за пределы области, в которой были созданы, и за границы распространения того языка, в котором возникли. Заимствуясь в языки других народов, они изменяют свое звучание в соответствии со спецификой и возможностями каждого из них и меняют свое значение под влиянием местных географических особенностей. Так, например, в Полесье словом *полонь* обозначается место, где можно пасти скот. Близкое по звучанию слово *полонина* в Карпатах обозначает высокогорное пастбище, главное его значение 'луг', то, что он находится в горах, его гористость остается второстепенным признаком. У черногорцев словом *планина* обозначаются заливаемые Скодарским озером луга. В Болгарии *планина* значит 'гора'. Следовательно,

¹ Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

гористость из интегрального признака превращается в основной, ведущий, дифференциальный.

Такие превращения возможны, потому что объект богаче признаками, чем слово, его обозначающее. В северных русских говорах слова *луг* и *ляга* развились из одного исходного этимона, однако разошлись как по значениям, так и по сфере употребления. Н. И. Толстой², анализируя географические слова в славянских народных говорах, показал, что каждое из них обладает широким пучком значений, что нередко связано с изменением реалий, причем это происходит даже в пределах одного языка и одного региона. Смысловые переходы значения таких слов от села к селу незаметны, а крайние звенья оказываются очень далекими по смыслу. В литературный язык и в язык науки эти слова входят лишь в одном значении: *бор* 'хвойный лес на сухих почвах'. В народных говорах *бор* — это и холм, и лес вообще, и пересеченная местность, и одна сосна, и супесчаная почва, и даже торфянистая почва.

Следует также отметить, что на правах географических названий подобные слова уходят значительно дальше тех мест, где они понятны как специальные ландшафтные обозначения. Дополнительные определения к ним типа *тонкая веретей*, *плоская веретей* помогают их более полному восприятию в местных говорах как сухих возвышенных гряд среди болот, но не облегчают их понимания в литературном языке.

Каждая географическая зона имеет свои, только ей присущие природные условия, для отражения которых служат особые специфические географические слова. Они могут достигать большой точности детализации отдельных разновидностей объектов, не находя себе соответствий в литературном языке, где, наоборот, отмечается стремление к обобщениям. Поэтому в текстах, рассчитанных на широкого читателя, очень трудно употреблять такие специальные географические слова, как *бучило* 'топкое место', *кблка* 'небольшой лесок', *эрик* 'овраг', *золёц* 'гора с голой скальной вершиной' и т. д. Их либо заменяют на общеизвестные слова *болото*, *лесок*, *овраг*, *гора*, либо снабжают необходимыми комментариями типа *овраг — эрик*. Дело в том, что любой местный говор дает более дробную классификацию, более мелкую детализацию в изображении своих природно-физических объектов, чем этого требует литературный

язык. Ср. примечания к «Бежину лугу» И. С. Тургенева: *казюли* — по-орловскому змеи, *сугибель* — крутой поворот в овраге, *бучило* — глубокая яма с весенней водой. Автор вполне мог бы обойтись и без этих слов, но тогда и произведение получилось бы другим. Следовательно, в обычном литературном тексте невозможно употреблять все региональные географические слова, как нельзя вводить в повышенных дозах и диалектную лексику, и обозначения цветовых оттенков, которых в специальных областях насчитывается до полутора миллионов.

На любой территории могут быть обнаружены специальные географические слова разных языков. Но, поскольку слова чужого языка нами чаще всего не распознаются, мы воспринимаем их как собственные имена. Например, название реки *Нара* и озера *Неро* (соответственно к югу и северу от Москвы) скорее всего связано с географическими словами древних финно-угорских языков, обозначающими заболоченное место.

Специальные географические слова служат основами лишь части географических названий. Большое место среди топонимических основ занимают собственные имена людей (*Петрово-Дальнее*), слова, характеризующие условия местности, дающие ей качественную оценку (*Гористое*), имена прилагательные с достаточно широким диапазоном значения (*Грозный*, *Весёлое*), слова, отражающие современные идеи (*Путь к Коммунизму*), память об имевших место событиях (*Бранное Поле*) и т. д.

ТОПООСНОВЫ И ТОПОФОРМАНТЫ

Отвечая на вопрос, от каких слов образуются географические названия, мы оперировали топонимами как целыми словами. Но имена нарицательные или другие собственные не всегда полностью входят в состав топонимов, ср. *река — Заречье*, *князь — Княжпогост*, и не всегда топоним равен имени нарицательному, ср. *город — Подгородное*. Поэтому приходится ввести еще два понятия: топооснова и топоформант.

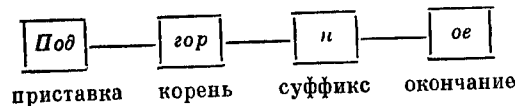
Топооснова, или основа топонима, — это смысловой компонент географического названия (даже если в данном языке смысл, т. е. связь с именем нарицательным или другим собственным именем, не вполне очевидна). Топоосновы в чистом виде не существуют. Они обязательно дополняются до целых слов, оформляются с помощью вспомога-

² Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды, М., 1969.

ных элементов, которые принято называть **формантами**, или **топоформантами**.

Топоформанты, или **топонимические форманты**, — это служебные элементы, которые участвуют в построении топонимов: *Брат-ск*, *Сокол-ово*, *Нижнестебл-иевская*.

Если к анализу географических названий подходить с теми же критериями, что и к анализу обычных слов, то можно выделить в их составе приставку, корень, суффикс, окончание:

Но топонимы принадлежат к специальной лексике, и такой анализ не всегда удовлетворяет исследователя. Например, гидронимы *Нев-а* и *Нев-о* отличаются друг от друга лишь окончаниями, а их корень *-нев-* не имеет подтверждения в общей лексике русского языка. Для топонимиста же *нев-* — топооснова, а конечные *-а* и *-о* — форманты, вводящие указанные гидронимы в соответствующие топонимические ряды. Элементы *-а*, *-о* — это минимальные топонимические форманты. Но иной раз форманты могут быть достаточно «длинными», когда несколько суффиксов и окончание, сливаясь вместе, участвуют лишь в одном словообразовательном акте: *Голуб-инка*, *Волчяйр-овка*. В таких случаях нецелесообразно рассматривать каждый суффикс в отдельности, тем более что в специальной лексике вследствие различных переосмыслений и переходов из одного яруса в другой словообразовательная ценность их меняется по сравнению с общей лексикой.

Некоторые топонимы включают по две и даже по три основы: *Старонижнестеблиевская*. Но характер их вхождения в топоним не всегда одинаков. Поскольку в структурном отношении может быть выделено много различных типов таких топонимов, интересующихся этим более подробно отсылаем к одной из наших прежних работ¹.

Топооснова и топоформант — две неизменные составные части любого топонима, поэтому рассматривать одно без другого невозможно. Даже топонимы, равные по составу целым словам, в структурном плане имеют свой формант —

нулевой (*Бор-ъ*, *Кордон-ъ* или в иной записи *Бор-ø*, *Кордон-ø*), превращающий основу в топоним.

Топоосновы можно разделить на обязательные (императивные), которые непременно должны встретиться в составе географических названий, и необязательные (факультативные), сам факт вхождения которых в топонимию в известной степени случаен. Репертуар первых материально ограничен словами, обозначающими особенности ландшафта и типы поселений на разных языках. Репертуар вторых практически неисчерпаем, и какую-либо классификацию их провести значительно сложнее. К числу обязательных основ относится также ряд типовых определений, в том числе — особые географические определения (*большой*, *средний*, *малый*, *верхний*, *нижний*, *северный*, *южный*, *восточный*, *западный*, *новый*, *старый* и т. п.). По заданию Международного комитета славистов был создан словарь славянских топооснов, куда вошли все обязательные основы и почти не вошли факультативные².

Сходство основ географических названий разных регионов нередко объясняется тем, что в них используются аналогичные слова (названия рельефа, почв, растений, животных). Таким образом, сами реалии в известной мере подсказывают набор топооснов.

Обязательные основы чаще встречаются в названиях физико-географических объектов: *Лиман*, *Обозерье*, *Тростяница*. Однако среди последних нередки и случайные основы: гора *Благодать* на Урале, озеро *Bicycle lake* (англ. *Bicycle lake*) в Калифорнии. Необязательные основы типичны для названий населенных мест: поселок *Атка* (сокращение фразы *автомобильно-тракторная колонна*) на Колымском тракте, город *Лихославль* (от имени личного *Лихослав*). Если в основе ойконима имеется «географическое слово», он, как правило, образован от другого топонима: *Белоомут*, *Красный Лиман*.

Возвращаясь к проблеме двух линий в топонимии, отметим, что обязательные топоосновы, как правило, располагаются на линии: «природа объекта — топоним», а необязательные — на линии «человек и его деятельность — топоним». В связи с большой древностью некоторых ранних топонимов и антропонимов обе линии оказываются порой очень тесно переплетенными. Например, основа *бор-* может быть и топонимической, и антропонимической. В назва-

² Smilauer V. Priručka slovanske toponomastiky. Pr., 1970; см. также: Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983.

¹ Суперанская А. В. Типы и структура географических названий (на материале топонимии СССР). — В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964, с. 59—118.

ниях физико-географических объектов основа бор- может обозначать: а) тип леса и лес вообще; б) тип почвы. В антропонимии Бор может быть: а) одним из древнейших славянских имен, известным также в ласкательных формах: *Борок, Борко*; б) частью древнеславянского двухосновного имени типа *Ратибор, Далибор*.

В течение более чем тысячелетнего функционирования в русском языке топонимы и антропонимы, включающие основу -бор-, неоднократно служили базой для дальнейших ономастических образований, при этом от топонимов образовывались новые топонимы и антропонимы, а от антропонимов — новые антропонимы и топонимы.

Топо-топонимическое развитие шло по линии: Бор — *Борок — Борки, Боровка, Боровец, Боровица, Боровое, Борово, Боровна, Боровеньки, Боровяны, Боровлянская, Боровицкие пороги* на р. Лесте и *Боровицкие ворота* Кремля.

Антропо-антропонимическое — по линии: Бор — *Борко — Борков — Борковский, Борович, Боровиц, Боровичев, Боровцев, Боровцы, Боровишкин, Боровихин, Боровягин, Боровлев.*

Топо-антропонимическое — по линии: Бор — *Боровой, Боровое, Боровецкий, Боровин, Боровинский, Боровинцев, Боровицинов, Боровка, Боровкин, Боровко, Боровков, Боровых, Боровский, Боровских, Боровской, Боровицкий.*

Антропо-топонимическое — по линии: Бор — *Борово, Боровичи, Боровск, Боровская, Боровское.*

Таким же образом пересекались топонимические и антропонимические образования и от других основ. В подавляющем большинстве случаев одни и те же основы, оформленные разными формантами, относятся к разным объектам. Следовательно, это разные названия. Вот некоторые топонимы с основой -город-: *Город, Городок, Городки, Городково, Городище, Городищи, Городец, Городно, Городня, Подгорное, Загородное, Пригородное, Новгород, Новгородское, Звенигород, Шаргород, Белгород, Славгород.* Значение словообразовательных рядов, в которые включается одна и та же основа, неодинаково, поскольку каждый топоним — дитя своего времени. В зависимости от различных условий одна и та же основа может получить разные форманты, типичные для определенной эпохи. Вследствие этого некоторые образования воспринимаются нами как устаревшие, архаичные, некоторые — как современные. В каждую эпоху осуществляются поиски оптимальных сочетаний топооснов и топоформантов, пригодных для последующих топообразований.

Выбор, который представляется языковыми возможностями, реализуется по-разному в зависимости от терри-

тории — для Севера типичнее *Городок, Городец, Ольховатик, Ольховатка, Ольовец*, для Юга и Запада — *Звенигородка, Городчаны, Ольховцы, Ольховка*, от размеров и статуса объекта: ручей *Ольовец*, речка *Ольовека, Ольховатка, Ольовица*, поселок *Ольховое, Загородное, Подгородная, Городище*, город *Новгород, Ольховск*; от времени образования названий — современное *Ольховск* и прежнее *Ольховица*.

Указанные ряды представляют основу основ топонимии. Они очень показательны с точки зрения времени и места своего образования. В каждом таком ряду топонимические основы оформляются и структурируются особым образом.

Взаимопроникновение антропонимов и топонимов может быть очень глубоким, затрагивающим разные уровни языковой структуры. На лексическом уровне антропонимы служат наполнителями топонимических моделей (ср. *Горелый мох* и *Васильевский мох*). На словообразовательном уровне антропонимы предлагают топонимам свои модели. Так, многие названия населенных мест включают антропонимические форманты -ов, -ин, -иха, -ята, которые в составе топонимов подвергаются специализации и топонимизации. Например, топоформанты -ов, -ин — в прошлом притяжательные суффиксы (ср. *отцов, мамин*). Когда ойконимы создавались «естественным» путем, они проходили через стадию притяжательных прилагательных, обозначая, кому принадлежало данное место: *Янов починок, Аграфенин торчок*. После того как данная модель топонимически утвердилась, она приобрела массовый характер и отмежеввалась от антропонимии: город *Александров*, пос. *Дедушкин*.

Топонимы, образованные от антропонимов, называются антропотопонимами. Помимо широко известных образований этого типа, отмеченных выше, могут быть и регионально ограниченные антропотопонимы. Например, в Костромской области прозвания жены и детей образуются от имени, фамилии и прозвища главы семьи с помощью суффиксов -иха и -ята соответственно: *Круглов — Круглиха, Круглята*. Вследствие сильного аканья на данной территории, а также вследствие особенностей местного словообразования многие фамилии (имена, прозвища), от которых образуются подобные прозвания, меняются до неузнаваемости, например, *Кбшелев — Кашелиха, Кашелята*³. Про-

³ Зинин С. И., Суперанская А. В. О сборе антропонимического материала в СССР. — В кн.: Вопросы узбекской и русской филологии. Ташкент, 1971, вып. 142, с. 98.

никая в топонимию, слова *Крулята, Кашелята, Коришня-та* и т. д. оказываются совершенно новыми образованиями, включающими основу, порой отличающуюся от исходной. Антропонимические форманты *-иха* и *-ята* получают свою топонимическую специализацию. Антропонимы на *-ята* известны также на Урале (*Капралята*), на *-иха* — во многих местах.

Состав основ собственных имен служит живой иллюстрацией их связи с жизнью общества. Они повторяют многообразие слов того языка, в котором возникли топонимы. В период феодальной раздробленности топонимы обычно вбирают в себя сугубо местные слова: *Жабки, Волочок*, а также указание на владельца: село *Лебедево* (по фамилии помещика), *Марьина пожня, Яшкин покос*.

В период создания национальных литературных языков и некоторой централизации в присвоении топонимов, при том, что они даются «сверху», они включают слова и элементы литературного языка, понятные на всей территории страны.

Топонимические ряды могут строиться на основе общности основ или общности формантов. В обоих случаях ряды получатся разные. В качестве примера рассмотрим основу *-город/-град-*, отметим некоторые видоизменения, которым подвергается эта основа в соседних или родственных языках. В русском языке наблюдаются так называемое полногласие: *город*, старославянская форма *град* сохраняется у нас в торжественном стиле (*Красуйся, град Петров!*), и в сложениях: *Петроград, Ленинград*. Эта же форма *град* свойственна чешскому языку, ср. *Градчаны, Градец-Кралоуве*. В польском языке эта основа имеет форму *груд*: *Новогруд, Новогрудек*, ср. белорусское *Гродно*, соответствующее польскому *Грудно*. В германских языках славянскому *-город/-град-* соответствует форма *гард*.

Если мы ограничимся лишь современным русским звучанием этой основы, то получим следующие словообразовательные ряды: *Город, Городок, Городец, Городище, Городищи, Городки, Городково, Городня; Загородное, Пригородное, Пригородная; Новгород, Новгородка, Новгородское, Новгородчина, Новгородцы*. Все собранные здесь топонимы объединены основой со значением 'городить', т. е. 'строить, огораживать, отгораживать', но все они чрезвычайно пестры как по времени создания, так и по причинам возникновения, по мотивировке и т. д. Например, название *Новгород* давалось, как правило, поселению, перенесенному жителями на другое место, если старое

оказывалось неудовлетворительным. Так было и с Новгородом, который первоначально был на другом берегу Волхова, на затопляемом месте. Старое место, с которого был город перенесен, — *Городище*. Название поселения *Новгородцы* свидетельствует о том, что оно было образовано выходцами из города Новгорода. То же можно сказать и о селении с названием *Новгородское*.

Создание таких топонимических рядов, которые объединены общей основой, чрезвычайно полезно в научных целях. Это способствует уточнению связей между отдельными элементами языка, показывает родственные отношения топонимов разных языков, взаимосвязь отдельных образований, историю их возникновения. Но ряды, образованные на общности конечных элементов, ценнее в практическом отношении. Они показывают, как могут и должны создаваться новые названия, какие словообразовательные средства удобнее и почему. Одна из характерных черт топонимов — формульность — вскрывается лишь при анализе формантов. А поскольку количество названий, не соотносимых с апеллятивами, увеличивается, анализ формантов приобретает все большее значение.

Перечисленные структурные особенности топонимов приближают нас к восприятию понятия топонимической системы, о которой речь пойдет в следующей главе.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Топонимы любой территории при всем их разнообразии оказываются тесно связанными друг с другом множеством незримых нитей, о наличии которых мы узнаем лишь тогда, когда в результате переименования некоторых объектов становится неудобно пользоваться отдельными топонимами.

Это объясняется тем, что географические названия на каждой исторически или географически выделяемой территории образуют определенную систему. Как отмечает Э. М. Мурзаев, под топонимической системой следует понимать совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности¹.

¹ См.: Мурзаев Э. М. Топонимика и география, — Вестн. МГУ, 1963, № 3, с. 14.

Несколько видоизменяя и дополняя эту формулировку, можно сказать, что топонимическая система — это территориально организованный набор топооснов, топонимов, а также правил и способов их соединения друг с другом и специфика восприятия определенных топонимических образований. Каждый топоним не только создается для называния какого-либо объекта, но и употребляется в речи людей, говорящих об этом объекте. Следовательно, он должен быть понят, принят, усвоен. Таким образом, смысловое значение топооснов и структурное значение формантов дополняется на каждой территории еще и специальным топонимическим значением, соотносящим географическое название с определенным именным классом. При этом хорошо известные топообъекты и их названия способствуют локализации менее известных. Словообразовательная ценность формантов для каждой территории иная, не одинаково и место названий с теми же формантами в системах разных территорий.

Для каждой точки земного шара топонимическая система различна. Границы отдельных территорий, где «действует» единая система, определяются однородностью или неоднородностью национального состава жителей, радиусом их контактов с соседями, их осведомленностью о наличии близлежащих топообъектов и т. д.

Каждая топонимическая система строго территориальна. Поэтому можно говорить о топонимической системе отдельной деревни, определенного района или области. Значительно труднее говорить о топонимической системе целой страны, и едва ли можно говорить о топонимической системе земного шара. По всей вероятности, топонимическая система в значительно большей степени определяется территориальной общностью, нежели общностью языковой, поскольку на смежных территориях с разноразличным населением топонимия все-таки системна. Некоторые топонимы употребляются там в двух вариантах, собственных каждому из контактирующих языков, порой образуя причудливые гибриды (как, например, *Иванова метс* от *метс* эст. 'лес'), обеспечивающие незаметный переход от системы одного региона к системе другого.

Топонимические системы отдельных регионов отличаются друг от друга не только составом слагающих их компонентов, но и их соотношением. Системность географических названий складывается из самых разнообразных показателей: из характера слов, послуживших основами для топонимов, из структурных особенностей формантов и

способов их присоединения к основам, наконец, из количественных показателей. Так, топонимы с формантом *-ка* известны на всей территории нашей страны, однако особой активности они достигают в так называемой Новороссии, заселявшейся в XVIII—XIX вв. Под Москвой был дачный поселок *Лось* (включен в городскую черту), в Сибири — поселок *Сохагый*. Хотя *Лось* и *Сохагый*, казалось бы, одно и то же, указанные объекты не могли бы поместиться своими названиями.

Организующими моментами в топонимической системе являются инвентарь самих названий и его расположение относительно друг друга и относительно других слов языка, в котором они употребляются, а также территория, на которой это все происходит.

Топонимическая система фиксирует три ряда различий:

1. Отличие топонимов от нетопонимов.
2. Отличие топонимов одного класса от топонимов другого класса.
3. Отличие отдельных топонимов друг от друга².

В то же время система объединяет и сближает названия, образованные в разное время, на разных языках, если они оказались на одной территории. Топонимическая система служит важной движущей силой в перестройке отдельных топонимов, подчиняя их общим закономерностям, наблюдающимся на одной территории, придавая им сходство друг с другом и в то же время способствуя их дифференцированности.

В составе топонимов любой территории могут быть обнаружены: 1) наиболее массово представленные именные типы, являющиеся образцами для прочих имен этих же групп; 2) относительно недавно заимствованные имена, для которых понятие нормы и системы еще не вполне установилось и в употреблении которых наблюдаются колебания; 3) имена устаревшие, бывшие продуктивными несколько столетий назад; 4) имена одиночные, не находящие себе подобных. Последние особенно подвержены различным перестройкам.

Основу системы составляют наиболее продуктивные типы, по сходству или контрасту с которыми перестраиваются все прочие. На любой территории в каждый момент может быть выделено множество различных топооснов и

² Карпенко Ю. О. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови. Лекція, Чернівці, 1962, с. 11—12.

словообразовательных средств, но активно участвуют в создании новых названий и способствуют спаянности уже существующих лишь несколько. Количество их определяется объемом оперативной памяти человека, вычисленным психологами как величина, составляющая 7 ± 2 единицы. Это значит, что человек свободно может оперировать указанным количеством цифр, фактов, слов. Этим же числом измеряется количество словообразовательных единиц и слогов в слове, слов во фразе, фраз в предложении и т. п. единиц низшего порядка в составе единицы высшего порядка.

Топонимические системы создаются местным населением из его словоупотребления, они проверены и отработаны на местах, благодаря чему все в них бывает уравновешено, сбалансированно. В рамках всей страны местные топонимические системы объединяются в одну макросистему. В нее входит далеко не все, что есть на местах. В нее почти не входят микротопонимы. В ней как бы переоценивается все топонимическое богатство, объединяясь в иные группы в соответствии со своим рангом, назначением, ролью в жизни общества. Например, для жителя Ульяновской области гидроним *Волга* фигурирует наряду с гидронимом *Свияга* — название притока Волги, текущего параллельно ей в противоположном направлении. В составе современного Большого Ульяновска *Засвияжье* — место, когда-то далекое от старого Симбирска, стало одним из районов города. В рамках топонимии всей нашей страны гидроним *Волга* встанет в один ряд с гидронимами *Днепр*, *Енисей*, значительно менее актуальными для жителей Ульяновской области, чем *Свияга*. Таким же образом в местном употреблении у жителей Подмосковья названия городов *Пушкино*, *Мытищи*, *Загорск* объединяются в некоторую пространственную систему, в известной мере противопоставленную ойкониму *Москва* и ойконимам *Подольск*, *Серпухов*, *Чехов* как названиям городов, расположенных по другую сторону от Москвы. В масштабах топонимии всей страны *Москва* встанет в один ряд с ойконимами *Ташкент*, *Минск*, *Тбилиси*, а как столица СССР она попадает в ряд *Берлин*, *Будапешт*, *Прага*. При этом, чем выше ранг географического объекта, тем отвлеченнее от местных условий та система, в которую попадает его название. Это подводит нас к понятию топонимической схемы.

Разумеется, на каждой территории в любой исторический период насчитывается значительно больше, чем 9, те-

матических групп, в которые могут быть объединены основы топонимов, больше, чем 9, топоформантов, но ведущих, активно действующих будет лишь число от 5 до 9. Остальные (а их могут быть десятки) займут скромное место в составе рубрики «прочие», а образованные с их помощью топонимы в сумме не превысят число топонимов с каждым из ведущих формантов. Это психологическая закономерность, связанная с проблемой выбора и предпочтения, действующая для людей разных эпох и территорий, независимо от языка. Она накладывается в топонимии на языковую закономерность — стремление к экономии средств выражения.

Каждое название входит не только в топонимическую систему данной территории, но и в топонимическую схему данного языка. Именно через топонимическую языковую схему топонимы заимствуются из одного языка в другой, переходя в аналогичную топонимическую схему другого языка. Топонимическая схема строится обычно на базе литературного языка, игнорируя его диалектные особенности, так же как и особенности отдельных топонимических систем местного употребления топонимов. В отличие от строгой территориальности топонимической системы схема экстерриториальна и обладает некоторой тотальностью, сглаживающей особенности отдельных систем.

Топонимическая схема, с одной стороны, шире системы, так как она может включать словообразовательные типы, не представленные в отдельных местных топонимических системах, а с другой стороны — уже, так как некоторые местные словообразовательные особенности, типичные для отдельных топонимических систем, в ней не фиксируются. Названия отдельных территорий объединяются в систему, а с общезыковой топонимической схемой — согласуются. Таким образом, схема — это некоторое внутреннее единство, способствующее включению топонимической лексики в лексическую систему языка.

Для каждого человека системно организованными оказываются лишь те топонимы, в окружении которых он живет. Все остальные он воспринимает схематично, через призму заранее заданных категорий. Например, исходя из условия, что в тюркских названиях ударение обычно падает на конечный слог, мы произносим *Анкара́*, хотя название это нетурецкого происхождения и сами турки произносят его с ударением *Анкара*. Основа этого топонима родственна нашему слову *якорь*, древнеперсидскому слову

со значением 'приют, кров', греческому *ankyra* 'якорь'. Таким же образом, исходя из того, что многие северные топонимы имеют акцент на первом слоге, мы производим *Мурманск*, хотя название это создано русскими. Оно восходит к обозначению норманнов, которых тамошние жители называли *мурманами* и *урмянами*, откуда местное ударение *Мурманск*. Подобных расхождений между «центральным» и «местным» произношением, склонением, речевым употреблением топонимов множество.

Поскольку топонимия любого региона складывалась веками, немаловажным оказывается вопрос о восприятии ее сегодня. Именно стремлением понять старое название на основе реалий наших дней объясняются многие народные переделки прежних топонимов, перестройка их на основе знакомых основ и формантов. Подробно об этом см. в следующей главе.

Несмотря на то, что типы географических названий не привязаны к определенным объектам, все же существуют топонимы, наиболее свойственные той, а не иной категории географических объектов. Так, например, названия, образованные от фамилий, стоящих в родительном падеже, наиболее свойственны улицам и колхозам: *ул. Горького*, *колхоз (имени) Чкалова*. Названия рек, особенно крупных, обычно представлены одним словом, значение которого из современного языка неясно (*Кама*, *Дон*). В названиях озер часто используются прилагательные среднего рода (*Акташское*, *Чурубашское*, *Элькинское*). Названия морей чаще всего представлены сочетанием прилагательного со словом *море* (*Белое море*) либо словом *море* с родительным падежом фамилии (*море Лаптевых*) или притяжательной формой (*Берингово море*). Названия гор — словом множественного числа (*Альпы*, *Балканы*), символизирующим множество гор, либо прилагательным в сочетании со словом *горы* (*Кавказские горы*).

Перечисленные и другие подобные типы географических названий объективно существуют в языке помимо нас и нашего желания. Мы лишь можем создать некоторую классификацию их на основе условно принимаемых принципов.

Перечисленные особенности способствуют традиционности топонимов, облегчают их восприятие, задают определенные рамки, в которых располагаются наиболее типичные топонимические ряды, например принадлежащий в микротопонимии: *Микитин рог*, определенный в ойконимах, образованных от микротопонимов: *Красная*

Глинка, ойконимический ряд с формантом *-ск* для названий городов и т. д.

Нарушения рядности могут привести ко многим неприятным последствиям. Например, на Урале было предложено назвать село *Петропавловском*, хотя суффикс *-ск* однозначно соотносит ойконим с городом. Такое название будет воспринято неверно и, как следствие этого, будет, чувствовать себя в системе нетвердо. Как выпадающее из ряда, оно будет подвергаться колебаниям: *Петропавловка*, *Петропавловское* и может даже вообще оказаться отторгнутым как несоответствующее условиям функционирования топонимов данного ранга. Чужеродными и не соответствующими своему месту в системе выглядят некоторые новые названия морей, как, например, *Сулавеси* (ранее *Целебесское*). В связи с изменением названия острова *Целебес* на *Сулавеси* название моря следовало заменить на *Сулавеское*, не нарушая его рядности.

В течение многих лет главная улица города Челябинска называлась *Спартак* (теперь проспект Ленина). Опять палило нарушение рядности. Формы типа *Спартак* мы воспринимаем как названия стадионов, спортивных команд, клубов, но не улиц. Ср. в Москве улица *Спартакоская*.

Нарушение рядности происходит и в тех случаях, когда имя собственное, относящееся к объекту одной категории, использует основу, типичную для объекта другой категории: железнодорожные станции *Ерофей Павлович*, *Лев Толстой*.

Нарушение рядности может специально использоваться писателем в художественных целях. См. работы С. В. Перкаса.

Язык, если можно так выразиться, — это система систем. В нем органически увязаны системы склонений, спряжений, словообразований и словоизменений, системы слов разных типов. Топонимы составляют одну из таких частных систем, согласующихся с прочими. Система — это целостность, в которой каждый элемент определяется всеми другими элементами. Изучение системных отношений в языке требует высокой абстракции. В системе имеются определенные данные и их отношения. А. А. Реформатский сравнивал языковую систему с шахматной игрой, где каждая фигура сама по себе имеет свою приблизительную ценность, но в развитии шахматной партии ценность ее меняется вследствие меняющихся позиционных отношений. Системная связанность всех фигур сохраняется на протяжении всей партии: ни одна фигура не может быть снята

с доски или заменена другой без переоценки позиции в целом. Иногда языковую систему сравнивают с картиной хорошего художника, на которой каждый мазок воспринимается не сам по себе, а в сочетании с окружающими мазками и где ни один цвет не может быть изменен без того, чтобы это не потребовало изменения красок всей картины. Как-то, рассматривая картину Рембрандта «Ночной дозор», один из изображенных на ней бюргеров выразил неудовольствие, отметив, что его костюм в действительности более яркого цвета, и потребовал переделки. На это Рембрандт ответил, что в таком случае пришлось бы заново картину писать.

К сожалению, в топонимических системах мы этого недооцениваем и нередко произвольно меняем какое-либо название, не думая о последствиях. Научное изучение топонимических систем представляет интерес прежде всего для самой топонимики. Оно помогает выявлению топонимических закономерностей, помогает определению того, как можно и как нельзя поступать с отдельными топонимами.

ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАНО?

Решая вопрос, от каких слов образованы топонимы, мы оперировали словами как известными материальными ценностями. Остановимся на отношении слов и топонимов, потому что между топонимом и словом (именем нарицательным или собственным), от которого он образован, всегда имеется некоторая причинная связь.

Слово — причина — топоним

Еще в XIX в. русский географ Н. И. Надеждин писал: «Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре»¹. Он отмечал далее, что все местные названия — не пустые, лишённые значения звуки; они — отражение прошлого. Но прошлое — это не только Ливонская война или Куликовская битва. Прошлое есть у каждой деревни, каждой речки, горки. Такой-то город построен таким-то князем, через

такую-то реку переходила такая-то армия, на таком-то камне стоял Наполеон, наблюдавший Битву народов, под таким-то деревом сидели братец Иванушка и сестрица Аленушка — все это прошлое. Однако не всегда и не все из прошедших событий отражается в топонимах.

Говоря о топонимах, созданных относительно недавно, нам нетрудно воссоздать картину их возникновения. Например, топонимы *Электросталь* и *Электроугли* повторяют названия предприятий, вокруг которых сложились поселения, позже превратившиеся в города. Оба предприятия (выплавлявшее сталь в электропечах и изготовлявшее угольные стержни для прожекторов) были для своего времени новыми, уникальными и, естественно, оказались самыми достопримечательными для данных поселений, что и послужило основанием для их названия.

Характерно и следующее: отвечая на вопрос, «почему так названо», мы обязаны дать истолкование тому слову, которое выделяем в основе топонима, и показать связь этого слова с именуемым объектом. Если связь эта достаточно убедительна, убедителен и путь от исходного слова к топониму, и происхождение последнего считается доказанным. Жители каждого более или менее старого поселения знают, почему тот или иной объект назван именно так. Но нередко объяснения, которые они дают, граничат с фантастическими. Например: Шла княгиня по лужочку у речки (Вам даже скажут, как ее звали и женой какого князя она была, назовут годы ее жизни), споткнулась, сказала: «Ах, я *хрома*», и назвали ту речку *Яхрома*; или: Поднимался князь на гору, шел, шел — устал, сказал: «*Уф-а!*» и построили на том месте город, и назвали его — *Уфа*. Но эти объяснения не соответствуют исторической правде. Русские топонимы не образуются от фраз типа «*Я мал*» или «*Я хрома*».

Поэтому, если топоним напоминает фразу, например *Шелдomeж* (т. е. *шел до меж*) Ярославской области, очевидно, он нерусского происхождения и следует посмотреть, не связан ли он с более подходящим словом другого языка. То же касается и различных междометий, звукоподражательных слов и т. п., которыми мы пытаемся иной раз объяснить непонятное географическое название.

Топонимы образуются по своим закономерностям. Восстанавливая историю создания топонимов, мы как бы проходим в обратном порядке тот путь, который они проделали, развиваясь во времени. Этот ретроспективный

¹ Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира. — Б-ка для чтения, СПб., 1837, т. 22, ч. 2, с. 28.

анализ тем сложнее, чем древнее топоним. Как известно, форма топонима с течением времени меняется, меняется и географическая среда, и сам объект, и характер его использования. Поэтому мы не имеем права утверждать, что такое-то название произошло от такого-то слова, не ознакомившись с историей объекта и его названия. Особенно неожиданные и резкие изменения топонимов отмечаются на территориях с длительным двуязычием.

Например, на территории ГДР около тысячи лет существовало славяно-германское двуязычие. В результате образовалась двойная лужицко-немецкая географическая номенклатура. Во многих случаях славянские имена более древние, немецкий язык воспринимает их иногда по звучанию, иногда — по смыслу. Например, *Maly Welkow — Kleine Welka*, но *Zernosyki — Sornzig* (освоено немецким языком до XIV в.). Двойная номенклатура создавалась людьми, владевшими обоими языками. Общеизвестные слова, обозначающие типы географических объектов (гора, луг), переводились с языка на язык, но слова типа *прудик*, *горка* в составе самих названий адаптировались по звучанию к соответствующему языку: *Norken*. По данным В. Шпербера, в списках о взимании поземельной ренты за 1835 г. бургомистры лужичане на территории Саксонии почти все названия мелких объектов давали в переводах. В других районах бургомистры-немцы, плохо знавшие лужицкий язык, заимствовали славянские названия по звучанию, приспособляя их к немецкому произношению. Иногда, казалось бы, парные, славянско-немецкие названия оказывались закрепленными за разными объектами: *Käsel* и *Цикау*.

Указанные факты свидетельствуют о том, что решению вопроса, почему так названо, должна предшествовать тщательная проверка самих форм названий, а также проверка их изначальной языковой принадлежности. Иной раз небольших изменений звучания топонима на каком-то этапе его развития бывает достаточно для того, чтобы направить исследователя на ложный путь.

Например, во многих местах, где живет тюркоязычное население, существуют Девичьи башни. С ними, как правило, связывают легенды о плененных девушках, которые якобы жили в этих башнях. Такая башня есть, например, в Баку. Она стоит на берегу моря. А несколько веков назад, когда море подходило ближе к городу, она поднималась из моря. Есть такие башни и в Крыму, и во многих других местах. Они называются у местных жите-

лей *Кыз-Кула*, *Гыз-Кула*, *Кыз-Кале* и даже *Кас-Куле* в зависимости от особенностей их говора. Но в тюркских языках есть слово, очень похожее на обозначение девушки: *гёз* (*кёз*), что значит 'глаз'. Обратим внимание на то, что все «девичьи башни» стоят на открытых местах: на скалах, вдающихся в море, на выступах гор, с которых открывается широкий обзор. Значит, *гёз-кула* (*кыз-кула*) — это башня-глаз, башня-обзор, т. е. дозорная башня. С течением времени, когда актуальность такого дозора ушла в прошлое, а одни народы сменили другие, начались попытки осмысления названий, сохранившихся от прошлого. Утратившие свое первоначальное назначение башни пришли в ветхость, стали необитаемы, а вокруг их названий сложились легенды.

К югу от города Нальчика, по пути в Баксанское ущелье, имеется несколько населенных пунктов с одним и тем же названием *Кызбурун*. Вблизи каждого из них находится горный мыс, отрог Кавказского хребта (это как раз то место, где горный ландшафт постепенно переходит в степной). И совершенно очевидно, что в эпоху, когда здесь жили кочевые племена, часто воевавшие друг с другом, для них было очень важно иметь наблюдательные пункты с широким обзором местности. Следовательно, названия и этих объектов можно понимать как 'дозорные мысы', а не 'девичьи мысы'. Значит, на основе одной только современной формы географического названия невозможно судить о его происхождении.

Сказанное не относится к новым и новейшим названиям, у которых может быть одна единственная форма, появление которой известно. Например, при прокладке Мурманской железной дороги однажды выдался очень жаркий день. Проектировщики шутили, что у них почти Африка. Тем временем настала пора как-то обозначить очередную станцию. Понятие жары наложило на топонимические ряды окружающей территории: *Имандра*, *Питкяранта*. Новую станцию назвали *Африканда*.

Анализ разных форм названия одного и того же объекта показывает, что оно составляет некоторую переменную величину, определяющуюся двумя «полюсами», между которыми оно колеблется, приближаясь то к одному, то к другому. Это связь с современными словами и подтверждение структурными топонимическими формулами прошлого. Например, название урочища на Южном берегу Крыма *Сикита* было непонятно для русского населения ни из славянских, ни из греческого, ни из тюркских

языков (название восходит к древним индийским языкам и в точности соответствует греческому *Грамата* и тюркскому *Язлы-таш*, поскольку на том месте в древности была скала с надписью). Русские это название превратили в *Никита*. А в этой форме уже утрачена вся предыдущая история.

Название *Рѣпасово* — Рязанской области превратилось в *Рѣбцево*, сохранив, однако, ударение русского дохристианского имени *Рѣпас*. Поскольку в районе Рязани были жестокие бои с татарами, в народе возникло свое толкование названия: здесь «отчаянно рубились русские»². Следовательно, прежде чем ответить на вопрос, почему так названо, необходимо провести ретроспективный анализ всех засвидетельствованных форм топонима и сопоставить их с языками тех народов, которые так или иначе участвовали в складывании топонимии данной территории, подумать, какие формы первичны, какие вторичны, не могло ли быть еще каких-то несохранившихся промежуточных звеньев.

Лицам, которые специально не занимались топонимикой, порой кажется, что выявление происхождения географического названия — самое важное в его исследовании. Мы уже видели, что причины, по которым возникают названия, могут быть весьма случайными и что, независимо от того, знаем мы или не знаем эти причины, топонимы достаточно хорошо выполняют свои функции, если они системны, формульны и не противоречат основным требованиям, к ним предъявляемым.

Помимо всеобщей причины — необходимости дать имя объекту, попавшему в центр внимания, частные причины номинации отдельных объектов оказываются различными. Номинация физико-географических объектов нередко отражает людскую наблюдательность и является результатом обследования определенной территории. В номинации рукотворных объектов отражается желание показать, чей это объект, какому хозяину (индивидуальному, групповому) или народу он принадлежит, кем построен, кому посвящается и т. д.

Причина, по которой дается географическое название, существует лишь в момент самого наименования. Для последующего функционирования топонимов она несущественна. Для населения, создающего названия и поль-

² Никулина З. П. Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра: (Лингвистический анализ названий населенных пунктов), Автореф. канд. дис. — Кемерово, 1964.

зующегося ими, названия не выражают истории, а служат знаками для различения объектов. Поэтому для местных жителей единственным является топонимическое, а не историческое значение топонимов.

Основное назначение топонимов — различать географические объекты. Оно выполняется одинаково хорошо как топонимами, происхождение которых нам понятно, так и неясными топонимами со стершимися значениями основ. Поскольку для функционирования топонимов их смысловая прозрачность несущественна, это приводит к ее утрате, а народное переосмысление названий — к ее замене на новую или к некоторым изменениям самих топонимов ради подгонки их под новое значение слов, с которыми их стали связывать. Такие перестройки в топонимах встречаются чаще, чем в словах общей лексики, поскольку здесь особенно широк диапазон поисков понятного в непонятном, например, ойконим *Каракуба* превращается в *Карагуба* по созвучию со словом *губа*.

Многие старые географические названия, истинная история возникновения которых не сохранилась, порой находят в трудах исследователей по несколько остроумных и, казалось бы, верных, но нередко взаимно исключających друг друга объяснений. При этом чем лучше вписывается название в ландшафт, тем больше возникает вполне правдоподобных версий относительно его происхождения. Версия считается имеющей право на существование, если найдено ее географическое или культурно-историческое подтверждение, если имеются соответствия в исторических документах, если аналогичные связи «имя — объект» обнаруживаются на соседних или сходных в топонимическом отношении территориях. При этом названия физико-географических объектов обычно имеют географическое обоснование. Поэтому если топонимист в ходе своего анализа добирается до географического слова и оно соответствует местным условиям, задачу можно считать решенной. Например, *Рас-эль-Абьяд*, *Кап-Блан*, *Кабо-Бланко*, т. е. «белый мыс» — всё это названия, данные на разных языках одной и той же географической реалии, которая как бы сама подсказывает, как ее назвать. Это типичный пример топонима, мотивированного самими свойствами объекта. Но далеко не все топонимы обладают столь четкой причинной связью «слово — топоним».

Сложнее обстоит дело с объектами рукотворными, для которых наличие в непосредственной близости от них каких-либо выдающихся природных образований — факт

побочный, не имеющий закономерной логической связи с самими объектами и их названиями. Например, *Белогорск* Крымской области, расположенный вблизи *Белой скалы*, долгое время назывался *Карасубазаром*, а поселок *Ленино* именовался *Семь Колодезей*. Наличие или отсутствие колодезей, гор, скал важно для скотовода-кочевника, дающего названия урочищам. При наименовании селений эти факты оказываются побочными, случайными, поскольку сами селения как объекты принципиально иного характера не находятся в столь непосредственной зависимости от природных условий, как пастбища, водопой, кочевья. В связи с этим для их названия открываются возможности обращения ко многим другим источникам, неуместным при создании имен для физико-географических объектов. Это и исторические события, имевшие место при их основании, и имена первопоселенцев или владельцев, и названия церквей, и ремесла жителей, и отношение к другим поселениям. Следовательно, географическое обоснование названия поселения — лишь одно из возможных, но отнюдь не обязательное.

Причины обращения к тем или иным словам при создании ойконимов не могут быть реконструированы путем анализа слов, лежащих в их основе. Они могут быть обнаружены лишь в процессе изучения древних документов. При этом лингвистически реконструируемая более древняя форма названия может считаться доказанной лишь в том случае, если она найдена в каких-либо исторических источниках. Анализ большого фактического материала показывает, что любая гипотетическая форма топонима при всех ее соответствиях законам языковых преобразований может оказаться реально не существующей, поскольку топонимы нередко обнаруживают свои особые закономерности исторических преобразований.

ИНФОРМАЦИЯ

Сведения, которые мы получаем, анализируя смысловые связи топооснов, определяя, от какого слова и почему образовался топоним (англ. *Лонг-Айленд* 'длинный остров', назван так по форме), составляют лишь часть его информации, при этом наиболее доступную, «внешнюю». Мы условно употребляем это слово, имея в виду связи топонима с внешним миром, его выход за пределы чисто языковых отношений. Эти связи практически беспредель-

Таблица 2

Информация о слове и о географическом объекте

Топоним	История создания	Объект и культурно-исторические сведения о нем
Город Москва	Название сложилось исторически, ср. название реки — <i>Москва</i>	Древний город с большими культурными традициями. Столица СССР, место пребывания Советского правительства
Город Вашингтон	Назван по имени первого президента США Георга Вашингтона	Город, специально построенный как столица США. Место пребывания правительства с 1800 г. Крупным городом стал после гражданской войны Севера и Юга (1861—1864 гг.)

ны. Так, давая внеязыковую характеристику объекту, именуемому *Лонг-Айленд*, мы скажем, что это остров вблизи берегов США, на котором построена основная часть города Нью-Йорка. Вокруг этого острова курсирует прогулочный пароход, показывая туристам достопримечательности города. Вся эта чисто внешняя по отношению к слову *Лонг-Айленд* информация известна каждому американцу. Она составляет для него так называемые фоновые знания, благодаря которым это слово легко включается в любые речевые ситуации. Связь информации о слове (географическом названии) и информации об именуемом объекте, осуществляющаяся через топоним, отражена в табл. 2. Языковая информация топонима *Лонг-Айленд* состоит в том, что это название дано на английском языке и может быть сопоставлено со словами *long* 'длинный' + *island* 'остров', название достаточно прозрачно, что свидетельствует о том, что оно относительно новое. Многие топонимы обладают достаточно большой «внутренней», чисто языковой информацией, получить и расшифровать которую порой бывает нелегко. Это информация о том, какому языку принадлежит топоним, каким народом он создан, к какой эпохе относится (информация о топониме как о слове), что представляет собой именуемый объект, какой он, чей он, как соотносится с соседними (информация о самом объекте). Вся эта информация закодирована в отдельных элементах топонима (см. табл. 3).

Языковая информация имени (кроме первичной и минимальной, что это имя) — наиболее постоянная и неиз-

Таблица 3
Языковая информация топонимов

Вид информации	Топоним	Содержание информации
Что представляет собой объект	нп <i>Слобода</i> ур. <i>Ростоки</i>	поселение, освобожденное за определенную службу от известных повинностей место, где русло реки или ручья разделяется на рукава
Каков объект	<i>Большая Песчаная пустыня</i> ур. <i>Железные Ворота</i>	большая бесплодная территория, покрытая песком или камнями узкий проход в горах, стесненный скалами
Чей объект	нп <i>Княжпогост</i> хутор <i>Ушакова</i> нп <i>Внуково</i>	временная стоянка, принадлежавшая князю небольшое сельское поселение, принадлежавшее Ушакову поселение, принадлежавшее человеку по имени или прозвищу <i>Внук</i>
Как соотносится объект с соседними	<i>Московская область</i> р. <i>Сулица</i> р. <i>Донец</i> р. <i>Пазорка</i> <i>Неаполитанский залив</i>	территория, прилегающая к <i>Москве</i> и тяготеющая к ней в хозяйственном отношении приток р. <i>Сула</i> приток р. <i>Дон</i> приток р. <i>Пахра</i> залив, на котором расположен <i>Неаполь</i>
Когда создан объект или когда получил это название	нп <i>Вождь Пролетариата</i> <i>Победа</i> село <i>Дворцовое</i>	Послереволюционное Послевоенное Не позже середины XIX в.

меняющаяся часть его информации. Она заключается в характере и составе компонентов имени. Но, чтобы ее получить, необходимо детально проанализировать имя, что само по себе очень трудно.

Результаты языкового анализа обычно дают комплекс неязыковых сведений, которые могут быть известны исследователю и ранее (и тогда это еще одно подтверждение) или не известны (и тогда это материал для новых исторических, этнографических, социологических и т. п. гипотез). В любом случае это сведения о фактах, хроно-

логически предшествующих моменту создания имени. Благодаря этому имена могут служить своеобразными хронологизаторами древних памятников.

Топонимы, сложившиеся естественным путем, содержат географические, исторические, социальные характеристики объектов (станция *Горячеводская* — у горячих источников, пгт *Новоугольный* — новый поселок, жители которого заняты добычей угля). Топонимы придуманные (в основном для переименования объектов, уже имевших названия) часто оказываются никак не связанными с историей объекта и, следовательно, не содержат никаких характеристик последнего (сёла: *Изобильное*, *Золотое*, *Голубое*; деревни: *Трудолюбовка*, *Грушевка*, *Виноградовка*). Наличие в *Грушевке* и *Виноградовке* Крымской области грушевых деревьев или виноградных плантаций оказывается недостаточно характерным признаком для названия, потому что указанные культуры растут там повсеместно и, наоборот, в *Грушевке* может не оказаться груш, а в *Виноградовке* — винограда. Все эти искусственно придуманные названия, данные в ходе массовых переименований, не констатируют ситуацию, а служат лишь своеобразными деизидерата, т. е. пожеланиями на будущее. Однако, несмотря на то что в них применяются топонимически пустые основы, и такие топонимы несут определенную информацию — о времени и месте своего создания. Прежде всего в них использованы топоосновы, «модные» для послевоенного времени. Далее, в них использованы форманты, типичные еще в XIX в. для Новороссийского края. Следовательно, место их создания — юг Европейской части СССР.

Для XX в. типичнее другие форманты: *-ское*, *-ский*, *-ное*: *Генеральское*, *Краснофлотский*, *Целинное*, *Урожайное*.

Ббирая в себя новые, актуальные для каждой эпохи элементы, топонимия как бы «консервирует» их, сохраняя на длительное время. Многие слова, от которых образованы топонимы, давно вышли из общего употребления и сохраняются лишь в составе топонимов. Выявлению этих слов представляет большой интерес для истории языка. Например, Г. П. Смолицкая, проведя сплошной анализ гидронимов бассейна р. Оки, пришла к выводу, что слова *абал/обал* 'овраг', *чечора* 'старое русло реки', *бердо* 'вышенность, холм', *музга* 'илистая непроточная речка, старица' и ряд других могли существовать в русском языке до XVIII в.

В составе старых ойконимов могут быть обнаружены древнеславянские личные имена: *Лихослав*, *Житомир*, а также слова, связанные с общественной жизнью, экономикой, торговлей отдельных эпох: *Тырговиште* (Болгария), *Котляря* (Польша). Поэтому изучение географических названий, помимо общеобразовательного, имеет и большой культурно-исторический интерес.

Если выбрать топонимы с определенными основами или формантами и нанести их на карту, можно получить интересные сведения о былом расселении отдельных народов, о путях их миграции, о языковых и диалектных границах в различные исторические периоды, о которых не сохранились документальные данные, о взаимовлиянии отдельных языков и о проникновениях различных культурных влияний. У нас в стране этими вопросами много занимался Е. М. Поспелов. В ГДР, ЧССР, Польше, Болгарии, Швейцарии многие топонимисты, работая этим методом, получают интересную этнотопонимическую и этнолингвистическую информацию.

Б. А. Серебренников на основе изучения субстратных данных пишет: «Топонимика Марийской АССР свидетельствует о том, что марийцы являются пришлым населением. Они пришли откуда-то из более южных областей и в древности населяли территорию современной Чувашской АССР»¹.

«Сравнительное изучение географических названий, — пишет Э. М. Мурзаев, — представляет большой научный интерес и позволяет решать многие вопросы древней истории, палеолингвистики, доисторического прошлого человека. Внимательный анализ географических названий часто дает географу, геологу, ботанику, зоологу, экономисту, этнографу интересный материал для суждения о ландшафтах, месторождениях полезных ископаемых, преобладающих растительных группировках, промысловых животных, господствующем типе хозяйства, расселении человека»².

Действительно, «географические названия немало помогли геологам. Шведские слова *хольм* (большой остров), *сунд* (пролив), *вик* (залив) часто встречаются в Скандинавии в виде приставок к названиям местностей, далеко

¹ *Серебренников Б. А.* Проблема субстрата: (Стеногр. отчет расш. заседания Учен. совета ИЯЗ АН СССР). Л., 1955, с. 19.

² *Мурзаев Э. М.* Изучение географических названий. — В кн.: *Справочник путешественника и краеведа* / Под ред. С. В. Обручева. М., 1950, ч. 2, с. 648.

удаленных от берега моря. Это навело геологов на мысль о регрессии моря»³.

Знание некоторых нарицательных составных частей географических названий, особенно в названиях неродного ему языка, может помочь путешественнику или военному во время похода определить, будет ли на пути встречен ручей или озеро, будет ли вода в нем пригодна для питья. Например, если в названия водоемов Средней Азии будут входить слова *Джаман* (плохой), *Сасык* (зловонный), *Ачи* (горький), *Туз* (соль), возле них не стоит устраивать привал⁴.

С. Б. Веселовский сравнивает топонимический материал с археологическим, потому что материал этот не датирован, его происхождение неизвестно, дошел он часто не в первоначальном виде, а в измененном или искаженном теми источниками, из которых мы черпаем его. Датировка топографических названий озер, рек, гор совершенно невозможна. Относительно названий селений дело обстоит гораздо лучше. С. Б. Веселовский приводит ряд выдержек из исторических документов (архивы, летописи, родословные), позволяющих датировать селения. По этим данным видно, что большинство названий селений по различным предметам суть названия от имен личных и прозвищ, а не непосредственно от данных предметов: *Зюзино* (XV) от имени Андрей Зюзя Шетнев; *Клушино* (XV) — Иван Романович Клуша Белеутов; *Крюково* (XV) — Борис Кузьмич Крюк Сорокоумов-Глебов; *Подушкина* (XV) — Иван Владимирович Подушка, московский гость; *Пушкино* (XV) — Григорий Александрович Пушка Морхинин, далекий предок А. С. Пушкина; *Собакино* (XIV) — Иван Федорович Собака Фоминский; *Тушино* (XIV) — Василий Иванович Тупа Квашнин; *Мешково* (XVI) — Григорий Михайлович Мешок; *Валуево* (XIV) — Тимофей Васильевич Валуи, воевода Дмитрия Донского.

Топонимика дает богатый материал для изучения истории землевладения, например, для изучения вопроса о слободах. В слободах жители за определенную службу князю в течение некоторого времени пользовались определенными «свободами», но по истечении срока слобода

³ *Орестов О.* Географические названия... — География в шк., 1938, № 1, с. 41.

⁴ *Алиев С.* Географические названия Казахстана. — География в шк., 1939, № 4.

лишалась своих преимуществ и даже теряла название слободы. Собирая топонимические материалы и сопоставляя их с историческими данными, можно составить большие списки слобод по уездам и найти им место на карте. Даже не проводя специального исследования, можно определить, что на территории Руси в XV—XVI вв. было около 300 слобод⁵.

Весь этот комплекс внутренней и внешней информации топонима исчезает полностью в случае переименования.

ТРАНСКРИПЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

На земном шаре насчитывается свыше трех тысяч языков, и на каждом из них существуют географические названия. Разумеется, в повседневном общении нам не приходится их произносить. Но есть люди, которые по долгу службы обязаны знать названия всех стран мира, их главных городов, рек и прочих объектов, а также, как туда проехать или отправить груз. Это работники почты, транспорта, связи, внешней торговли, дипломатические работники, а также ученые исследователи. Русские, английские, немецкие, французские, голландские, итальянские картографы давно составили полные собрания карт на все территории земного шара, объединив их в атласы. Согласно древней легенде, Атлас, или Атлант, был греческим героем, державшим на своих плечах небесный свод. На титульных листах первых географических атласов изображался Атлант. Географические названия даются и в энциклопедиях. Слово *энциклопедия* происходит от греческих основ *enkykliā* (круг элементарных знаний; общее начальное образование) и *paideiō* (воспитывать, обучать). Если в этом слове провести неверно границы значимых элементов, посередине окажется звуковой отрезок -циклоп-, не имеющий никакого отношения к циклопам. И все же на титульном листе энциклопедий нередко рисуют циклопа. Помимо общих, существуют различного рода отраслевые, в том числе географические энциклопедии, где приводятся географические названия всех стран.

Необходимо сказать несколько слов о том, в каком же

виде они там даются. Дело в том, что в Европе давно сложилась картографическая традиция, согласно которой многие топонимы переписываются с карт, издаваемых в одной стране, на карты, издаваемые в другой, без каких бы то ни было изменений, поскольку в большинстве стран Европы принята латинская графика. Вследствие этого на одной и той же карте нередко соседствуют немецкие и французские, английские и голландские написания, которые каждый читает так, как это ему удобнее. Исключение — некоторые старые традиционные названия, которые принято заменять на более понятные.

Например, название столицы Италии *Roma* англичане заменяют на *Rome*, а поляки — на *Rzym* (рус. *Рим*). Главный город Баварии (ФРГ) зовется по-немецки *München* (*München*), по-английски — *Munich* (*Munich*), по-итальянски — *Монако* (*Монасо*), или *Монако-ди-Бавьера*, т. е. Баварское Монако, в отличие от города-государства *Монако* на юго-востоке Франции. В таком случае, очевидно, следует принять за основу некоторую общую «международную» форму топонимов. Так поступил Международный почтовый союз, образовавшийся более ста лет назад с резиденцией в Женеве. За основу им была принята французская форма названий. Например, столица Нидерландов в словаре Международного почтового союза обозначается *Ag* (фр. *Hague*), в то время как сами нидерландцы именуют ее *ден-Хааг* (*den Haag*), откуда принятая у нас форма *Гаага*, или *с'Гравенхаге* (*s'Gravenhage*), буквально 'графская изгородь', что, очевидно, обозначало первую городскую стену, символизировавшую превращение этого поселения в город. Один из главных городов Швейцарии — Женеве по-немецки называется *Genf*, но в почтовых отправлениях немцы пишут *Genève*.

Однако международная практика — одно, национальная практика какой-либо страны — другое, а как подавать все это на наших картах — нечто третье, решаемое с оглядкой на международную практику, но и с учетом своих традиций.

Русский язык пользуется славянским кириллическим письмом. Для того чтобы зарубежные названия были нам понятны, чтобы мы могли спокойно употреблять их в своем языке, специалисты придают им некоторое подобие наших слов. С этой целью иноязычные географические названия транскрибируют, т. е. заменяют написаниями на нашем языке, например англ. *London* — рус. *Лондон*. Но в каждом языке число звуков ограничено, и нет двух язы-

⁵ См.: Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории. — Ист. зап. АН СССР, 1945, № 17.

ков с абсолютно одинаковым звуковым составом. Даже такой близкий славянский язык, как польский, имеет звуки, совсем не похожие на русские. Приведем только один пример: название города *Лодзь* по-польски звучит почти как *Лудзь*. Из этого явствует, что запись иноязычных названий в каждом языке достаточно условна и порой мало похожа на истинное звучание их в родном для них языке. Вот как писал А. С. Пушкин в своем повествовании «Путешествие в Арзрум» (гл. 5). «Арзрум (неправильно называемый *Арзерум*, *Эрзрум*, *Эрзрон*) основан около 415 г., во времена Феодосия Второго, и назван *Феодосис-послем*». Здесь в одной фразе информация и о разных звуковых вариантах одного и того же названия, и о переименованиях одного и того же объекта.

Для того чтобы показать сложности, связанные с транскрипцией географических названий, необходимо сказать несколько слов об истории проникновения зарубежных топонимов в русский язык и об их первичной письменной фиксации. Ни одна страна не развивается изолированно. В ее внешних сношениях всегда выделяется группа государств, с которыми в данное время связана она максимально. Так, в России до XVI в. преобладала юго-западная ориентация (Византия, южные славяне, Ближний Восток). С XVII в. начинается западная ориентация (Германия, Польша, а с XVIII — Англия, Франция, Голландия). Культурная ориентация непременно сопровождается языковыми влияниями и заимствованиями. Совершенно естественно, что проводником заимствований до XVI в. был церковно-славянский язык как язык-посредник, хорошо знакомый в России и на Балканах. После XVII в. языком-посредником становится латинский, бывший в то время международным языком европейской науки. В нем сглаживались национальные особенности произношения на отдельных европейских языках, любое слово обретало латинизированную форму. В таком виде заимствовались в русский язык почти до середины XIX в. слова из всех европейских языков, и в том числе географические названия. Если принять во внимание, что труды Российской академии наук печатались в XVIII в. на латинском языке, а в XIX в. — на французском, то станет понятно, почему сложилась традиция побуквенного латинообразного чтения названий многих европейских топонимов и соответствующее изображение их средствами русского языка. Широкое владение в XIX в. русскими образованными людьми французским языком способствова-

ло тому, что «оживление» этих побуквенных, традиционно переданных топонимов началось в первую очередь на основе норм чтения французского языка, что не всегда соответствовало реальному произношению этих слов в языках-источниках.

В XVIII в. наблюдаются и первые попытки сознательного упорядочения всей массы заимствований. В 30-е годы появляются первые словари иностранных слов, фиксирующие их написание и произношение. Вопросу о передаче заимствованных слов посвятил несколько страниц своего «Разговора об орфографии» В. К. Тредиаковский (1748, с. 233—241). Он высказался за передачу их русскими буквами в соответствии с произношением (очевидно, русским), так как если следовать орфографиям других языков, то пишущему «необходимо должно знать все на свете языки».

В 90-е годы XVIII в. начинается и сознательная критика способов заимствования слов. В примечаниях к своим книгам «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии. Перевод с английского языка» (1790) и «Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилля» (1791) Ф. В. Каржавин, побывавший во многих зарубежных странах, писал о том, что намеренно изменил написание многих иностранных названий, которые в его время было принято по-русски передавать иначе, нежели они произносятся теми народами, которым принадлежат. Поскольку русские переводчики того времени были воспитаны на новолатинских и немецких традициях, в передаваемых ими иноязычных словах они стремились следовать иноязычному написанию слов, а не их произношению. Ф. В. Каржавин, напротив, ратовал за их передачу в соответствии с произношением, за приближение звукового состава заимствованных слов к их звуковому составу в языках-источниках¹.

Мы уже неоднократно отмечали, что в соответствии с традициями русских ученых основной формой географического названия считается та, которая произносится местными жителями. Однако практическая транскрипция, т. е. особая лингвистическая запись иноязычных имен с помощью алфавита своего языка без привлечения каких-либо дополнительных значков, не может передать многих иноязычных звучаний не только вследствие отсут-

¹ Алексеев М. П. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина. — Учен. зап. ЛГУ. 1961. Сер. филол. наук, № 299, вып. 59, с. 30 и сл.

ствия в нашем языке специальных знаков, с помощью которых можно было бы изобразить, например, французские посовые гласные, арабские эмфатические согласные и т. д., но и вследствие отсутствия у массового читателя элементарных навыков произнесения всего того, что не имеет реального изображения средствами нашего алфавита. Этого не понимали многие люди в XIX в., высказывавшие сожаление по поводу отсутствия в русском языке знаков для изображения французских и иных звуков, не свойственных русскому языку. Но практическая транскрипция не есть средство обучения иноязычному произношению. Ни в одном языке даже звуки, обозначаемые одними и теми же буквами, не произносятся так, как у нас. Английское *o* более открыто по сравнению с нашим и произносится без огубления. Венгерское *a* произносится почти как наше *o*, немецкое *ö* произносится похоже на наше *т* и т. д. Звуковой состав каждого языка строго индивидуален, и наша передача иноязычных географических названий условна. Правда, она может быть точной, если будет систематичной, но она никогда не может быть достаточно близкой к иноязычному произношению.

Географические названия, и свои, и зарубежные, попадают на карту в «усредненном» виде. Например, в разных частях англоязычного мира существует по крайней мере 8 типов английского произношения (три на Британских островах, три в США и два в Австралии). Мы с помощью средств русского языка можем изобразить лишь один тип английского произношения, включающий отдельные элементы из каждого реально существующего.

С другой стороны, многие иноязычные топонимы употребляются в нашем языке в течение нескольких сот лет, и в русской культурной традиции стали восприниматься как определенные метки для обозначения известных мест на земле. Например, *Бирмингем* — промышленный город в Англии, *Брамапутра* — река в Индии. Если с целью уточнения их русской передачи мы преобразим их в *Бермингем* и *Брахмапутра* (последнее уже принято официально), то неясно, чего мы добьемся: выигрыша в точности передачи или проигрыша в нарушении традиции вследствие ослабления связи «имя — объект».

В последние годы на исправление звукобуквенной передачи зарубежных топонимов обращается наиболее пристальное внимание. Если при этом игнорируется характер самих топонимов и именуемых объектов, такое «уточнение» может принести большой вред. Ведь в результате не-

прерывных изменений транскрипции меняются написания тысяч топонимов, разбиваются тысячи привычных ассоциаций, затрудняется поиск многих названий в алфавитных указателях. Такой путь исправления и совершенствования географической номенклатуры представляется наиболее бесплодным.

Работников печати, географов, преподавателей и исследователей беспокоит тот факт, что русское написание географических названий на картах непрерывно меняется. Речь идет не о названиях стран, освободившихся от колониализма, где смена прежних названий, данных колонизаторами, во многом естественна, в связи с национально-освободительным движением, а о постоянных мелких изменениях отдельных букв во многих названиях, не улучшающих написание их в целом, а лишь запутывающих людей, пользующихся географическими картами. Такие исправления нередко лишь заменяют один допустимый вариант другим, столь же допустимым, поэтому никогда нельзя быть уверенным, что владеешь полностью географической номенклатурой данной территории.

Значительные возражения вызывает отказ от традиционных названий, и даже от таких, которые несколько лет назад были объявлены традиционными и перечислены в списке традиционных: *Виндзор* стал *Уинсор*, *Гувер* — *Хувер*, *Гендерсон* — *Хендерсон*, *Гаттерас* — *Хаттерс*, *Гарлем* — *Харлем* и др. Передача западноевропейского *h* через *x*, сама по себе очень правильная, была до сих пор ограничена рядом традиционных случаев, в которых сохранялось *г*. К их числу и принадлежали перечисленные названия. Ломка же этих традиций совершенно не оправдана. Еще Я. К. Грот в период, когда эта ломка только что начиналась, писал об этом следующее: «Разумеется, что такие переделанные имена, как *Париж*, *Рим*, *Афины*, *Фивы* и т. п., не могут и не должны быть изменяемы в настоящее время. Между тем, однакож, над некоторыми из подобных имен делались, особенно с 40-х годов (XIX в. — А. С.), попытки изменений, например, вместо *Валлис* стали писать *Уэльс* или *Вельс* (можно припомнить тут еще форму *Гольштейн*, которая в настоящее время встречается вместо сделавшихся у нас историческими названий: *Голитиния*, *голитинский*), вместо *Мексика* — *Мехика*»². Я. К. Грот осуждал подобную переделку как

² Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1876, т. 2, с. 337.

идущую вразрез с общепринятыми формами, с традициями русского языка, с русскими особенностями восприятия иностранных слов. Добавим, что подобного рода переделки создают перебой в информации имени.

Все приведенные случаи давали лишь некоторое уточнение произношения. Но существуют и изменения названий, без которых можно вполне обойтись. Например, наши картографы вместо традиционных *Белый Нил* и *Голубой Нил* стали давать *Бахр-эль-Абьяд* и *Бахр-эль-Азрак*, что в переводе означает 'белая река' и 'голубая река'. Правда, пока это дается в скобках при основном названии. Также в скобках при традиционных русских формах появились новые национальные в таких случаях, как *Дублин* (*Боле-Охо-Клиох*), *Балканы* (*Стара-Планина*), хотя эта горная система в Болгарии называется также и *Балкан*. Переименования, связанные с называнием на разных языках, можно отметить у таких объектов, как *Внутреннее Японское море* — море *Сето-Найкай*, мыс *Вильсон* — *Юго-Восточный мыс*, *Зондское море* — море *Флорес*, *Грот-Эйленд* — *Грут-Айленд*. Кстати, изменение названий обоих морей является не только отменой русской традиции, но и нарушением традиционной формы, принятой для названий морей на русских картах.

Таким образом, все приведенные примеры показывают, что нет стабильности не только в написании географических названий на русских картах, но и в самих названиях и что за последние годы максимум усилий был направлен не на унификацию транскрипции географических названий, а на ее расшатывание, хотя основной целью при этом было приближение транскрипции к оригинальному звучанию слова. Следует с сожалением отметить, что стабильности нет и в русском написании топонимов на территории СССР. Помимо многочисленных случаев переименования встречается колеблющееся написание: *Капудджух* — *Капыджик*, *Каместик* — *Каменник*, *Кимперсай* — *Кемпырсай*, *Кита* — *Кета*, *Колангуй* — *Калангуй*, *Кугарал* — *Кокарал*, *Муша* — *Муса*, *Танаравани* — *Паравани*, *Шагдагский хр.* — *Шахдагский хр.*, *Эргак-Таргак-Тайга* — *Ергак-Таргак-Тайга* (на втором месте дано новое уточненное написание).

В связи с изложенными фактами представляется необходимым вспомнить высказывание В. В. Григорьева о том, что любые изменения сложившейся географической номенклатуры, всегда системной, даже с самыми лучшими намерениями, как, например, с целью приближения их к

подлинному звучанию, уничтожает их «общее употребление»³. Принимая идею «писать иностранные географические имена как можно ближе к их туземному произношению... делать это надо... с уважением к священным уже вековым употреблением русским формам их и к законам языка нашего, руководствуясь в первом случае историческими памятниками отечественной словесности, в последнем — трудами наших ученых языковедов»⁴. К сожалению, исправляющие нередко проявляют «глухоту к требованиям народного уха и утрату чутья музыкальных законов своего собственного языка... Нельзя не заметить, что этого рода реформаторы обыкновенно не имеют достаточных сведений для своей деятельности, и по разумению своему, исправляя одно, портят вдвое»⁵.

Погоня за более точной передачей названия каждого отдельного объекта вносит диспропорцию в географическую схему русского литературного языка. Когда топонимы воспринимаются глобально, к ним подходят с мерилем макротопонимии. Они усваиваются «во всемирном масштабе». Поэтому отдельные местные традиции не должны приниматься во внимание. Нам неважно, что на месте произносятся *Грейт-Карру*, *Грейт-Абако*, *Грейт-Багама*, *Кордильера-де-ла-Коста*. Для нас это плато *Большое Карру*, остров *Большой Абако*, остров *Большой Багама*, *Береговые Кордильеры*. Ср. также некоторые числовые названия: острова *Два Брата*, коса *Двух Пилотов*, перевал *Трех Пагод*, гора *Три Сестры*, о-в *Четыре Пальца*, пролив *Восьмого градуса*, гора *Девять Скал*, острова *Десять Тысяч Островов*, которые мы воспринимаем в переводе, а не в транскрипции, потому что в этой форме они нам понятнее.

В заключение необходимо сказать несколько слов о переводе географических названий, поскольку в погоне за их стандартизацией (см. следующую главу) переводу объявили жестокую борьбу. Переводу, а не транскрибированию подлежат названия крупных физико-географических объектов, а также мелких незаселенных объектов (если они не образованы от других собственных имен). Противники этого способа передачи аргументируют свои сообра-

³ Григорьев В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов. — Геогр. изв., 1850, № 2, с. 180.

⁴ Там же, с. 201.

⁵ Там же, с. 199.

жения, например, тем, что американцы перестарались с переводами русских названий у берегов Северной Америки и превратили залив Морозова в Cold Bay, т. е. 'холодный залив'. Но если мы взглянем на карту Тихоокеанского побережья Северной Америки, мы обнаружим во многих местах двойную, русско-английскую номенклатуру: о-в Нувиан (Открытие), город Кадьяк (Павловская Гавань) на о-ве Кадьяк, город Ситха (Новоархангельск), острова Тринити (Троицы) и т. д. И замена русской фамилии Морозов в основе названия английским словом со значением 'холод' — это просто привлечение удобной топонимов, а не ошибка переводчика.

Именно в переводе, а не в транскрипции обозначения физико-географических объектов оказываются более информативными, например, для мореплавателей. Капитан ждет, что перед ним откроется Белый мыс или мыс Рог, а не Кап-Блан и не мыс Горн. Поэтому имеется, во всяком случае, европейская традиция перевода этих названий. Кстати, название мыса, являющееся самой северной точкой Африканского континента, без конца менялось на наших картах. То это был Кап-Блан, то Кабо-Бланко, теперь он стал м. Абыд — все с тем же словесным значением 'белый' и каждый раз в угоду новой языковой ориентации с нулевой информацией для наших отечественных мореплавателей. От замены итальянского слова со значением 'белый' на арабское добавилась лишь нагрузка на память и увеличилось расхождение карт прежних лет издания от последних.

Еще А. М. Сухотин отмечал, что метод перевода применяется более в отношении физико-географических объектов, нежели политико-географических и более в отношении крупных, чем мелких, т. е. названия населенных пунктов подлежат лишь транскрипции⁶. Например, название озера в США Great Salt Lake мы даем в переводе: Большое Соленое озеро, а название города на берегу этого озера Salt Lake City — Солт-Лейк-Сити. Иными словами, для названий населенных мест международной, интернациональной формой оказывается национальная. Переводу подлежат и некоторые определения в составе топонимов: Оранжевая река, Медвежье озеро, Скалистые горы.

⁶ Сухотин А. М. О передаче иностранных географических названий. — В кн.: Вопросы географии и картографии. М.: НИИ БСАМ, 1935, ч. I, с. 136—137.

Возвращаясь к проблеме информативности топонимов, необходимо отметить сохранение одних и утрату других аспектов информации при разных способах заимствования. Например, в названиях немецких рек Weißer Regen, Schwarzer Regen в случае их передачи в транскрипции полное сохраняется информация об их языковой принадлежности: Вайсер-Реген, Шварцер-Реген. Человек, знающий немецкий язык, поймет и словесную информацию определений Вайсер и Шварцер (т. е. 'белый' и 'черный'). В случае перевода Белый Реген, Черный Реген полнее передается их системность, но теряется языковая принадлежность.

О системности топонимов наши транскрипторы иной раз совершенно забывают. Например, если есть Кокосовые острова, Большой Кокосовый остров и Кокосовый пролив (Индийский океан), то абсолютно нецелесообразно менять название пролива на Кокко, а острова — на Грейт-Кокко-Айленд, как они предлагают. Мало того, что они забывают о том, что традиционная для русского языка форма названия пролива должна включать имя прилагательное, они еще нарушают и ансамбль названий только потому, что индийцы, составляя карту на английском языке, обозначили этот пролив в форме Сосо.

Если в Атлантическом океане есть Китовый хребет, то нет надобности превращать Китовую бухту в Уолфиш-Бей. Если есть Канарские острова и название одного из них принято в форме Большой Канарский, то нет надобности менять его на Гран-Канария. Все подобные изменения без всякого основания «дарят» международные топонимы (а следовательно, и объекты) какому-то одному народу. Необходимо помнить, что во многих случаях международности передачи географических названий осуществляется именно благодаря их переводу на каждый национальный язык.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ В ТОПОНИМИКЕ

В силу исторических причин одинаковые географические названия встречаются у разных объектов, и одни и те же объекты имеют по несколько названий. Такова историческая закономерность, которую мы принимаем как объективный факт.

Причины, по которым разные объекты получают одинаковые названия, различны. Например, в так называем-

мой Новороссии, области, отошедшей к России в результате русско-турецких войн, приблизительно соответствующей южным областям Украины, Донбассу, Ростовской области, масса наименований дана по именам и фамилиям русских первопоселенцев. А поскольку повторяющихся имен было много, то и селения с названиями *Александровка*, *Алексеевка*, *Михайловка* встречаются там по многу раз. И даже добавочные компоненты: *Новомихайловка*, *Староалексеевка* не всегда спасают положение. Одноименные поселения получаются и в тех случаях, когда группа людей, переселившись на новое место, присваивает ему имя своего прежнего местожительства. В результате этого в Сибири повторены многие украинские ойконимы.

Нередко одинаковые названия получали однотипные объекты, имеющие аналогичное расположение на местности. Если есть несколько рек с названием *Белая*, значит вполне естественно могут получиться и несколько городов с названием *Белореченск* или деревень с названием *Белореченская*. Если есть река *Ока* в Европе и в Сибири, то в обоих местах могут быть *Поочье* и *Заочье*. Если единственную в данной местности реку (пусть она имеет свое официальное название, написанное на географических картах!) местное население называет просто *Рекой*, то совершенно естественно появляются поселки с названием *Поречье* и *Заречье*, *Заречные* деревни и улицы.

Особенно много одинаковых названий улиц получается в городах, поглотивших прилегающие поселки. Почти в каждом крупном поселке есть (или была) улица *Ленина*, *Дзержинского*, *Володарского*, *Горького*, *Чехова* и т. д. Вливаясь в состав большого города, такие поселки невольно приносят с собой и одноименные улицы. В Москве, например, после преобразований границ города подобных одноименных улиц оказалось по десять и более.

Бывает и так, что жители нескольких населенных мест независимо друг от друга решают, что название их селения устарело, что надо придумать какое-нибудь другое, новое, оригинальное. И всем придет в голову только одно название, типичное для данного момента, например *Гвардейское*. Так вместо нескольких разных получается одно географическое название, повторенное несколько раз. Таким же образом нередко поселки при новостройках, осуществлявшихся примерно в одно и то же время в разных местах, получали одинаковые или очень похожие названия, ср. *Углегорск* Донецкой обл., *Углегорск* Сахалинской обл. и *Углегорск* Пермской обл.

Наименования или переименования в память о прославленном человеке также оказываются массовым источником появления одноименных объектов. Например, пять городов нашей страны называются *Киров* или *Кировск*.

По сведениям, имеющимся в почтовых справочниках, одинаковые названия имеют 10% городов и 20% поселков городского типа. При этом, чем ниже «ранг» поселения, тем выше процент одинаковых или очень похожих названий.

Разумеется, подобная ситуация очень мешает работе почты и телеграфа, железнодорожного и иного транспорта. Особенно пагубной может она оказаться в минуты стихийных бедствий, когда необходима срочная переброска грузов в один *Красноармейск* или *Куйбышев*, а не в другой. Подсчеты, проведенные почтовыми работниками, показали, например, что город *Кировск* Мурманской обл. получает в сутки 120 писем, предназначенных для других городов и поселков с тем же названием, *Ялта* Донецкой обл. получает в сутки около двухсот писем, адресованных в *Ялту* Крымскую, а свои письма примерно в таком же количестве — через Крым. Хорошо, что расстояние между этими городами не столь велико. А вот *Комсомольск* Ивановской обл., Полтавской обл., *Комсомольск-на-Устьурте* и *Комсомольск-на-Амуре* или *Ростов* Ярославской обл. и на Дону — это уже намного дальше.

Если различного рода расподобления не помогают топонимам осуществлять различение похожих и идентификацию тех же самых объектов, нормализаторы прибегают к переименованиям. Однако и это не всегда помогает, потому что пока сотрутся прежние ассоциации и возникнут новые, должно пройти некоторое время, в течение которого объект остается как бы неназванным: старое название к нему уже не относится, а новое еще не закрепилось.

Разные названия одних и тех же объектов нередко возникают на двуязычных и многоязычных территориях, потому что носители каждого языка создают свою географическую номенклатуру. Например, в Швейцарии, где официально узаконены четыре языка (французский, немецкий, итальянский и ретороманский), многие топонимы представлены по крайней мере в двух формах: кантоны *Во* и *Ваадт*, *Вале* и *Валлис*, *Тессин* и *Тичино*. На двух или нескольких языках называются многие острова и атоллы вследствие того, что они были открыты и нанесены на карты в разные годы экспедициями разных стран.

Таковы названия атоллов в Тихом океане: *Вотье* (Румянцев), *Макемо* (Кутузова), *Матахива* (Лазарева), *Тахана* (Чичагова), *Тикахау* (Крузенштерна), *Такуме* (Волконского), *Таэнга* (Ермолова). Таковы названия островов: *Гринвич* (Березина), *Тонга* (Дружбы), *Ислас-де-ла-Баия* (Бей-Айлендс), *Ле-Ке* (Кайес) и многих рек: *Нуар* и *Блэк-Ривер*, *Тахо* и *Тежу*, *Шельда* и *Схелде* и т. д. *Уэльс* называется по-французски 'страна галлов' (Pays de Gauls), а по-польски — *Валия*. *Констанцкое озеро* в Северной Швейцарии называется также *Боденским*. Залив *Лазарева* у берегов Кореи на корейских картах обозначается *Йонхынман*, залив *Утиура* — иначе *Вулканический*.

Историческая смена населения на одной и той же территории приводит к постепенной сменяемости ее топонимов. Например, Азовское море в XVII в. называлось также: *Палус Меотис*, *Мар-де-Забаш*, *Маре-делле-Забаче*, *Лимен*, *Меотида*, *Мать Понта* (т. е. Черного моря). *Забаче*, видимо, искаженное *Сиваш*, слово *Меотида* связано с названием народа — *меоты*. *Перекоп* назывался также *Ор*, *Тафре*, *Ор-Капи*, *Фосса* — *тафрос* по-гречески 'ров, укрепление', *ор* по-турецки 'крепость, ров', само название *Перекоп*, хотя и близко созвучное с русским глаголом *перекопать*, может быть объяснено и из тюркских языков, где *pärräköp* 'канавы, ров' (Радлов, т. IV, с. 1228). Перекопский перешеек, действительно, пересечен древним рвом, проведение которого легенды приписывают скифам.

Столица Восточной Римской империи называлась *Византией*, *Константинополем*, *Царьградом*. Сейчас она входит в состав Турции и именуется *Стамбул* в соответствии с ее европейским произношением и *Истанбул* — с турецким.

Разные названия одних и тех же объектов могут быть следствием двойной передачи иноязычных топонимов: посредством практической транскрипции и перевода, например, *Кызыл-Коба* и *Красная пещера* (в Крыму), *Белый остров* и остров *Витё* (в Балтийском море).

Разные названия могут быть следствием переименования. Поскольку многие люди неохотно расстаются со сложившимися привычками, английские почтовые справочники до сих пор включают такие названия, как *Данциг* (так официально именовался польский город Гданьск до второй мировой войны) с пометой «это название не следует употреблять. Адресуя свои письма в этот город, пишите правильную форму *Гданьск*».

Литературные языки не успевают вбирать в себя многие официально утвержденные формы географических названий. Чтобы слово свободно употреблялось в литературном языке, оно должно быть традиционным, многократно повторенным, вписанным в его систему. Этими качествами не обладают вновь созданные топонимы.

Развиваясь по своим законам, литературный язык не может вобрать в себя все местные формы топонимов, также не может включить и профессионально принятые слова с их особенностями, как, например, «*Нептунá*», в «*Нептунé*» (о водолазном костюме), *каучуки* и т. п. Слежение за географической картой мира, принятие всех поправок и изменений требует мгновенной перестройки принятых норм. Это может осуществляться специалистами, например агентами «Аэрофлота», обслуживающими какую-либо линию, корреспондентами радио, но далеко не все изменения и отнюдь не мгновенно проникают в литературный язык. Его система обладает своими традициями и некоторой инертностью, не позволяющей осуществлять такие мгновенные перестройки, какие допустимы в профессиональной речи. Так, несмотря на то, что официальная форма названия одной из стран в Юго-Восточной Азии *Таиланд* (хотя остался *Сиамский залив* по старому названию Таиланда *Сиам*), в литературном языке продолжают употреблять названия *сиамские кошки*, *сиамские близнецы* (последнее в медицине терминологизировалось как тип сросшихся близнецов). *Абиссиния* давно называется *Эфиопией*. С большим опозданием *Абиссинское нагорье* переименовано в *Эфиопское*, но сохраняется понятие *абиссинский колодец*.

Столица Китая одно время называлась *Бейпин*, но название кушанья *пекинская утка*, или *утка по-пекински* оставалось прежним. Таким же образом город в Китае, который традиционно по-русски назывался *Кантон*, при более точной передаче получил звучание *Гуанчжоу*, *Харбин* — *Биньцзян*, *Квантун* — *Гуаньдун*, но все они сохраняются как *Харбин*, *Кантон*, *Квантун* в традициях русского литературного языка. Город на севере Великобритании называется *Халл*. Но в прошлом веке его название передавалось как *Гулль*, и фраза *гульский инцидент* сохраняется в традициях русского литературного языка, не меняясь на халльский. Следовательно, топонимы в официальном государственном языке и в литературном языке не всегда совпадают.

Традиция — факт культурно-исторический. Традиция создает своеобразную норму литературного языка, пусть

несколько отстающую от живого произношения: *Лейпциг*, *Рейн*, *Эйзенх*, хотя по-немецки это звучит *Лайпциг*, *Райн*, *Айзенх*. Рано или поздно любая традиция может прийти в столкновение с истинной формой слова и сдать свои позиции. Но без настоящей необходимости нет надобности ломать все традиции. Это приведет к такому же стихийному бедствию, как и массовые переименования. Как отмечал А. А. Реформатский, изменения социальных условий есть единственный фактор изменения судьбы языка и его развития.

До начала XX в. наличие одинаковых названий у разных объектов и разных названий у одного и того же объекта не очень волновало людей. Они вели более или менее замкнутый образ жизни. Немногие совершали большие путешествия. А для местных жителей было вполне достаточно того, что они живут в *Алексеевке* Херсонской губернии или в *Новоандреевском хуторе* Екатеринбургской губернии. XX век внес большие изменения не только в жизнь и быт всех людей, но и в характер географических названий, породив новые типы топонимов. Широкое развитие железнодорожного, автодорожного и воздушного транспорта, радио- и телепередач как бы приблизило друг к другу многие одноименные объекты, сократило расстояния между ними, потребовало идентификации одних и тех же объектов, имеющих разные названия, расподобления похожих или одинаковых названий разных объектов. С этой целью во многих странах создаются картографические службы, в задачи которых входит слежение за географической картой не только своей страны, но и всего мира, фиксация всех изменений, происходящих в географии любой страны, внесение корректив на издаваемые карты.

В связи с тем, что многие географические объекты на разных языках называются по-разному, как, например, нем. *Дрезден* Dresden — польск. *Дрезно*, *Оркнейские острова* — по-польски *Оркады*, *Ла-Манш* — по-английски — *Английский канал* English Channel, в последнее время все чаще говорят о необходимости их стандартизации. Международная комиссия по стандартизации географических названий работает при ООН уже много лет. Но под стандартизацией понимают не всегда одно и то же.

Идея стандартизации — ровесница нашего века. В связи с развитием промышленности необходимо было, чтобы отдельные детали, выпускаемые разными фирмами, подходили к одним и тем же машинам. Нужны были и стандартные цены на аналогичные товары. Стандартизация стала раз-

виваться ускоренными темпами в связи с первой мировой войной и послевоенным возрождением экономики. Вслед за стандартизацией промышленной продукции встал вопрос о стандартизации наименований не только отдельных деталей и машин, но и типов сырья, различных химических веществ, технологических процессов и даже научных и технических понятий.

Постепенно выяснилось, что стандарты могут (и должны) быть двух типов: обязательные и желательные. Обязательные стандарты распространяются на изделия промышленности. Здесь норма возводится в абсолют, а отклонение от нее карается по закону. Желательные стандарты относятся к словесным обозначениям технической продукции. Их предлагают, но не предписывают и не навязывают.

Если название детали или машины удобно и точно, оно будет принято всеми. Тогда желаемая норма станет и основной. Но в науке и технике нередки случаи, когда одно и то же явление не имеет единого обозначения. Тогда принятие за основу одного из сосуществующих названий в ущерб другим и еще хуже — стандартизация недостаточного продуманных и обоснованных терминов будет преждевременной. Такая стандартизация приносит вред, поскольку тормозит развитие научной мысли. Стандартизация в топонимике, подобно любой словесной стандартизации, может быть лишь желательной, но не обязательной.

Стандартизация — слово иностранное, и в разных языках им обозначаются не вполне одинаковые вещи. Для русского языка в словаре С. И. Ожегова дано следующее пояснение к слову *стандарт*: «1. Типовой вид, образец, которому должно удовлетворять что-нибудь по своим признакам, свойствам, качествам. Соответствие изделий стандарту. 2. перен. Нечто шаблонное, трафаретное, не заключающее в себе ничего оригинального, творческого. Стандартизовать и стандартизировать. 1. Изготавливать по стандарту (в 1. знач.). 2. Придавать чему-нибудь однообразие, стандартные формы».

А теперь подумаем, в каком значении это слово может быть применено к топонимам. Как представляется, за недостаточно обоснованным термином *стандартизация* в топонимике скрываются по крайней мере четыре разных понятия. Это: 1) стабильность подачи названий одних и тех же объектов, расположенных на территории своей страны; 2) однозначность связи «объект — топоним» для всех картографируемых реалий; 3) единообразие

практической транскрипции при передаче иноязычных названий; 4) однозначное решение вопроса о переводе или транскрибировании отдельных названий. Все перечисленные аспекты не согласуются с определением стандартизации как придания однообразия, стандартной формы, типового шаблонного вида. Наоборот, сама идея имени собственного с его индивидуальным, оригинальным, творческим началом несовместима с шаблонным, трафаретным однообразием. Однозначность связи «объект — топоним» еще не означает стандартности. Наоборот, названия могут быть самыми разнообразными, но каждое из них должно четко соотноситься со своим объектом. На однозначность связи «объект — топоним» обратили особое внимание канадцы, которые с целью стандартизации, или, как они говорят, нормализации, написания своих топонимов записали их в той орфографии, которую они считают наиболее целесообразной, и заложили в машинную память. Эти формы считаются нормативными и служат эталоном при составлении различных географических изданий. Кроме того, каждый топоним снабжен еще несколькими характеристиками: указанием на языковую принадлежность (в Канаде представлены английские, французские, индейские и эскимосские топонимы), указанием на местоположение и на лексическое значение основы (флора, фауна, имена людей и т. п.), так что машина может выдавать лишь отдельные группы топонимов, необходимые для данного вида работы.

В нашей стране вот уже более ста лет основное внимание нормализаторов направлено на поиски наиболее рациональных способов передачи иноязычных названий (транскрипции и перевода). При этом частые исправления написания своих и зарубежных названий противоречат идеи стабильности подачи названий одних и тех же объектов на разных картах, а следовательно, ведут к нарушению связи «объект — топоним». В разные периоды в соответствии с разными тенденциями литературных языков и в результате действия разных правил, предлагавшихся различными орфографическими комиссиями и отдельными орфографистами, названия многих объектов писались различным способом без достаточных к тому оснований.

Д. К. Зеленин в свое время отмечал, что названия одних и тех же объектов одними склоняются, а другими — нет, кроме того, их еще и пишут по-разному: *Кзыл-кумы, Кзылкум, Кизилкуми, Кизылкумы, Кызылкум*

и т. д.¹ Ср. заглавие «Свет в Каракумах» (Правда, 5 сентября 1958 г.).

Орфография собственных имен включает такие проблемы, как употребление прописных букв, дефисов, апострофов, слитное и раздельное написание частей сложных названий, употребление букв *е, ы, ю, я, э* в ряде специальных позиций, употребление удвоенных гласных и согласных. Все эти вопросы встают и перед специалистами, занимающимися орфографией имен нарицательных. Но для собственных имен многое решается принципиально иначе, не говоря уже о больших количественных и качественных расхождениях перечисленных аспектов с теми же явлениями, имеющимися в орфографии имен нарицательных.

Разные названия у одного и того же объекта и одинаковые названия у разных были во все времена и во всех странах. Первое неизбежно постольку, поскольку топонимические системы развиваются и реорганизуются, второе — потому, что словесный материал каждого языка ограничен. Выходить из этого положения с помощью переименований представляется необоснованным, потому что нет гарантии, что в результате переименования мы снова не создадим одинаковых названий. Расподобление одинаковых или похожих названий может осуществляться с помощью различных дополнительных средств (определений, подключения названий более высоких административно-территориальных единиц и т. п.).

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ И ТРАДИЦИЯ

Что происходит с человеком, если он меняет имя или фамилию? Казалось бы, он остается тем же самым, однако вместе со старым именем уходит в прошлое знакомый образ, а новое имя связывается с новым периодом его жизни. Наиболее типичный случай смены фамилии у женщин — при замужестве. Например, была веселая подвижная девушка *Анечка Синичкина* — и вот она уже *Анна Ивановна Петухова*, мать семейства. Многие артисты при вступлении на сцену принимают сценический псевдоним, адресованный широкой публике, оставаясь по паспорту со своим старым именем, с которым не расстаются в кругу близких друзей.

¹ Зеленин Д. К. [Рец. на кн.:] СССР. Административно-территориальное деление на 1946 г. — Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, 1947, № 4, с. 497.

Псевдонимы берут себе также писатели, журналисты, общественные деятели. Наконец, к перемене имени и фамилии прибегают уголовные элементы, спасаясь от преследования, иной раз при этом видоизменяя и внешность. Вместе со старым именем уходят в прошлое особенности и привычки человека, уходят традиции.

Нечто подобное происходит и при изменении названий географических объектов. Вместе со старым названием уходит в прошлое информация, связанная с объектом и закрепленная в его названии. А поскольку топоним всегда продукт своей эпохи, то перемена названия создает иллюзию, что перед нами новостройка, а не город с многовековой историей. Так, например, упоминая *Североморск*, мы даже с некоторым недоумением узнаем, что раньше он назывался *Ваенга*, а болгарский *Вазовград* — *Сопот*. Нередко новые названия объектов попадают в иную социальную среду (администрация, работники печати, для которых эти названия единственные), поэтому им в сущности и не приходится переучиваться. Но нельзя забывать и о местных жителях. Есть люди, жизнь которых прошла в какой-нибудь *Ореховке* или *Талице*. Вспомним песню «С чего начинается Родина». У каждого человека есть свой уголок земли, свой *Берёзовый Куток* или *Чёрный Яр*, где прошло его детство. И когда во время Великой Отечественной войны человек шел в бой, он прежде всего думал о том «яблочном захолустье» (Ю. Друнина), где живут его близкие. Для того чтобы связать все эти *Зелёные Рощи*, *Красные Глинки*, *Селеховы Дворы*, *Букреевы Бармы* с жизнью и деятельностью человека, с его духовным миром, со всеми воспоминаниями его детства, у нас нет другого средства кроме географических названий. Поэтому мы не должны преднамеренно разрушать эти связи, лишать человека его «корней», зачеркивая историю его семьи, искусственно перемешивая хронологически разные пласты топонимов.

Но почему же переименования все-таки происходят?

Изменение названий географических объектов — постоянно действующий процесс, но в разные исторические периоды и в разных частях мира его интенсивность неодинакова. Объект может получить новое название, если на место его расположения пришел другой народ, незнакомый с прежними традициями. Но такое явление наблюдалось преимущественно в прошлом, когда были большие не только не заселенные, но и не изученные пространства. В наши дни переименовывается изученное и заселенное.

К числу переименований не относятся простые географические уточнения (*Рашиково — Рожково*), новые наименования, связанные с выделением некоторых административных территорий (например, в Уэльсе было создано графство *Гвинедд*). Нельзя относить к числу переименований и двойную номенклатуру в пограничных или двуязычных районах, несмотря на то, что на различные карты могут попадать названия, данные на разных языках. Дело в том, что в двуязычных районах, как правило, сосуществуют оба названия, и местное население владеет двойной номенклатурой, на карты же обычно попадает лишь одно название в зависимости от ориентации картосоставителей. Так, немецкому названию *Трир* соответствует французское *Трев*, официальному русскому *Брест* — местное белорусское *Берестье*, русскому *Львов* — польское *Львув* и украинское *Львів*. Ряд названий физико-географических объектов на Кавказе имеет свое название на каждом из местных языков: р. *Кура* — груз. *Мтквари*, р. *Арпачай* — *Ахурян*, хр. *Азмагамский* — *Гегамский*, ср. в Казахстане: оз. *Шаглытенгиз* и р. *Чаглинка*, оз. *Шалкар* с русским эквивалентом *Челкар*.

Особенно часто подвергаются изменениям названия объектов, созданных самим человеком, — населенных пунктов, улиц. Это бывает связано с различного рода историческими событиями и продиктовано изменением политической, экономической, языковой и прочей ориентации. Так произошло, например, в 1914 г., когда началась первая мировая война, с названием столицы Российской империи — *Петербург*. Поскольку главным противником России в войне была Германия, а название столицы соответствовало германской топонимической модели, правительство сочло необходимым преобразовать его в славянском духе — *Петроград*.

Екатерина II, дабы уничтожить всякую память о «бунте» Пугачева, переименовала реку *Яик* в *Урал*. Были переименованы и многие населенные пункты. Например, поселок *Демарино* был назван в честь палача Демарина. В 1837—1842 гг. оренбургский генерал-губернатор П. Сухтелен продолжил переименования, предложив взять за основу новых названий имена, прославляющие русские военные победы. Так возникли поселки *Александро-Невский*, *Куликовка* (в память о битве на Куликовом поле), *Бородинский*, *Редутово*, *Берлинский*, *Лейпциг* (в память о Битве Народов), *Париж* (в честь взятия Парижа русскими войсками в 1814 г.), *Татищево* (в па-

мать о Татищеве), *Сухтелинский* (в память о самом *Сухтегене*). В память об одноименных полках названы поселки *Московский*, *Черниговский*, *Угличский*, *Полоцкий* (ий). Поселок *Берлинский* — в память о взятии Берлина русской армией в Семилетней войне 1756—1763, в память о победах в Русско-турецкой войне — названия *Чесма*, *Варна*, *Балканы*; *Неплюевский* — в память об основателе Оренбурга, сподвижнике Петра I И. И. Неплюеве.

Один из мотивов переименования — изменение статуса объекта. Например, в 1941 г. деревня *Константиновская* стала поселком городского типа *Константиновским*. В 1967 г. она превратилась в город *Константиновск*. Это не простое изменение написания или варьирование формантов, а сознательная их мена, закрепленная в соответствующем официальном постановлении.

В капиталистическом мире переименования нередко отражают захватническую политику колонизаторов, уничтожающих местные названия и насаждающих свои; например, испанцы переименовали остров *Гуанагани* в *Сан-Сальвадор* (Багамские острова); англичане, пришедшие туда позже, переименовали его в остров *Уатлинг*².

Первые три четверти XX в. для многих стран мира оказались эрой невиданных изменений географических названий, особенно для стран, сбросивших колониальный гнет. И чем более бурно протекали в стране исторические события, тем резче менялась топонимия.

Значительные топонимические изменения произошли вследствие перераспределения ряда территорий после второй мировой войны. Так, по Потсдамскому соглашению к Советскому Союзу отошла северная часть Восточной Пруссии, преобразованная в Калининградскую область в составе РСФСР. На этой территории было переименовано свыше тысячи объектов.

В Алжире после 1962 г. французские названия были заменены арабскими, а в Анголе и Мозамбике португальские топонимы заменены местными.

В каждой из африканских стран живет по несколько различных народов и народностей. И, наоборот, многие народности живут на территориях нескольких стран. Передел территории в соответствии с этническими границами

создал бы коренную ломку хозяйственных укладов. Поэтому меняются названия государств и их городов, но не их границы. Так появилась *Народная Республика Конго*, ранее Конго (Браззавиль), которая должна отличаться от Конго (Киншаса), получившего совершенно новое название *Заир*. Танганьика и Занзибар, оставаясь при своих границах, объединили свои территории и получили название *Танзания*.

Но не одни лишь политические или военные мотивы вызывают изменение географических названий. Например, в США многие изменения в топонимии объясняются ростом «освоенных» территорий. Много переименований произошло в США до 1900 г., при этом некоторые поселения сменили свои названия по несколько раз. Так, *Глен-Эллен*, пригород Чикаго, менял свое название не менее семи раз: первоначально он назывался *Бабкокс-Гров* (1833), с появлением первых поселенцев он стал зваться *Дю-Паж-Сентер* (1834), в 1835 г. он именуется *Стейсиз-Корнерз*, с 1849 — *Ньютонз-Стейшин*, с 1851 — *Данби*, с 1882 — *Проспект-Парк*; современное свое название получил в 1889 г. *Портленд* (штат Мэн), впервые заселенный европейцами в 1632 г., был известен как *Мачигонн*, *Индигрит*, *Элоу*, *Те-Нек*, *Каско* и *Фалмут*; современное свое название получил в 1786 г. Цель подобных переименований — найти более удобное название, привести старое название территории в соответствие со спецификой ее заселения³.

Иногда топонимы, веками удовлетворявшие всех, вдруг начинают казаться неподходящими с эстетической точки зрения. Так, во Франции с 1941 по 1970 г. были переименованы пять департаментов, названия которых включали компонент со значением «нижний». И хотя «нижний» означало просто более «равнинное» расположение по сравнению с одноименными объектами, лежащими в горах, слово *нижний* было вдруг воспринято как «низменный», компонент со значением «нижний» был заменен на *южный* или *атлантический*, благодаря чему названия стали нейтральными⁴.

Таким же образом у нас в Белоруссии *Загрязь* переименовали в *Березнянку*, *Пьяный Лес* — в *Сосновую*, а *Язвы* — в *Восточную*.

Интересно, что во многих странах подобные названия бережно сохраняются.

¹ Мурзин А. Назвали станицу Парижем. — Правда, 1982, 10 февр.

² См.: Орестов О. Географические названия. — География в шк., 1938, № 1, с. 44.

³ Root A. Place-Name changes since 1900. A world gazetteer. Metuchen. N. J.; L., 1979, p. VII.

⁴ Ibid., p. VIII.

В Исландии с 1900 г. не зарегистрировано ни одного изменения топонимов. В Великобритании их очень мало, несмотря на реорганизацию местного управления в Англии и Уэльсе и передел многих административных территорий. Но в силу своей консервативности британцы не изменили самих названий. Они говорят: «Да, у нас есть места, именуемые *Суайнзхед* (свиная голова), *Агли* (некрасивое), *Наст* (неопрятное, отвратительно грязное), *Фаул-Хоул* (дурная дыра), *Гриди-Гат* (жадная кишка) или *Бойлз* (нарывы). — Ну и что? Мы гордимся этим, черт возьми!»⁵

У нас порой наблюдается неправильное отношение к географическим названиям как к каким-то украшениям, вследствие чего отдельные именованья объявляют «неблагозвучными» и заменяют более модными, которые через несколько лет выходят из моды и вновь нуждаются в замене. В результате некоторые объекты переименовываются по нескольку раз. В Рязанской области решили заменить название *Лопухи* и *Хомуты*, боясь, что они обидны для местных жителей. Однако названия эти были созданы народом, который не стыдился их. Название Хомуты связано с природными особенностями: *хомутом* в некоторых областях называют излучину реки. Ср. другое областное обозначение излучины: *калач*, которое также дало название многим населенным пунктам.

Географические названия, особенно древние, — это своего рода исторические памятники, отражающие быт и мировоззрение живших здесь когда-то людей, их имена, хозяйственные работы и проч. Кроме того, это памятники нашего языка. Сохраненные для науки, они могут рассказать о многом, если своевременно и бережно записаны и верно расшифрованы.

Иной раз старые названия, меняя с течением времени свой облик, делаются похожими на некоторые современные нам слова, связанные с неприятными эмоциями. Так произошло, например, с топонимом *Хблуй*, который стал смешиваться со словом *холуй*, но *хблуй* в одних говорах обозначает нанос от разлива реки, в иных — рыболовный глеть.

По существующему положению внести предложение о переименовании географических объектов может любой гражданин нашей страны. Но от предложения до его внедрения очень далеко, и любое такое предложение должно быть всесторонне проанализировано экспертами. Недавно

один человек предложил, чтобы в память его отца был переименован ледник на Памире, уже имеющий официально признанное название. Он не хотел слушать никаких доводов, он требовал, он настаивал. Но понимал ли он, к каким пагубным последствиям это может привести? Памир — труднодоступная горная местность. Те немногие, кто там живет или выезжает в экспедиции, снабжены соответствующими картами. И вот появляются новые карты, показания которых расходятся с прежними. Партии геологов, геомагнитологов, гляциологов могут не встретиться друг с другом, разойтись из-за разнобоя в их картах, — а это зона повышенной опасности, где один неверный шаг может привести к гибели целого отряда!

Другой пример. Абхазцы предложили переименовать бухту *Глубокую* на острове Таймыр в бухту *Лакобы*, в честь выдающегося революционного деятеля Грузии. Все мы ценим и уважаем этого революционера, но какое отношение он имеет к архипелагу Норденшельда, куда входит остров Таймыр? Правда, в разъяснении, данном лицами, предложившими это переименование, сказано: «Н. А. Лакоба уделял много внимания превращению Абхазии в курортную зону страны, особенно заботился об отдыхе полярников, интересовался их благоустройством в специально организованном санатории для полярников «Челюскинец», поддерживал с северянами дружеские связи». Но не естественнее ли тогда было бы имя Н. А. Лакобы присвоить новому санаторию для полярников?

Не один год теплоход «Нестор Лакоба» бороздит волны Черного моря. И это вполне естественно, потому что вся сознательная жизнь Н. А. Лакобы была связана с Абхазией и ее столицей, а присвоение имени Н. А. Лакобы объекту в Северном Ледовитом океане, в Карском море не имеет достаточных оснований.

Теперь посмотрим на карту о-ва Таймыра: он отделен проливом Торос от о-ва Моисеева. Бухта, которую было предложено назвать именем Лакобы, располагается между мысами Приметным и Пологим. Мыс Приметный, действительно, далеко выдается в море, мыс Пологий — довольно тупой и «неприметный». Восточнее Пологого мыса находится бухта Заостровная. Интересующая нас бухта глубоко врезается в берег. Следовательно, то название, которое она имеет в настоящее время, соответствует реальному положению вещей. Кроме того, название *бухта Глубокая* хорошо увязано с так называемым топонимическим ландшафтом — с характером имен объектов, ее непосредственно

⁵ Ibid., p. VIII.

окружающих. Появление среди них (в этом ансамбле имен) названия, образованного от фамилии, нарушает целостность этого ансамбля.

Наконец, посмотрим на положение вещей еще с одной стороны: название бухты находится на навигационных картах, не только отечественных, но и зарубежных. От того, что мы сегодня переименуем данный объект, на всех судах дальнего плавания в тот же день и час не будут выданы новые навигационные карты. Теперь представим себе на минутку такой печальный случай: какое-нибудь судно терпит бедствие в районе бухты Глубокой. Радиосигналы принимаются несколькими кораблями. На их картах данные не совпадают. Как найти гибнущих людей? Само собой напрашивается вывод: объекты, расположенные на жизненно важных маршрутах, не должны подвергаться переименованиям. Не следует переименовывать далекие и труднодоступные объекты, изменение или просто искажение названий которых может привести к большим осложнениям.

Мы так подробно рассмотрели одно предложение о переименовании, чтобы показать, насколько сложна и многогранна связь географического названия с окружающими объектами. Кроме того, не следует забывать, что любой топоним сотнями невидимых нитей связан с различными сторонами жизни человеческого общества, и даже небольшие нарушения этой гармонической связи нежелательны. Поэтому далеко не все предложения о переименованиях могут быть удовлетворены. Например, однажды было высказано пожелание о переименовании Ялты в Красноармейск, а Бахчисарая — в Пушкинград. Это не встретило поддержки. Как же тогда быть с «Бахчисарайским фонтом» А. С. Пушкина? А как впредь именовать знаменитую Ялтинскую конференцию?

Стремление увековечить память великого человека, хорошее само по себе, должно осуществляться, однако, в разумных пределах. Из народной памяти, к сожалению, рано или поздно выпадает причина, почему, в честь кого назван объект. Топоним становится меткой, помогающей ориентироваться в пространстве и вполне оторванной от тех событий или обстоятельств, при которых или в память о которых был дан. С течением времени люди начинают задумываться о происхождении тех или иных названий, ищут объяснения их возникновения, но очень часто объяснения, данные много лет спустя, бывают далекими от истинных.

Есть разные способы увековечения памяти: издание трудов человека, его портретов, популярных брошюр, рассказывающих о его жизни и деятельности, помещения сведений о нем в энциклопедиях и различных справочных изданиях. Возможно, это наилучший способ увековечения памяти великих людей. Если же чьим-либо именем называют город или улицу, такое наименование должно быть обязательно подкреплено разъяснительной работой, в честь кого дано название. Это могут быть мемориальные таблички, стеллы, скульптурные изображения человека-эпонима (т. е. чьим именем названо) и т. д. В противном случае переименование скоро утратит свой смысл. Так, например, есть у нас город *Загорск*, названный так в 1930 г. в память о революционере В. М. Загорском-Лубоцком (1883—1919 гг.). О Загорском-Лубоцком знают, однако, не все. Особенно мало знают о нем туристы. А поскольку рельеф местности несколько всхолмлен, название города легко расшифровывается из фразы «за горами». Другой пример: наименование *Островское* дано в честь писателя Островского, но не всем известно, в честь какого, поскольку писателей с этой фамилией два. Под воздействием топонимической системы через некоторое время топоним может обрести связь со словом *остров*, тем более что в топоним вошла лишь часть фамилии *Остров-ский* и есть топонимы *Остров*, *Островное*, *Заостровье* и т. д.

Есть ли резон в таком увековечении? Топонимическая система безжалостно перемалывает и переделывает все, что в нее попадает, а совсем чуждое ей — отторгает. Постоянно живой процесс употребления, шлифовки, переосмысления названий действует так, что едва ли нужны новые переименования. Практика давно уже изменила многие из когда-то одиозных названий, а современность связала их с новыми реалиями. Поэтому дальнейшие переименования будут лишь нарушать основное значение топонима — фиксировать объекты на поверхности земли. Они приведут лишь к дезориентировке и создадут много ненужной лишней работы.

Быстрые темпы роста и развития городов и сел дают широкое поле для названий нового типа, которые могут беспрепятственно даваться новым городам и улицам, не затрагивая старых. Надо лишь следить, чтобы новые названия отличались от старых и не дублировали бы их. Надо стремиться к тому, чтобы введение новых названий для новых объектов было планомерным и не нарушало топонимической системы.

Поиски новых названий — очень серьезное дело. Как бы мелодично ни звучали для нас урбанонимы типа *Сиреневый бульвар*, *Аллея роз* или ойконимы *Космический*, *Лунный*, мы родились и выросли на земле, которую обрабатывали, благоустраивали и защищали наши предки. Именно они, вместе с созданными ими материальными ценностями, оставили нам в наследство и названия тех мест, в которых жили. Каждое название, каким бы простым и будничным оно ни казалось, — свидетель минувших событий, отражение быта, нравов, занятий и мировоззрений предков. И если, создавая новое название, мы увековечиваем память одного человека, то нередко при этом зачеркиваем воспоминания о сотнях и тысячах безымянных людей, вся память о которых сосредоточена в одном лишь топониме, который мы принесли в жертву переименованию.

НОВЫЕ ТОПОНИМЫ

Топонимия любой страны постепенно обновляется. Будь то Африка, где в связи с широкими политическими преобразованиями резко изменился топонимический облик страны, или Англия, где переименования крайне редки, всюду одни поселения растут, другие сокращаются, строятся новые объекты, меняются уже существующие, и все это неизбежно сказывается на характере их названий.

Значительное обновление топонимов нашей страны началось сразу же после революции. В создании их наблюдались определенные закономерности, на которых нам предстоит остановиться.

Мы уже неоднократно обращались к параллелизму между именами людей и географическими названиями. Продолжим некоторые сопоставления. После революции появилось множество новых личных имен: *Коммунар*, *Эра*, *Декабрина*, *Идиллия* и т. д. Это было связано с тем, что люди стремились к новой жизни, отменяя все старое. Нечто подобное происходило и с географическими названиями. Переименования с целью замены старых названий новыми проходили волнообразно. В одни годы их было больше, в другие — меньше, при этом неизбежно создавались топонимы нового типа. Максимальное число названий нового типа было создано для населенных пунктов и улиц.

Советские языковеды А. М. Селищев, А. А. Реформатский, Н. П. Архангельский, М. В. Сергиевский, давая в 30-е годы оценку тем топонимическим преобразованиям, которые произошли после революции, подчеркивали, что многое, особенно на территориях с двуязычным населением, было направлено на уточнение названий, на исправление искажений, имевших место в прошлом. При этом нередко происходила замена русского названия неофициально существовавшим местным: *Обдорск* — *Салехард*, *Усть-Сольск* — *Сыктывкар*, *Верхнеудинск* — *Улан-Удэ* (буквально 'Красный Удинск'). Степень одиозности заменяемых названий была различной, соответственно различной была и их традиционность.

Поскольку многие названия, помимо информации «что это?», несут еще и дополнительную информацию «что это?», смена государственной, политической, языковой и прочей ориентации неизбежно ведет к изменению географических названий. Так, даже у нас на Кавказе, в районах, где сходятся между собой границы Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, имели место переименования географических объектов: *Алазэз* стал *Арагац*, *Агстэф* — *Актафа*, а реки получили двойное название: *Раздан* и *Занга*, *Арпачай* и *Азурян*. Массовые переименования, имевшие место после Великой Отечественной войны в Калининградской, Крымской и Сахалинской областях, преследовали основную цель — показать «что это». В ходе этих переименований внимание обращалось не столько на создание названий принципиально нового типа, сколько на повторение названий уже известных типов. В этих областях много топонимов, перенесенных из других мест.

В связи с тем, что в результате переименования на Сахалине оказались повторенными топонимы, объекты которых расположены в других частях страны, названия многих железнодорожных станций на Сахалине получили добавочное определение *Сахалинский*: *Болотная-Сахалинская*, *Восточный-Сахалинский*, *Заозерное-Сахалинское*, *Кирпичная-Сахалинская*, *Олень-Сахалинский*, *Победино-Сахалинское*, *Поречье-Сахалинское*, *Поясок-Сахалинский*, *Пугачево-Сахалинское*, *Ручьи-Сахалинские*, *Советское-Сахалинское* и т. д., в отличие от одноименных станций на других железных дорогах.

Новые названия в Крыму нередко повторяют типы названий, известные в Новороссии (*Александровка*, *Алексеевка*, *Мироновка*). К названиям более или менее нового

типа относятся топонимы, имеющие форму прилагательных: *Отрадная, Урожайная, Элеваторная, Красногвардейское, Октябрьское*.

Поспешность, с которой создавались многие топонимы, привела к тому, что село *Пещерное* оказалось в местности, где нет пещер, а *Перевальное* — в 10 км от Ангарского перевала. Критикуя эти названия, К. Паустовский особенно заострил внимание на топониме *Земляничное*: «Что это, мыло, мороженое?» — спрашивал он¹. Но *Земляничное* это еще не худшее название. Среди новых топонимов оказались также *Барановка, Зольное, Zubовка, Косточковка, Кришечки, Лазурка, Овражки, Огоньки, Озерки, Пчельники* и т. п., не представляющие собой ничего нового. Напыщенны и нарочито слащавы названия *Благодатное, Богатое* (и *Богатовка*), *Ароматное* (и *Аромат*), *Цветущее, Почетное, Трудолюбивка, Дивное*. Нетопонимичность многих названий приводит к их изменениям в устах местного населения: *Солнечногорское* — *Солнышко, Счастливцево* — *Счастлива, Малореченское* — *Малоречка* и т. д. Подобные названия К. Паустовский называл словесным мусором.

Переименования 20—30-х годов были в известном смысле более новыми и интересными. Послевоенные переименования в большей мере повторяют прежние топонимические типы. В этом отношении опять напрашивается параллель с антропонимами, которые после войны также стали более традиционными по сравнению с личными именами 20—30-х годов. Поэтому остановимся на топонимических наименованиях и переименованиях 20—30-х годов, создавших ряд названий нового типа. Можно выделить несколько групп новых названий населенных пунктов.

1. По именам прославленных людей: *Урицк, Урицкое, Ухтомская; Ильич, Калинин, Артём*. Появились даже такие сложные и плохо выполняющие функцию названий топонимы, как *при Дзержинском марганцевом руднике, шахты им. Димитрова, имени 26 Бакинских Комиссаров* — названия очень хорошие по идейному содержанию, но не подходящие по форме для той роли, какую они должны выполнять.

2. По явлениям и событиям, связанным с революцией и советской эпохой, названия — символы эпохи: *Большевик, Восход, Дружина, Комсомолец, Коммунар, Октябрь,*

Пионер, Заря Востока, Вождь Пролетариата. Многие подобные названия (обычно названия сел и поселков городского типа) имеют форму прилагательных: *Союзная, Пролетарская*.

3. Производственные названия: *Апатиты, Промысла, Шахты; Асбест, Никель, Фрезер; Смычка, Соревнование; Стахановец, Горняк, Лунинец*. Проявилось много сложных названий: *Аралсульфат, Баксангэс, Зугрэс, Вагоноремонт, Оргтруд, Вахшстрой, Двигательстрой, Тедженстрой, Гидротурф, Шатуртурф, Горнозаводск, Лесозаводск*.

Появилось много названий со второй частью *-горск*: *Бокситогорск, Лесогорск, Магнитогорск, Медвежьегорск, Медногорск, Нефтегорск, Сосногорск, Электротгорск*. В ряде случаев это *-горск* не имеет никакого отношения к горам, а представляет собой искажение слова *город*: *Вольногорск* в степи недалеко от Днепра. Там горнообогатительный комбинат.

Среди производственных названий также много прилагательных: *Алмазная, Артельный, Горняцкий, Железнодорожный, Зерновой, Известковый, Индустриальный, Коксовый, Лесной, Насосный, Полотняный, Понтонный, Рудный, Шахтерский; Оловянная, Причальная, Промышленная, Фосфоритная*.

Среди новых топонимов есть сложения прежних названий с эпитетами *Новый, Красный*: *Новый Донбасс, Новоасбест, Новоугольный*. Относительно роли слова *красный* в топонимии следует сказать особо. В составе некоторых старых русских названий имелась основа *-красн-* со значением 'красивый'. После Революции она подверглась переосмыслению: *Красноуфимск, Красная улица* (город *Краснодар*), *Красные Ворота, Красная площадь* (Москва). Слово *красный* было введено в состав многих названий со своим новым, революционным значением (такое значение слово *красный* получило со времени французской революции): *Красная Пресня, Красный Сулин, Красный Лиман*. Некоторые сложные названия приняли в свой состав основу *-красн-* вместо прежних других: *Краснодар* (Екатеринодар), *Красный Ключ* (Святой Ключ), *Краснокошайск* (Царевококшайск, теперь Йошкар-Ола, что на марийском языке значит 'красный город'), укр. *Червоноград* (Криштинополь).

Обратим внимание на характерные для нашей страны новые названия населенных пунктов типа *Киров* и *Кировск, Ленино* и *Ленинское*. Этих типов не было в числе прежних ойконимов. Правда, были похожие по оформле-

¹ Паустовский К. Книга скитаний. — Новый мир, 1963, № 11, с. 82.

нию: Тамбов, Кашин, Черкасск. Однако в них суффиксы -ов/-ин, -ск- соединены с иными основами.

XX век характеризуется экспансией антропонимов в область топонимов, при этом в состав топонимов вошли антропонимы в чистом виде: Пушкин, Киров, Артем, Ольга, Анна, Ильич и в суффиксально оформленном: Артемовск, Пушкинское, Ильичевск. Увеличилось также число топонимов, образованных от других топонимов: станции Печора, Лена, Западная Двина.

Возможно, определенное влияние на этот тип топонимов оказали принятые на Западе Виктория, Байрон, Гудзон. Не исключено, что и на названия улиц, включающих имя человека в родительном падеже, оказали некоторое влияние названия улиц в других странах, где прилагательные от имен собственных ограничены или отсутствуют. С другой стороны, названия типа ул. Токарева однозначно связано с фамилией Героя Советского Союза, а Токаревская улица может быть соотнесена и с фамилией Токарев, и со слободой токарей.

Форма прилагательного в названиях поселков: Токаревский, Аршинцевский, наоборот, скорее дает соотнесение с фамилиями героев Отечественной войны, чем Токарево, Аршинцево (как были названы эти поселки). Очевидно, именованья в форме прилагательного, а также в форме существительного на -ово оказываются для XX в. наиболее топонимичными и максимально сохраняющими связь с фамилией или именем человека, поэтому они оказываются численно превосходящими.

Ойконимы в форме прилагательных мужского рода (Верный, Грозный) были типичны для XIX в. Среди современных новых названий преобладают формы среднего рода (Голубое, Лазурное). Формы мужского рода отступили на второй план, формы женского рода редки.

Новые названия улиц сопоставимы с новыми ойконимами. Среди них также выделяются названия, данные:

1. В честь или в память прославленных людей: пл. Достоевского, ул. Маши Порываевой, проспект Маркса, ул. Павлика Морозова.

2. Названия-символы новой эпохи: Комсомольская пл., Марксистская ул., проспект Мира, ул. 1905 г., Большевикская ул.

3. Урбанонимы, повторяющие названия культурных и промышленных объектов: Динамо (микрорайон города и название остановочных пунктов транспорта по стадиону «Динамо»), Велозаводская ул., Телеграфный пер., Партий-

ный пер. (по райкому партии), Милицейская ул. (по отделению милиции).

Внутригородские названия обладают большей подвижностью и большей ёмкостью по сравнению с ойконимами, да и само число их во много раз превосходит число названий городов и поселков. Поэтому новые названия улиц и площадей, несмотря на все переименования, сохраняют значительное число единиц, отражающих местоположение объекта, расположение его по отношению к другим городским объектам, внешний вид объекта и т. д. Таковы названия в черте Большой Москвы: ул. Верхняя, пер. Дальний, ул. Нагорная, пер. Прямой, пер. Двойной. Новые названия улиц, подобно старым, включают наименование физико-географических объектов, вошедших в состав города: Озерковская наб., Сетунский пр. Сам характер названий улиц способствует более легкому включению в их состав (по сравнению с ойконимами) различных слов, актуальных для эпохи, и созданию искусственных образований, например: ул. Молодежная, ул. Бунтарская, ул. Добровольческая, ул. Дружинниковская, ул. Строителей, ул. Радио, шоссе Энтузиастов.

Насколько каждой эпохе свойственны свои форманты или свое соотношение известных формантов, можно показать на урбанонимии Москвы. Например, названия, имеющие форму родительного падежа, встречались в Москве с XVII в. Но тогда они образовывались от неодушевленных существительных (площадь Тверских Ворот) и были единичны, составляя в XVII—XVIII вв. от 1 до 2% от общего количества урбанонимов. В послереволюционной Москве их число возросло до 25%. Они стали образовываться преимущественно от фамилий: площадь Маяковского, ул. Неждановой. Это увеличение числа урбанонимов в форме родительного падежа шло преимущественно за счет сокращения названий, имеющих форму прилагательных, которые в XVII в. составляли 74% всех названий, а в послереволюционной Москве сократились до 41%. Новые названия в черте Большой Москвы обычно имеют форму родительного падежа.

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТОПОНИМЫ?

Основное назначение топонимов — фиксация географических объектов на поверхности земли. Чтобы выполнять это свое назначение наилучшим образом, топонимы должны, называя, различать. В каждом языке выработались

свои способы называния. Среди них есть более удобные и менее удобные, которые постепенно совершенствуются. Чтобы хорошо различать объекты, одно название должно противопоставляться другому и каждое — всем. Решая вопрос о том, какими должны быть топонимы, мы одновременно покажем, какими они быть не должны.

Знаменитая сказка Андерсена «Соловей» начинается словами: «В Китае все люди китайцы и сам император тоже китаец». При таком положении вещей ничто ничему не противопоставляется. К сожалению, давая названия новым объектам, люди нередко забывают эту простую истину. Ведь на Волге все объекты волжские, на Черном море — черноморские, на железной дороге — железнодорожные. Поэтому лишенным смысла оказывается название станции Железнодорожная, поселка Железнодорожный. Близость к Волге оказывается некоторым различительным признаком, если подъехать к ней на поезде или по шоссе. Но если вы плывете по Волге на пароходе и обнаруживаете по ходу его следования свыше 20 названий с основой волг-/волж-, то поневоле вспоминаете сказку Андерсена и задаете вопрос, а нельзя ли быть более оригинальным?

Перечислим некоторые из волжских названий: 1) Заволжье — поселок на левом берегу Волги, против Калязина; 2) Заволжск и Заречный — на левом берегу, напротив Кинешмы; 3) Заволжье — на правом берегу Волги, напротив Городца; 4) Заволжское — на левом берегу, напротив поселка Волжское (западнее Ахтубинки); Приволжский на правом берегу, севернее Астрахани; 5) Большая Волга — место соединения канала имени Москвы с Волгой; 6) Волга — поселок и станция на левом берегу Волги, при дороге Рыбинск-Сонково; 7) Приволжск — городок и пристань на правом берегу, ниже Костромы; 8) Красное на Волге — напротив Приволжска; 9) Красный Волгарь и Волжск — выше Зеленодольска; 10) Волжский — севернее Куйбышева, у Царева Кургана; 11) Волгоград; 12) Волжский — южнее Сероглазовки.

Не дифференцируют объекты и другие речные названия, если они размещаются вдоль реки. Тем не менее на Северном Кавказе есть несколько поселений, расположенных по течению рек Теберда и Баксан, которые имеют одинаковые названия не только с реками, но и друг с другом. Чтобы их как-то различать, к ним прибавляются добавочные определения: Верхний Баксан, Нижний Баксан, просто Баксан, Верхняя Теберда, Нижняя Теберда,

Курорт Теберда. Когда объекты расположены по течению реки, добавочные определения Верхний и Нижний вполне естественны. Они характеризуют местонахождение объектов относительно друг друга.

В приведенных примерах все различие топонимов ложится исключительно на добавочные определения. Хотя мы указывали, что в ряде случаев лучше прибегать к добавочным определениям, чем к переименованиям, необходимо предупредить тех, кто предлагает новые названия для географических объектов, что, создавая названия, следует все-таки начинать с того, чтобы различающимися были их основы.

За последнее время в связи с массовыми изменениями, происходящими в топонимии отдельных областей, обнаружилось многочисленных случаи, когда несколько названий, расположенных относительно недалеко друг от друга, имеют одинаковые основы и отличаются лишь формантами. Это очень ненадежный способ различения, тем более что многим топонимам свойственно варьирование, которому подвержены преимущественно форманты.

Например, в предложениях по уточнению написания географических названий Саратовской обл. фигурировали поселки Приузенский, Приузенный, Новоузенский, Малоузенский и просто Узенный. Такое уточнение скорее приведет к путанице, к сбою в работе транспорта и связи. Очень плохо различаются названия Приозерный, Прибрежное и Береговое (Саратовская обл.) и Прибрежный и Бережок (Свердловская обл.). Совершенно нетопонимичны названия Прилужное и Подстенное (Саратовская обл.). Недостаточно различают именуемые объекты названия сел Долинное, Синий Дол и пос. Долинское, ср. также Разининный, Луговой (Саратовская обл.), Родниковое, Родничок и Исток (Свердловская обл.), Междуречье и Междуречье (Саратовская обл.).

На севере все объекты северные, на юге — южные. Тем не менее ойконимы Северный и Южный повторяются десятками, переставая быть различителями для именуемых объектов. Таким же образом десятки Береговых, Прибрежных, Портовых и Приморских не индивидуализируют объекты по берегам озер, морей, рек.

Нерешенной остается проблема названий железнодорожных станций и пристанционных поселков. Нередко это ведет к раздвоению некогда единого названия и к переоценке роли формантов. Так, при уточнении написания названий, расположенных на территории Свердлов-

ской области, были предложены следующие названия для станций и поселков: *Муранитная — Муранитный, Еланская — Еланский, Быньговская — Быньговский* и т. п. Если сопоставление с грамматическим родом слов *поселок* и *станция* так влияет на оформление ойконима, значит сам ойконим «чувствует» себя нетвердо. Называются же станции (или остановочные пункты) *Киев, Иваново*, и никого не смущает, что это не согласуется со словом *станция*. Если идти по пути придания названиям поселков мужского рода, а сел — среднего, то и здесь отсутствует последовательность. В этой же Свердловской обл. название поселка *Мугайский* переделали на *Мугайское, Новошипичный* — на *Новошипичное*, а название села *Сарсы Вторые* превратили в *Сарсы Второе*.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что лица, предлагающие подобные названия, забывают, что они создают слова, которые должны войти в наш язык. Но язык имеет свои законы, и то, что делается вопреки им, обречено на искажение, вплоть до полного отторжения. С этой точки зрения очень уязвимы новые названия, включающие даты и числа. Они неуклюжи, нетопонимичны, они трудны в речевой практике, где непременно подвергаются различного рода упрощениям. Собственное имя должно быть именем, а в таких топонимах, как *имени 15 лет Октября, имени 8 марта*, даже ничего нельзя поставить в именительном падеже и неясно, что следует писать с большой буквы и на какую букву расставлять по алфавиту. В живой речи такие топонимы превращаются в *Восьмое Марта, Пятнадцать лет Октября*, обретая нечто, что может быть в именительном падеже. Топонимическая система незримо давит на все, что ей противоречит. Поэтому, чтобы уберечь от искажений те имена людей и названия событий, которые нам хотелось бы увековечить, не следует включать их в состав топонимов указанного типа.

В процессе создания новых названий необходимо различать цели, с которыми это делается: что мы хотим, увековечить память или создать название. Хотя это и две стороны одной медали, но каждая должна быть доведена до совершенства. К сожалению, нередко, оформляя первую (увековечить память о ком-то), не заботятся о второй, хотя именно вторая оказывается наиболее важной. Приведем лишь один пример.

С целью увековечения памяти исследователя труднодоступных районов палеонтолога и писателя Ивана Анто-

новича Ефремова (1907—1972) Тындинский исполком Амурской обл. предложил переименовать станцию Усть-Нюкжа на БАМе в *Иван-Ефремов*, поскольку просто *Ефремов* уже есть в Тульской обл. В результате подобного переименования прежде всего уходит еще одно оригинальное название, соотношенное с гидронимом и дающее однозначное указание на местонахождение объекта, название, увязанное с другими, ср. *Усть-Тырма, Усть-Каренга, Усть-Токко, Усть-Бом*. Далее, ломается сложившаяся система. Поскольку один *Ефремов* уже есть, самый короткий путь создания нового топонима оказывается отрезанным. Значит, новое название неизбежно окажется длинным: *Ефремов-Восточный, Ефремов* Амурской области, *Иван-Ефремов, Ивано-Ефремовск...* А первое требование к топонимам — краткость, лаконичность и в то же время ёмкость и выразительность. Здесь же одно приносится в жертву другому.

Пересаживая в массовом порядке антропонимы в топонимический ряд, люди, очевидно, забыли, что обе системы, топонимическая и антропонимическая, складывались веками, и не случайно антропонимы обрели свою форму, а топонимы — свою. Такое распределение языковых средств оказалось логически оправданным. Если антропонимы имеют свой вид, а топонимы — свой, одного упоминания какого-либо слова достаточно, чтобы понять, о чем речь. У многих восточных народов это размежевание настолько четко, что, впервые узнав о существовании топонима *Пушкин*, некоторые жители Средней и Юго-Восточной Азии выразили недоумение: «Как это можно жить в человеке или поехать в человека?»

В ходе многочисленных переименований мы безжалостно нарушаем вековую традицию, смешивая оба ономастических ряда. На примере с увековечением имени Ивана Ефремова мы убедились, насколько этот антропоним сопротивляется включению его в топонимический ряд. Предлагавшие форму топонима *Иван-Ефремов* соотносили ее с имеющимися *Лев Толстой, Миха Цхакая, Ерофей Павлович*. Но все эти названия абсолютно нетопонимичны и претерпевают значительные искажения в устах местного населения, пытающегося придать им хотя бы некоторую топонимичность. Когда люди берут билет и едут до *Льва*, думают ли они о Льве Толстом или о том, что есть еще станция *Львовская*, до которой им не надо ехать? Может ли такое название быть памятником Льву Николаевичу Толстому? В подобных случаях неизбежно

происходит расщепление топонима на официально узаконенный вариант и принятый у местного населения, которое в своей речи пытается подогнать его под один из топонимических классов.

Такие названия создают ряд орфографических и прочих неудобств. Топоним требует цельнооформленности. Следовательно, он должен писаться через дефис *Лев-Толстой*, *Иван-Ефремов*, что неестественно для антропонима. Как будут писать люди этот адрес на конвертах своих писем? *Л. Толстой*, просто *Толстой*, *И. Ефремов*? На какую букву попадут эти названия в указателях железнодорожных и почтовых станций? Сколько лишнего времени на их поиск затратят кассиры, если названия на *Л* и на *Т* попадают в разные тома справочника?

Форма *Ивано-Ефремовск* или *Иваноефремовск* имеет прецедент: *Ивано-Франковск* — название громоздкое и неудобное. К тому же, если писать *Иваноефремовск* в одно слово, пропадет соотносительность с фамилией, если же писать через дефис, название окажется дезориентирующим, потому что в топонимии через дефис обычно пишут названия объединенных селений, сохраняющие обозначения своих отдельных частей: *Иваново-Вознесенск*, или два разных названия, под которыми они были известны: *Павлово-Блины*, *Ильинское-Хованское*.

Наличие нескольких топонимов, начинающихся с компонента *Ивано-* или *Иваново-*, также будут мешать работе предприятий связи: *Ивано-Франковск*, *Ивано-Ефремов(ск)*... есть еще *Ивана Франко*, *Иване-Пусте*...

Давящие новое название обычно бывают во власти тех макросхем, которые создают в литературном языке, и не учитывают местных условий функционирования топонима. А ведь именно на местный узус приходится максимум словоупотреблений. В результате новые названия не укладываются в местную топонимическую систему, делаются своего рода «белыми воронами» и легко подвергаются всевозможным переделкам в устах местных жителей.

Каждому типу географических объектов в каждом языке соответствуют свои топонимические типы, складывавшиеся веками и воспринимающиеся однозначно как названия таких-то объектов. Если лица, создающие новые названия, достаточно хорошо владеют их системностью, они придумывают топонимы, не противоречащие принятым. Такие названия легко вписываются в существующую систему и скоро сами становятся ее частью. Например, если в названиях труднодоступных объектов

(горных вершин, ледников, подводных и подземных формаций) принято увековечивать имена исследователей и этот ряд открыт, то имя *Ивана Ефремова* легко войдет в него вслед за *Потаниным*, *Арсеньевым*, *Миклухо-Маклаем*, *Пржевальским* и др., ср. также названия подводных объектов: *гайот Академик Книпович* в Атлантическом океане. У нас еще очень много неназванных объектов. Поэтому не надо переименовывать уже названные.

Хороший способ увековечивания памяти человека — наименование в честь него парохода. Вот в этот ряд наш «*Иван Ефремов*» попадает без всяких помех, без угрозы, что что-то в его имени будет искажено, что кто-то его не так поймет. Названия судов, как правило, двусоставны: «*Иван Павлов*», «*Александр Пушкин*», «*Космонавт Гагарин*» или «*Юрий Гагарин*». Наоборот, в этом ряду «белыми воронами» оказываются однословные названия, которых очень немного и они держатся лишь в силу больших традиций.

К числу общезыковых закономерностей относится варьирование собственных имен в речи. Если названия на данной территории достаточно хорошо различаются (т. е. противопоставляются друг другу), их варьирование не создает опасности для понимания. Например, *Ильичёвск* близ Одессы зовется у местных жителей *Ильичёвка*, посёлок *Никольское-Урюпино* близ Москвы можно в быту называть просто *Урюпино*, а *Медведково* — *Медведки*. Но там, где на небольшой территории сконцентрировано несколько очень похожих названий, в их употреблении всегда будет скованность. Например, близ Ярославля: *Некрасовское* (бывшая *Карабиха*), *Некрасово* — на противоположном берегу Волги и еще одно *Некрасово* — западнее Костромы. При таком положении вещей топоним не только лишен возможности к варьированию, но и сам нуждается в каких-то опорных словах.

Снова, возвращаясь к оказавшейся столь плодотворной аналогии с архитектурой, отметим, что хороший архитектор стремится к устранению лишних частей произведения, к тому, чтобы внутреннее пространство постройки согласовалось с его внешней структурой. Все это должно относиться и к работнику, регулирующему те формы и образы, в каких географическое название должно войти в справочные издания и в официальные источники. Оно не должно содержать ненужных, нецелесообразных, фальшивых элементов, и его внутренняя организация должна согласовываться с его внешней структурой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История становления географических названий отражает развитие человеческого познания и эволюцию отношения человека к внешнему миру, естественному, созданному природными условиями, и социальному, образованному в результате взаимодействия различных общественных институтов. Географические названия появляются на самом раннем этапе развития общества из потребности называть окружающие объекты, ландшафты, уголья, в процессе их познания человеком, для удобства ориентирования на местности и из необходимости объяснять друг другу, как ориентироваться.

Топонимическая лексика развивалась в тесной связи с прочими частями словарного состава языка. Она вбирала в себя то новое, что появлялось в языке, в том числе и новые слова, отражающие меняющиеся социальные и производственные отношения, достижения техники, прогресс науки.

Топонимическая лексика имеет ряд характерных отличий от слов общей лексики. К их числу относятся следующие: 1) вторичность ономастических номинаций; 2) индивидуальность каждого акта номинации; 3) особо тесная связь имени с именуемым объектом; 4) отсутствие непосредственной связи имени с понятием (она осуществляется через понятие именуемого объекта: *город, человек*); 5) отсутствие связи смысловых компонентов имени со смысловой линией текста, в котором она употребляется; 6) повышенная связь имени с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло.

Значение собственного имени не равно значению того нарицательного, от которого оно образовано, и никогда им не ограничивается. Значение имени прежде всего определяется известностью того объекта, который с его помощью именуется. Это фактор общественно-исторический. Помимо языковых компонентов, в значение имени входят и внеязыковые — эстетический, аффективный.

В последнее время стали говорить также о культурном компоненте значения имени. Правомерность выделения

этого компонента мы ставим под сомнение, поскольку любое имя, как и любое слово, связано с культурой создавшего его народа и культурой народов, в языки которых оно было заимствовано. В этом смысле вообще едва ли можно найти имя, стоящее вне культуры. Топонимы сотнями незримых нитей связаны с культурной жизнью человека, поэтому каждый топоним может рассматриваться как культурный памятник своей эпохи. Подобно тому, как есть общество охраны памятников архитектуры, необходимо подумать и о создании общества охраны топонимов как своеобразных культурно-исторических памятников языка и народа, их создавшего.

Какими бы различными путями ни создавались географические названия, в них всегда может быть отмечен ряд общих, универсальных черт, которые основаны на общих свойствах человеческого мышления — отбирать и закреплять в собственных именах типовые явления окружающей действительности, а также на том, что в каждом языке (но по-своему) представлены одни и те же значения и отношения, отражающие картину реальной действительности. Эти общие универсальные явления позволяют нам глубже и точнее познавать закономерности развития нашего языка.

Топонимы редко непосредственно соотносятся с реалиями, а следовательно, и с именами нарицательными. Между ними, как правило, имеется еще одно или несколько промежуточных звеньев — других собственных имен. Причины, почему данные собственные имена образовались именно от этих слов, а не от их синонимов, могут быть достаточно случайны. Любой объект обладает множеством различных свойств, а назван лишь по какому-то одному. Причины этого не могут быть выявлены в результате ретроспективного лингвистического анализа, потому что они лежат вне лингвистики и едва ли могут быть восстановлены без привлечения исторических, географических, краеведческих и иных материалов. Набор реалий, подлежащих топонимической номинации, в разных языках и у отдельных народов не совпадает вследствие объективно различающихся особенностей территории, населенной носителями различных языков, особенностей истории и культуры этих народов. Но даже если отвлечься от указанных внеязыковых обстоятельств, разноязычные топонимические системы все равно окажутся типологически разнородными, так как в этих языках формально по-разному отражены различные виды и подвиды топообъектов.

Для того чтобы правильно понимать географические названия, не обязательно знать нарицательное значение тех слов, от которых они, возможно, были образованы, но обязательно знать, с каким объектом соотносится топоним. Так, существует немало гипотез относительно происхождения таких названий, как *Москва*, *Волга*, *Кострома*, *Свияга* и т. д. То, что гипотез много, лишь подтверждает сложность проблемы, но не мешает функционированию этих имен в речи. Представители разных народов по-разному понимают и воспринимают многие собственные имена.

Организующим костяком в безбрежном море топонимов служат классы именуемых объектов, вокруг которых группируются имена определенных типов. При этом нередко судьба имени в языке зависит от того, какому географическому объекту оно дано, поскольку, попадая в разные топонимические ряды, имена испытывают различные влияния, подчиняются различным закономерностям и соответственно либо дольше удерживаются в языке, либо скорее заменяются другими, приходящими им на смену.

Каждый язык вбирает в себя весь комплекс географических названий, не только созданных сегодня из его слов и словообразовательных элементов, но и унаследованных от предыдущих эпох. Каждый современный язык распоряжается этими названиями по-своему, видоизменяя и «исправляя» то, что не согласуется с его «представлениями» о географических названиях. Поэтому для каждой эпохи все топонимы в равной мере оказываются словами того языка, который господствует на данной территории, и местное население с одинаковым успехом называет окружающие объекты и самыми современными и наидревнейшими именами. Все они на равных основаниях употребляются в данном языке, все в одинаковой степени называют географические объекты, привязывают их к месту и различают, несмотря на то, что среди них есть и названия-описания, и названия-метки.

Таким образом, на каждой территории сосредоточены топонимы разных типов, что и обеспечивает разнообразие топонимов, а следовательно, и четкую выделяемость именуемых с их помощью объектов. Для населения, которое создает топонимы и пользуется ими, они не отражают истории, а служат знаками для различения географических объектов, причем и названия-описания, и названия-метки выполняют это одинаково хорошо, если они на данной территории не дублируются и если рядом нет похожих названий.

К ВОПРОСУ О ПРАВОПИСАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Вопросы, связанные с письменным и устным употреблением топонимов в текстах различного назначения, нуждаются в том, чтобы на них остановиться особо. Поскольку в тексты русского языка (газеты, книги, журнальные статьи) попадают не только собственно русские, но и заимствованные иноязычные топонимы, нижеследующий обзор будет касаться и их.

Проблемы подачи топонимов в книгах, газетах, на картах включают употребление прописных букв, слитное, раздельное или дефисное написание многокомпонентных названий, употребление апострофа, особенности склонения, согласования, родовой соответственности топонимов в русском языке, образование форм множественного числа.

ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ

Согласно общему правилу русской орфографии, в географических названиях с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных: *Киев*, *Малая Вишера*, *Константинополь*, *Иль-де-Дьябль*, *Ростов-на-Дону*, *Булонь-сюр-Мер*, *Београд-на-Мору*, *Малые Альпы*.

Обозначения разрядов географических объектов, стоящие при названиях и помогающие названиям принять особую форму, необходимую для данного типа имен, пишутся со строчной буквы: *Московское море*, *канал имени Москвы*, *мыс Челюскин*, *море Бофорта*, *Коринфский перешеек*, *улица Горького*. Если слова, обозначающие разряды географических объектов, входят в состав названий, они пишутся с прописной буквы: село *Большое Озеро*, остров *Большая Дорога*, мыс *Сердце-Камень*.

СЛИТНОЕ, РАЗДЕЛЬНОЕ ИЛИ ДЕФИСНОЕ НАПИСАНИЕ

Раздельно пишутся те географические названия, отдельные части которых эквивалентны обычным словам и образуют обычные синтаксические сочетания: *Ясная Поляна*, *Центральные Каракумы*, *Белая Колья*, *Красная Глинка*, *Большое Неволяничье озеро*, ср. также микротопонимы: *Под вязом*, *У скалы*, *К левому берегу*.

Через дефис пишутся топонимы, отдельные компоненты которых составляют синтаксически необычные для русского языка сочетания: *Павлово-Блины*, *Гуляй-Борисовка*, *Переславль-Залесский*, *Бытоз-Матрёновка*. Сюда же относятся заимствованные иноязычные названия, отдельные части которых, будучи понятными словами языка-источника, не являются словами русского языка, вследствие чего взаимоотношения их русскому читателю неясны: *Герен-Кудук*, *Ферт-оф-Форт*, *Ойрот-Тура*, *Кочкор-Ата*, *Ишкар-Ола*.

Существует группа топонимов, включающих предлог на: *Нижольское-на-Черемшане, Ростов-на-Дону, Покров-на-Нерли* и т. п. С точки зрения русского языка это обычные сочетания слов: *Ростов на Дону*. Однако во всех географических пособиях эти названия пишутся с двумя дефисами, поскольку компонент «на Дону» считается составной частью топонима, а не простым указанием на местоположение г. Ростова и иных населенных пунктов.

Слитно пишутся топонимы с соединительными гласными, образованные на базе определительных словосочетаний: *Красноармейск* (Красная Армия), *Малоярославец* (Малый Ярославец); через дефис пишутся топонимы, образованные на базе сочинительных словосочетаний: *Петровско-Разумовское, Ильинское-Хованское*. К сожалению, правило это недостаточно хорошо реализуется, поскольку нередко за исходный момент при написании принималась не структура топонима, а отдельные топоосновы в словарном порядке. В результате топонимы с начальными компонентами *ново-, старо-, верхне-, нижне-, centrallyно-, средне-, северо- (северно-), западно- (западно-), юго- (южно-), восточно-* до сих пор не имеют единого написания. Различными актами и постановлениями местных органов власти за отдельными объектами закреплено индивидуальное написание, не подчиняющееся никаким языковым нормам: *Южно-Курильск* и *Южно-Сахалинск, Северо-Задонск* и *Североуральск*. Как будто бы намечается тенденция к выравниванию: писать названия, являющиеся по своему грамматическому характеру именами существительными, слитно: *Северодонецк, Северодвинск, Североморск, Восточносибирск*, а названия, являющиеся именами прилагательными, — через дефис: *Южно-Енисейский, Юго-Камский, Восточно-Коунрадский*. Но пока это только тенденция. На практике исключения можно обнаружить на каждом шагу. Более или менее единообразно написание лишь топонимов с начальными компонентами *красно-, бело-, сине-, семи-*: *Красноград, Красногорский, Краснознаменское, Белокуракино, Белоозерский, Новобелокатый, Новосинегазовский, Семикаракорск, Семибратово, Синегорский, Синегорье*.

Кроме юридической закреплённости отдельных написаний за определенными объектами от введения единого всеобщего правила удерживает еще один момент: получаются слишком длинные слова, трудные для чтения, восприятия, создается угроза неправильной доставки грузов, корреспонденции и т. д. Однако представляется, что эта аргументация не должна быть основной. Если нормы языка требуют единого написания для топонимов *Северодвинск* и *Северодвинское, Южноуральск* и *Южнокамский* (без подразделения их на прилагательные и существительные), это может быть осуществлено законодательным порядком. Если при этом могут получиться слишком длинные названия, можно рекомендовать впредь подобных названий не давать.

Обозначения *северо-восток, северо-запад, юго-восток, юго-запад*, а также компоненты *Северо-Западный, Северо-Восточный, Юго-Западный, Юго-Восточный* в составе топонимов согласно давней традиции пишутся через дефис.

Старые традиционные русские топонимы, включающие компонент *усть-* (т. е. *устье* — город или село стоит при устье реки, название которой может быть повторено в топониме), пишутся через дефис: *Усть-Абакан, Усть-Каменогорск, Усть-Нера, Усть-Чарышская Пристань, Усть-Шоноша*. Исключение: *Устюг, Устюжна*, давно пре-

вратившиеся в одно слово. Лишь по созвучию с перечисленными сближается тюркское *Устюрт*, не имеющее отношения к устью.

По традиции через дефис пишется *Соль-Илецк*, но *Сольвычегодск*, ср. *Солигалич, Соликамск*. Изменение написания первого топонима на *Солилецк* повело бы к закономерным для русского языка переразложениям внутри слова: *со-ли-лецк*. К сожалению, этого не понимают некоторые нормализаторы, меняющие дефисное написание тюркских, монгольских и некоторых других названий в русском языке на слитное. Чтобы избежать возникающих сложностей, они пишут *э* там, где это непонятно русскому читателю, например, в слове *Акъяр* или *Яньань* (при дефисном написании было *Ак-Яр, Ян-Ань*). Но даже и в тех случаях, где *э* не требуется, происходит полное переразложение отдельных компонентов внутри слова: *Кызыл-Аскер* — *Кы-зы-лас-кер, Кок-Узень* — *Ко-ку-зень* из-за действия внутри русского слова закона открытых слогов.

АПОСТРОФ

Апостроф — довольно редко употребляющийся в русских словах значок, сигнализирующий о том, что что-то здесь недописано, пропущено. Иногда с его помощью изображают какие-либо дефекты произношения, например картавость: *т'юбка, зд'асьте*. Одно время апостроф без достаточных оснований употребляли вместо отдельного твердого знака в таких словах, как *объявление, подъезд*. Также в функции разделителя употребляется апостроф в украинском языке: *п'ять, Дубов'язка*.

Значительно чаще в русском языке апостроф встречается в заимствованных именах собственных, где он обычно просто переносится из слов, написанных в латинской графике, в слова, записанные русскими буквами: *Брен-л'Алле, К'Аппель* (река, Канада), море *Д'Юрвиля, Берл-л'Этан, Барка-д'Алва* (город на границе Испании и Португалии).

В топонимах восточных языков апостроф показывает особое явление — перерыв (перебой) в произнесении гласного: *Са'ади, Ра'ас*.

В русской передаче подобных слов апостроф употребляется не всегда. Если в словах западных языков он обычно просто перепечатывается, то в словах восточных языков чаще опускается: *Саади, Раас*.

В украинских топонимах апостроф заменяется разделительным мягким знаком: *Дубов'язка*.

Родовая соотнесенность топонимов

От того, с каким грамматическим родом соотносится тот или иной топоним, зависит его склонение в русском языке и согласование в предложении. Распределение и перераспределение по родам слов русского языка, и в том числе топонимов, во многом зависит от их конечных элементов. Так, слова, оканчивающиеся на твердый согласный и на *-й*, относятся к муж. роду: *Дон, Днепр, Среднеуральск, Днепрострой, Индустриальный, Берлин, Рейн, Париж*; слова, оканчивающиеся на *-а* (я), относятся к жен. роду: *Москва, Печора, Высокая, Тирана, Генуя, Висла, Анкара*; слова, оканчивающиеся на *-о* (-е), относятся к сред. роду: *Ровно, Степаньково, Боровое, Пушкино, Фрязево*.

Конечные -о, -е в заимствованных топонимах обычно не служат показателями рода: *Тичино, Урбино, Брюгге*.

По согласованию с русским словом *город* такие топонимы часто употребляются в муж. роде: *шумный Брюгге, знаменитый Урбино, но Большое Богдо*. Непоказательны и конечные гласные -и, -у: *многогосудальный Триполи, оживленный Турку, Большая Лиави* (по согласованию со словом *река*).

Род таких топонимов определяется условно, по роду сопровождающих их слов: *гора Юнгфрау* (жен. род), *город Чарджоу* (муж. род), *озеро Эри* (сред. род). Однако существует ряд традиционных исключений: *пятиглавый Бештау, Северный Борнео*. Возможно, это связано с некоторой тенденцией в русском языке к увеличению числа слов муж. рода.

Наблюдаются отдельные случаи изменения грамматического рода. Например, название реки *Одер* после 1945 г. стало соотноситься с формой жен. рода и получило форму *Одра* в связи со старой славянской традицией.

До сих пор не ясна родовая принадлежность многих типично русских названий деревень и сел с суфф. -ов-, -ин-. Проведенное в Свердловской обл. обследование показало, что многие топонимы типа *Жуково, Красное, Вилино, Капустино* и т. п. в различных реестрах пишутся то с конечным -о, то с конечным -а. Некоторое влияние на это оказывает соотносительность со словами *деревня* (значит *Семёнова*) или *село* (тогда *Семёново*). Но применяются и особенности местного говора, различающие конечные безударные -о и -а. Если же такой топоним согласуется со словом *поселок* (муж. род), его соотношение с жен. или сред. родом опирается только на местное произношение конечных -о или -а.

Наблюдается значительный рост числа русских топонимов муж. рода, главным образом за счет названий поселков, которые оканчиваются на -ский, -ный, -ов-ый: *Октябрьский, Индустриальный, Промысловый*. Топонимы дают и значительный прирост числа слов среднего рода за счет названий сел и поселков с суфф. -ское, -ное, -ов-ое: *Гвардейское, Земляничное, Портовое*, а также за счет названий с суфф. -ов-о, -ин-о, особая топонимичность которых способствует однозначному восприятию снабженных ими слов как географических названий. Поэтому в случае колебаний относительно родовой принадлежности топонимов: *Федютино* или *Федюхина* — мы рекомендовали бы отдавать предпочтение формам сред. рода: *Федютино*.

Родовая принадлежность топонимов, оканчивающихся на мягкий согласный (на письме после него стоит буква Ъ), представляет значительную сложность. Обычные слова русского языка, оканчивающиеся на мягкий согласный, бывают либо мужского (*платье*), либо женского рода (*тень*). В связи с этим русские топонимы следуют местным традициям: к мужскому роду относятся топонимы *Суздаль, Коростень*, к женскому — *Пудость, Епифань, Тверь*.

Слова с конечным элементом -ань чаще бывают жен. рода: *Рязань, Кавань, Тамань, Астрахань, Любань, Познань*. Топоним *Испань* в прошлом склонялся по муж. роду. Теперь воспринимается как слово жен. рода.

Слова с конечным элементом -ень чаще относятся к муж. роду: *Искоростень, Пльзень*.

Топоним *Тюмень* в прошлом также принадлежал к муж. роду, хотя сейчас воспринимается как слово жен. рода.

Большинство топонимов с конечным элементом -унь относятся

к муж. роду: *Торунь, Корсунь*, но *Аргунь* жен. рода, очевидно, по согласованию со словом *река*.

Топонимы, оканчивающиеся на -поль, -виль, -славль, -мысль, -мышль, относятся к муж. роду: *Неаполь, Бельви́ль, Заславль, Радомысль, Перемы́сль*.

Топоним *Ларошель* в разных литературных произведениях встречается как в формах муж., так и в формах жен. рода, очевидно, по согласованию то со словом *город*, то со словом *крепость*.

Склонение

Склонение топонимов в русском языке ориентировано на склонение обычных слов, однако имеет свою специфику, поскольку конечные элементы многих топонимов не находят себе подобия в словах общего языка. Такие топонимы остаются несклоняемыми: *Торонто, Хакодате, Бриндизи, Тарту*. Они лишь согласуются в предложении по роду, числу и падежу с другими словами, не изменяясь сами по падежам и числам. Конечные -о, -е в топонимах *Токио, Бордо, Лондоко* лишь чисто внешне напоминают русские окончания сред. рода в словах типа *озеро, море*. Фактически эти -о, -е составляют часть основы чужезычного слова. Русские названия типа *Ровно, Дубно, Молодечно*, представляющие собой древние образования, не соответствующие живым типам, в книжной речи обычно не склоняются, но в устной речевой практике склоняются: *из Молодечна*.

Чешские названия типа *Брно, Комарно* в чешском языке склоняются. В русском языке конечное *о* этих топонимов не воспринимается как признак сред. рода, и они остаются без склонения: *из Брно*. Русские топонимы типа *Бородино, Комарово, Пушкино, Софрино, Поварово* обязательно склоняются. Наблюдающаяся иногда в устной речи тенденция их не склонять не имеет оправданий с точки зрения грамматической правильности русской речи.

При склонении топонимов, оканчивающихся на -ов (о), -ин (о), следует обратить внимание на их отличие в тв. падеже от склонения фамилий, поскольку среди них много очень похожих.

Топонимы	Фамилии
г. Белов—под Беловом	Белов—с Беловым
г. Пушкин—под Пушкином	Пушкин—с Пушкиным
г. Берлин—под Берлином	Берлин—с Берлиным
пос. Царицыно—под Царицыном	Царицын—с Царицыным
с. Михалёво—под Михалёвом	Михалёв—с Михалёвым

Иностранные фамилии, оканчивающиеся на -ин, -ов, имеют в тв. падеже ед. числа окончание -ом: *Дарвин—с Дарвином, Бюлов—с Бюловом*, поскольку -ин, -ов в них часть основы. Их склонение не отличается от склонения иноязычных топонимов с аналогичными конечными элементами: *Таллин—под Таллином, Трентов—под Трентовом*.

«Беглые» гласные встречаются при склонении топонимов, имеющих форму существительных ед. числа с суфф. -ец, -ок, -онок: *Вобринец—Вобринца, Ивенец—Ивенца, Керженец—Керженца, Оло-*

нец—Олонца, Воротынец—Воротынца, Вишневец—Вишневца, Елец—Ельца, Корец—Корца, Гвоздец—Гвоздца; Торжок—Торжка, Огонёк—Огонька, Пслушок—Пслушонка. Но: Владивосток—Владивостока, Поток—Потока, Моздок—Моздока, Оленёк—Оленька, поскольку в этих случаях -ок не суффикс, а часть основы. Название реки в Якутии Оленёк — это русификация нерусского, что и сказывается на склонении, ср. нарицательное русское: оленёк—оленька.

В неоднословных топонимах, представляющих собой обычные словосочетания, может склоняться каждый компонент отдельно, если их конечные элементы это допускают: Белая Глина—в Белой Глине, Нижний Тагил—из Нижнего Тагила, Старый Оскол—у Старого Оскола, но: Большой Богдо—под Большим Богдо.

Лишь один компонент названия склоняется в тех случаях, когда части его не согласуются друг с другом: из Ростова-на-Дону, у Гудай-Поля, в Усть-Ухте, в Анжеро-Судженске.

Лишь один компонент названия склоняется, если компоненты имеют синтаксически необычный порядок: из Гусь-Хрустального.

В пишущихся через дефис иноязычных топонимах склоняется только последний компонент: Сент-Обан—в Сент-Обане, Сюдад-Боливар—из Сюдад-Боливара, Перл-Харбор—у Перл-Харбора.

Название реки Москва в тех случаях, когда надо подчеркнуть, что это река, а не город, издавна употребляется в форме Москва-река, где свободно склоняется каждый компонент: за Москвой-рекой, от Москвы-реки. Тем не менее в речевой практике последних десятилетий наметилась тенденция склонять это название лишь в последней части: на Москва-реку, вдоль Москва-реки, что несколько противоречит традициям.

В языке официальных сообщений, в том числе в описаниях маршрутов, морских лоциях, военных доносениях, не полагается склонять географические названия: дошли до мыса Поворотный, встретились под городом Брянск, расположились южнее города Киева, воровались в населенный пункт Гатчина, пересекли реку Ока. Такой стиль, во-первых, позволяет избежать двусмысленности в определении рода объекта: форсировали реку Красная, взяли деревню Красная, захватили населенный пункт Красная Слобода, обосновались на заставе Полтавка, обстреляли высоту Красная и т. д. И, во-вторых, это способствует точности фиксации самих топонимов, потому что такие формы, как, например, на реке Пугамце, делают неясным, должна ли быть в им. падеже форма Пугамиц или Пугамица, или на острове Ронке — им. падеж Ронки или Ронка.

Однако этот официальный стиль не согласуется с нормами русского литературного языка, а в ряде случаев и противоречит им.

Поскольку для понимания топонима чрезвычайно важно знать, к какому роду объекта он относится, многие топонимы в различных текстах сопровождаются словами город, река, озеро и т. д., что накладывает известные ограничения на их склонение.

Можно выделить слова, поясняющие род географического объекта, в сочетании с которыми топонимы в русском литературном языке обычно склоняются. Это: город, столица, село, деревня, пункт, пригород, река, приток, колония, улица, республика, гора, крепость, пустыня: в городе Киеве, в столице Швеции Стокгольме, в селе Михайловском, в деревне Ольховке, в населенном пункте Весёлом, в пригороде Москвы Теплом Стане, на реке Висле и на ее притоке Радомке, в колонии Кенин, на горе Крестовой, в пустыне Сахаре.

Если нарицательное, обозначающее разновидность географического объекта, относится к иному грамматическому роду, нежели следующий за ним топоним, склонение затрудняется, особенно со словами деревня, река, колония, улица, республика, гора, пустыня, где возможно появление несклоняющегося топонима. Ср. на горе Ушбе, но на горе Эльбрус, на горе Казбек, в республике Либерии, но в республике Чад и даже в республике Гана, из пустыни Ка-ракум.

Склонение топонимов со словом крепость придает повествованию просторечный или архаичный оттенок: в крепости Измаиле.

Трудно склонять в обеих частях топонимы, предваряемые компонентом город: в городе Старый Крым, в городе Нижний Тагил, из города Новый Орлеан.

Обычно не склоняются топонимы, имеющие форму имен существительных, предваряемые словами селение, поселок, местечко, кишлак, застава, площадь, пассаж, промысел, прииск, месторождение, станция, государство, провинция, департамент, королевство, область, земля, район (в значении 'область'), округ, штат, озеро, пролив, залив, бухта, болото, колодец, ключ, перевал, остров, мыс, полуостров, горы, плато, плоскогорье, хребет, долина, урочище, плотина, строительство: на острове Куба, в поселке Нойкирхен, в штате Алабама. Если топонимы выражены именами прилагательными русского языка, они склоняются: у мыса Игольного, на острове Дзулагом.

Множественное число

Особую проблему составляет правомерность употребления топонимов во мн. числе. С одной стороны, казалось бы, если собственное имя дается единичному объекту, то оно не может употребляться во мн. числе. Наша Москва одна, так о каких же еще «Москвах» может идти речь? С другой стороны, если употребить во мн. числе топоним Горка — Горки, то перед нами уже другой топоним, относящийся к другому объекту. Тем не менее есть группа топонимов, употребляющихся только во мн. числе: Гавайи, Бермуды, Альпы, Пиренеи. Это, как правило, названия архипелагов или крупных горных систем.

Интересно, что топоним Балканы в дореволюционных изданиях, употреблявшийся во мн. числе, теперь все чаще выступает в форме Балкан, что соответствует употреблению этого топонима в болгарском языке. Правда, для Балканских гор у болгар есть и еще одно название: Стара-Планина, т. е. 'старая гора'.

Несмотря на указанные ограничения, в ряде случаев допустимо вполне оправданное употребление топонимов, обычно имеющих форму ед. числа, во мн. числе.

Например, в США есть несколько Санкт-Петербургов и Варшав, правда, произносятся эти названия несколько иначе: Сент-Питерсберг, Уорсо; На территории Якутии может разместиться шесть Франций и восемь Японий; Люди, пережившие свои Аустерлицы, опасаются предстоящих Ватерлоо.

Склонение одних и тех же топонимов в разных местах нашей страны, а также в центре и на местах может быть различным. Например, в литературном языке топонимы Барановичи, Екимовичи обычно склоняются с полным окончанием в род. пад. мн. числа: Барановичей, Екимовичей, местным населением они обычно упо-

требляются с усеченным, так называемым нулевым окончанием: из Баранович, у Екимович.

В род. падеже мн. числа закономерно имеют «нулевое» окончание топонимы с конечными элементами: -аны, -ины, -ищи, -ицы, -ары, -еры, -ки, -яты, -ята, -ны, -цы, -ки и ряд других: Каушаны—Каушан, Афины—Афин, Мытищи—Мытищ, Луховицы—Луховиц, Бровары—Бровар, Бендеры—Бендер, Салоники—Салоник, Дриссяты—Дриссят, Соколята—Соколят. При этом в топонимах с конечными элементами -ны, -ки появляется «беглый» гласный -о(-е): Ливны—Ливен, Лубны—Лубен, Катунки—Катунок, Вербилки—Вербилкок, Кринички—Криничек, Валулки—Валуек.

Топонимы, оканчивающиеся на -жи, -ши, -чи, а также ударные -ли, -ни, имеют в род. падеже мн. числа окончание -ей: Айнажи—Айнажей, Кйриши—Кйришей, Боровичи—Боровичей, Винзили—Винзилей, Ергени—Ергеней, Колгуши—Колгушей, но: Тетюши—Тетюш, Вахруши—Вахруш.

Топонимы, оканчивающиеся на -цы, -овцы (-евцы), -анцы, -ды, -лы, имеют в род. падеже мн. числа окончание -ов (-ев): Дунаевцы—Дунаевцев, Столбцы—Столбцов, Клиницы—Клинцов, Верейцы—Верейцев, Сланцы—Сланцев, Чердаклы—Чердаклов, Куванды—Кувандов, Нидерланды—Нидерландов. Но: Люберцы—Люберец с «беглым» е и нулевым окончанием.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Агороним — название городской площади, рынка, плаца.
Антроним — любое собственное имя, которое может иметь человек или группа людей, в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, родовое имя, династическое имя.
Антронимика — отрасль языкознания, изучающая имена людей.
Антронимия — совокупность антронимов.
Антропотопоним — топоним, образованный от антронима.
Геноним — собственное имя древнего рода или более позднего родоплеменного подразделения.
Генотопоним — топоним, образованный от генонима.
Географическое название — см. топоним.
Географический объект — любой объект на поверхности земли или в недрах земной коры, выделяемый человеком в качестве самостоятельной единицы.
Гидроним — собственное имя любого водного объекта, в том числе реки, озера, моря, ручья, колодца.
Гидронимия — совокупность гидронимов.
Годоним — название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, переулка, проезда, бульвара, набережной.
Дромоним — собственное имя любого пути сообщения — наземного, водного, подземного, воздушного.
Зооним — собственное имя, кличка любого животного.
Зоонимия — совокупность зоонимов.
Ландшафт — комплекс природных и культурных явлений, сосредоточенных на определенной территории.
Ландшафт ономастический (топонимический) — совокупность ономастических типов, представленных на определенной территории.

Макротопоним — собственное имя крупного географического объекта, природно-физического или искусственно выделяемого человеком.

Микротопоним — собственное имя небольшого природно-физического не населенного географического объекта или (реже) объекта, созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления, известное небольшому коллективу; часто находится на грани нарицательного и собственного имени.

Модель имени — определенная словообразовательная организация составных частей имени собственного.

Нарушение рядности (в топонимике) — создание топонимов, не соответствующих типам и моделям, принятым на данной территории.

Номенклатура — совокупность названий объектов, изучаемых данной отраслью знания, в том числе биологическая, географическая, химическая номенклатура.

Номинация — название, наименование, присвоение имени.

Ойконим — собственное имя любого поселения, в том числе города, деревни, села, хутора, поселка, отдельно стоящего двора и дома.

Ойконимия — совокупность ойконимов.

Омонимы — одинаково звучащие слова, относящиеся к разным объектам, соотношенные с разными понятиями.

Ономастика — раздел языкознания, изучающий любые собственные имена.

Ономастическая система — определенным образом внутренне организованная совокупность ономастических моделей, типов, рядов, в том числе топонимическая система, антропонимическая система.

Ороним — собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности, в том числе горы, холма, хребта, ущелья, провала, низины.

Реалия — специфическая местная особенность, в том числе связанная с условиями жизни и быта человека.

Рельеф — особенность ландшафта определенной местности, характеризующаяся формой земной поверхности и относительной высотой отдельных ее участков.

Ряд (топонимический) — наличие на определенной территории топонимов, имеющих некоторые общие черты друг с другом (основы, форманты, состав гласных или согласных и т. п.).

Спектр ономастических (топонимических) типов — состав и процентное отношение имен с отдельными структурами, представленных на определенной территории. Определенный набор спектров характеризует каждый ономастический (топонимический) ландшафт.

Тип (ономастический) — категория собственных имен, объединяемых по внешним и внутренним признакам.

Топоним — собственное имя любого географического объекта, в том числе ойконим, гидроним, ороним, урбаноним, годоним, агороним, дромоним.

Топонимика — раздел ономастики, изучающий топонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Топонимист — человек, занимающийся научным изучением топонимов.

Топонимическая основа — смысловая часть топонима.

Топонимическая система — определенным образом организованная совокупность топонимов известной территории, языка, народа. Ср. ономастическая система.

Топонимический ряд см. ряд (топонимический).

Топонимический формант — служебный компонент в составе топонима, образованный сочетанием одного или нескольких суффиксов и флексий, служащий для оформления топонимов как специальных слов и указывающий на принадлежность их к определенному топонимическому типу, классу, ряду.

Топонимия — совокупность топонимов.

Угодье — место, чем-либо полезное для человека, в том числе пастбище, покос, участок леса, пригодный для охоты; место, удобное для рыбной ловли.

Урбаноним — собственное имя любого внутригородского географического объекта (в отличие от учреждения, предприятия — см. эргоним), в том числе агороним, годоним, эрготопоним, внутригородское урочище.

Урочище — небольшой (обычно природно-физический) объект, выделяющийся своей почвой, растительностью и т. д. из окружающего ландшафта, в том числе участок леса, часть оврага, болота, место под обрывом, вокруг провала и т. п.

Физико-географический объект — природное образование на поверхности земли или под землей, выделяемое по контрасту с окружающей средой, в том числе равнина, гора, море, озеро, река, пещера.

Эргогеографический объект — творение рук человека на поверхности земли или под землей, в том числе город, деревня, сад, завод, пашня, вырубка, шахта.

Эргоним — собственное имя любого предприятия, учреждения, шахты, колхоза.

Эрготопоним — топоним, образованный от названия фабрики, завода, колхоза, шахты.

Этноним — название любого этноса, в том числе племени, племенного союза, народа, народности.

Этнотопоним — топоним, образованный от этнонима.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Ономастический континуум, или именная непрерывность	9
Ономастическое пространство	15
Слово на географической карте	17
Географические объекты	21
Какие бывают топонимы?	28
Топонимы-метки и топонимы-описания	35
Топонимы-регистраторы и топонимы-пожелания	41
Топонимы. Микротопонимы. Макротопонимы	42
Названия природно-физических объектов	48
Названия объектов, созданных человеком	58
Названия населенных мест	64
Названия внутригородских объектов	69
Основные линии топонимической номинации	82
Антропотопонимы. Этнотопонимы. Генотопонимы	89
От каких слов образуются топонимы?	95
Топоосновы и топоформанты	101
Топонимические системы	107
Почему так названо?	114
Информация	120
Транскрипция географических названий	126
Идентификация и стандартизация в топонимике	135
Переименование и традиция	143
Новые топонимы	152
Какими должны быть топонимы?	157
Заключение	164
К вопросу о правописании географических названий	167
Терминологический словарь	174